

5-28

P102319

Константи́нъ Николаевичъ Батюшковъ.

Издание А. А. ПЕТРОВИЧА.

СОЧИНЕНІЯ

К. Н. БАТЮШКОВА.

Съ біографіей и портретомъ К. Н. Батюшкова и критическимъ
очеркомъ академика Л. Н. Майнова.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул. \соб. домъ.
МОСКВА—1905.

Дозволено цензурою. Москва, 31 июля 1905 г.

К. Н. Батюшковъ.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ Вологдѣ 18-го мая 1787 года. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода и былъ сынъ помѣщика Новгородской, Вологодской и Ярославской губерній Николая Львовича Батюшкова, служившаго сперва въ военной, а потомъ въ гражданской службѣ. Николай Львовичъ былъ женатъ дважды: Константинъ Николаевичъ былъ послѣднимъ изъ дѣтей его отъ перваго брака—съ Александрю Григорьевною Бердяевою. Единственный ея сынъ, онъ почти не зналъ своей матери: въ послѣдніе годы жизни она находилась въ душевной болѣзни и скончалась въ то время, когда ребенку не было еще и восьми лѣтъ отъ роду.

Дѣтскіе годы свои Константинъ Николаевичъ провелъ въ родовомъ помѣстьи своего отца, сельцѣ Даниловскомъ (Устюженскаго уѣзда, Новгородской губерніи), еще въ XVI вѣкѣ пожалованномъ одному изъ его предковъ. Здѣсь онъ получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своихъ старшихъ сестеръ. Затѣмъ онъ былъ помѣщенъ въ Петербургѣ въ пансіонъ, содержавшійся французомъ Ос. П. Жакино. Это былъ опытный педагогъ, умѣвшій внушить своимъ ученикамъ уваженіе къ себѣ и любовь къ образованію. Курсъ учебныхъ предметовъ въ его пансіонѣ былъ довольно разнообразенъ и преподавался большею частью на французскомъ языкѣ. Пробывъ въ пансіонѣ Жакино около четырехъ лѣтъ, Батюшковъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, былъ переведенъ въ другой пансіонъ, который содержалъ учитель морского корпуса Ив. Ант. Триполи. Въ его заведеніи учебный курсъ былъ едва ли полнѣе, чѣмъ въ пансіонѣ Жакино; зато Батюшковъ и пробылъ здѣсь не болѣе двухъ лѣтъ; въ это время онъ между прочимъ и познакомился съ итальянскимъ языкомъ, занятія которымъ не покидалъ и впослѣдствіи. Еще съ отроческихъ лѣтъ Батюшковъ пополнялъ пробѣлы школьнаго ученія обширнымъ и разнообразнымъ чтеніемъ; въ особенности близко познакомился онъ съ французскою литературой XVII и XVIII вѣковъ.

Батюшковъ оставилъ пансіонъ 16-ти лѣтъ. Его первые шаги на самостоятельномъ жизненномъ поприщѣ были направляемы однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени, родственникомъ

и пріятелемъ отца его, Михаиломъ Никитичемъ Муравьевымъ, человѣкомъ высокой души и большого образованія, бывшимъ наставникомъ великаго князя Александра Павловича, а съ его воцареніемъ занявшимъ должность попечителя Московскаго университета и товарища министра народнаго просвѣщенія. Вліяніе Муравьева на Батюшкова выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что Константинъ Николаевичъ занялся латинскимъ языкомъ (который не преподавался въ пансіонахъ Жакино и Триполи) и познакомился съ поэзіей классической древности; изъ латинскихъ поэтовъ полюбилъ онъ въ особенности Горация и Тибулла. Въ домѣ Муравьева, гдѣ собирались лучшіе писатели того времени, развилась въ Батюшкова любовь къ словесности. Но кромѣ того, общеніе съ Муравьевымъ и пребываніе въ его семействѣ воспитали Константина Николаевича и въ нравственномъ отношеніи: онъ вынесъ отсюда твердыя, ясно сознанныя правила честности, благородства и любви къ ближнему.

Служебная карьера Батюшкова также началась при ближайшемъ содѣйствіи его почтеннаго родственника: въ 1802 году Батюшкова былъ опредѣленъ на службу въ канцелярію Муравьева письмоводителемъ по Московскому университету. Впрочемъ, эта служба мало привлекала молодого человѣка. Его интересы сосредоточивались въ области литературы, чему способствовалъ и составъ его сослуживцевъ, между которыми было нѣсколько молодыхъ писателей, а именно: Ив. П. Пнинъ, Дм. Ив. Языковъ, Н. И. Гнѣдичъ; этотъ послѣдній вскорѣ сталъ близкимъ другомъ Константина Николаевича.

Еще будучи въ пансіонѣ [Триполи, Батюшкова сдѣлалъ переводъ на французскій языкъ слова, произнесеннаго митрополитомъ Платономъ по случаю коронаціи императора Александра, и этотъ первый литературный опытъ его былъ тогда же напечатанъ. Къ 1802 году относятся первыя стихотворныя попытки Константина Николаевича; изъ числа ихъ въ элегіи „Мечта“ уже обнаруживаются проблески большого дарованія: юный поэтъ успѣлъ придать своей пьесѣ тотъ характеръ меланхоліи, который начиналъ въ то время господствовать въ литературѣ. Элегія эта навсегда осталась любимымъ произведеніемъ Батюшкова, и онъ неоднократно передѣлывалъ ее; послѣдняя передѣлка относится къ 1817 году, когда талантъ его достигъ уже полнаго развитія. Если элегія „Мечта“ отличается меланхолическимъ характеромъ, то другія раннія стихотворенія Батюшкова свидѣтельствуютъ о томъ, что молодая жизнь его текла мирно и пріятно. Мало отдаваясь службѣ, онъ охотнѣе дѣлилъ свое время между литературными занятіями и свѣтскими развлечениями. Успѣхи словесности возбуждали въ немъ живѣйшій интересъ, и еще въ то время онъ былъ однимъ изъ горячихъ поклонниковъ Озерова, восхищался прозою Карамзина, негодовалъ на литературное старовѣрство Шишкова и посмѣивался надъ бездарными писателями, которымъ покровительствовалъ авторъ книги „О старомъ и новомъ слоgѣ“. Большое вліяніе на Батюшкова оказало также его сближеніе съ извѣстнымъ любителемъ литературы,

искусства и древностей Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ; въ его гостепріимномъ домѣ молодой человѣкъ встрѣчался со многими писателями стараго и новаго поколѣнія, а бесѣды съ самимъ хозяиномъ были для него такою же школою изящнаго вкуса, какъ общеніе съ М. Н. Муравьевымъ.

Въ концѣ 1806 года, по случаю второй нашей войны съ Наполеономъ, былъ объявленъ манифестъ объ ополченіи; Оленинъ принималъ близкое участіе въ образованіи милиціи и взялъ Батюшкова на службу въ свою канцелярію. Но это было для молодого человѣка только шагомъ для перехода въ военную службу, въ которую онъ рѣшился опредѣлиться, увлекаемый общимъ взрывомъ патріотическаго воодушевленія. 22-го февраля 1807 года онъ былъ назначенъ сотеннымъ начальникомъ въ Петербургскій милиціонный баталіонъ и вслѣдъ затѣмъ выступилъ въ походъ къ прусской границѣ, предупредивъ своего отца трогательнымъ письмомъ о своемъ рѣшеніи стать въ ряды защитниковъ отечества.

Поэтъ нашъ былъ участникомъ въ двухъ сраженіяхъ съ французами—подъ Гутштадтомъ и подъ Гейльсбергомъ, и въ этой послѣдней битвѣ былъ раненъ въ ногу навилетъ. Его перевезли въ Ригу, гдѣ онъ нашелъ гостепріимство въ домѣ богатаго негоціанта Мюгеля. Пребываніе здѣсь Батюшкова связано съ однимъ важнымъ обстоятельствомъ его жизни: онъ горячо полюбилъ молодую дѣвушку, дочь своего хозяина, и встрѣтилъ взаимность съ ея стороны; любовь эта однако не увѣчилась бракомъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе несогласія Николая Львовича, но оставила глубокой слѣдъ въ душѣ поэта.

Батюшковъ рѣшилъ продолжать военную службу и по окончаніи войны: онъ былъ переведенъ въ гвардейскій егерскій полкъ. Въ составѣ этого полка онъ въ 1808 и 1809 годахъ участвовалъ въ войнѣ со Швеціей. Въ крупныхъ военныхъ дѣлахъ онъ однако не былъ и находился только въ славномъ зимнемъ походѣ на Аландскіе острова. Продолжительныя стоянки въ глухихъ городахъ Финляндіи нагнали уныніе на душу молодого поэта. Тѣмъ не менѣе пребываніе въ этомъ краю осталось не безъ вліянія на его молодое дарованіе; картины финляндской природы произвели на него сильное впечатлѣніе; онѣ представлялись его фантазіи мрачнымъ фономъ, на которомъ рисовались грандіозныя фигуры Оссиановыхъ героевъ. Результатомъ этихъ впечатлѣній была первая прозаическая статья Константина Николаевича — „Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи“.

По окончаніи финляндской кампаніи Батюшковъ получилъ отпускъ и лѣтомъ 1809 года уѣхалъ въ деревню, въ доставшееся ему отъ матери совмѣстно съ сестрами сельцо Хантоново (Череповскаго уѣзда, Новгородской губерніи). Однако, привыкнувъ къ обществу образованныхъ людей столицы, Батюшковъ скоро соскучился въ кругу своихъ провинціальныхъ сосѣдей; онъ былъ добрымъ помѣщикомъ, но хозяйствомъ не занимался и даже не любилъ его. Между тѣмъ воспоминаніе о любви, оставшейся неудовлетворенною, не покидало поэта. Такимъ образомъ, деревенское уединеніе

стало для него тягостнымъ. Главнымъ, почти единственнымъ его занятіемъ въ Хантоновѣ была попрежнему литература. Батюшковъ зачитывался Горациемъ и Тибулломъ, Вольтеромъ и Парни, котораго особенно любилъ. Подъ вліяніемъ этихъ писателей онъ обратился къ такъ называемой въ старину „легкой поэзіи“, къ антологическому роду. Кромѣ того, онъ переводилъ отрывки изъ Тасова „Освобожденнаго Іерусалима“ и написалъ шуточное стихотвореніе „Видѣніе на берегахъ Леты“, въ которомъ осмѣялъ бездарныхъ писателей старой школы, преимущественно Шишковскаго лагеря. Списокъ этой сатиры, посланный Батюшковымъ къ Гнѣдичу въ Петербургъ, пошелъ здѣсь по рукамъ, и насмѣшки остроумнаго поэта нажили ему много литературныхъ враговъ.

Въ концѣ 1809 года Константинъ Николаевичъ получилъ письмо отъ вдовы М. Н. Муравьева, Екатерины Ѳеодоровны, съ настоятельнымъ приглашеніемъ посѣтить ее въ Москвѣ, куда она переселилась по смерти мужа. Это приглашеніе было слишкомъ соблазнительно для скучавшаго молодого человѣка, и онъ рѣшился ему послѣдовать. Въ Москвѣ Батюшковъ встрѣтился со своимъ сослуживцемъ и близкимъ пріятелемъ И. А. Петинымъ, съ которымъ совершилъ Прусскую и Финляндскую кампаніи, и приобрѣлъ много новыхъ знакомствъ среди людей, жившихъ главнымъ образомъ литературными интересами, а именно: съ Н. М. Карамзинымъ, М. Тр. Каченовскимъ, В. Л. Пушкинымъ, княземъ П. Андр. Вяземскимъ и В. Андр. Жуковскимъ. Тѣсная дружба вскорѣ связала нашего поэта съ двумя послѣдними и уже не прерывалась въ теченіе всей его жизни. Дружба эта окончательно опредѣлила литературныя симпатіи Константина Николаевича, и прежде склонявшіяся на сторону новой литературной школы.

Весною 1810 года Батюшковъ получилъ отставку изъ полка, а на лѣто возвратился въ Хантоново. Здѣсь опять началось для него тоскливое одиночество, едва скрапываемое краткими періодами поэтического вдохновенія. Въ особенности тревожила его мысль объ устройствѣ своей будущности. Ему очень не хотѣлось пожертвовать своею независимостью, а между тѣмъ ограниченность его средствъ, при неумѣннй вести хозяйство и увеличивать доходы съ имѣнія, заставляла его думать о поступленіи снова на службу. Въ этомъ раздумьи прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ началѣ 1811 года Батюшковъ снова отправился въ Москву, чтобъ освѣжиться отъ томившихъ его заботъ въ обществѣ тамошнихъ своихъ друзей. На этотъ разъ кругъ его московскихъ знакомыхъ еще болѣе расширился; въ числѣ ихъ самымъ пріятнымъ для нашего поэта было знакомство съ одною умною и образованною дамой, Еленой Григорьевною Пушкиной. Памятникомъ ихъ дружбы остается слѣдующій небольшой отрывокъ, въ которомъ Елена Григорьевна набросала прекрасную его характеристику: „Батюшковъ былъ небольшого роста; у него были высокія плечи, впалая грудь, русые волосы, выющіеся отъ природы, голубые глаза и томный взоръ. Оттѣнокъ меланхоліи во всѣхъ чертахъ его лица соотвѣтствовалъ его блѣдности и мягкости его голоса, и это при-

давало всей его физиономіи какое-то неуловимое выраженіе. Онъ обладалъ поэтическимъ воображеніемъ; еще болѣе поэзіи было въ его душѣ. Онъ былъ энтузіастъ всего прекраснаго. Всѣ добродѣтели казались ему достижимыми. Дружба была его кумиромъ, безкорыстіе и честность — отличительными чертами его характера. Когда онъ говорилъ, черты лица его и движенія оживлялись, вдохновеніе свѣтилось въ его глазахъ. Свободная, изящная и чистая рѣчь придавала большую прелесть его бесѣдъ. Увлекаясь своимъ воображеніемъ, онъ часто развивалъ софизмы и, если не всегда успѣвалъ убѣдить, то все же не возбуждалъ раздраженія въ собесѣдникѣ, потому что глубоко прочувствованное увлеченіе всегда извинительно само по себѣ и располагаетъ къ снисхожденію. Я любила его бесѣду и еще болѣе любила его молчаніе. Сколько разъ находила я удовольствіе въ томъ, чтобъ угадывать и мимолетную мысль его, и чувство, наполнявшее его душу въ то время, когда онъ казался погруженнымъ въ молчаніе. Рѣдко ошибалась я въ этихъ случаяхъ. Тайное сочувствіе открывало моему сердцу все то, что происходило въ его душѣ. Это сочувствіе установило между нами короткость съ первыхъ дней нашего знакомства...“ Елена Григорьевна сохранила дружбу къ Константину Николаевичу навсегда и имѣла горькое утѣшеніе заботиться о немъ даже въ дни его тяжелой болѣзни, наполнившей собою вторую половину его жизни.

На лѣто 1811 года Константинъ Николаевичъ опять возвратился въ деревню, прожилъ здѣсь до начала слѣдующаго года и, наконецъ, въ началѣ 1812 рѣшился ѣхать въ Петербургъ искать счастья. На этотъ разъ попытки молодого поэта оказались не безплодными: благодаря содѣйствію Ал. Н. Оленина, онъ получилъ мѣсто помощника хранителя манускриптовъ въ Императорской Публичной библіотекѣ и такимъ образомъ сдѣлался сослуживцемъ такихъ людей, какъ С. С. Уваровъ, Ив. Андр. Крыловъ и старый его пріятель Гнѣдичъ. Переселеніе въ Петербургъ, разумѣется, опять повлекло за собою новыя знакомства: такъ, Батюшковъ познакомился съ извѣстнымъ поэтомъ Ив. Ив. Дмитріевымъ, тогдашнимъ министромъ юстиціи, сблизился съ молодыми поборниками литературныхъ реформъ Карамзина — Дм. Н. Блудовымъ и Дм. В. Дашковымъ, возобновилъ пріятельскія отношенія къ Ал. Ив. Тургеневу и т. д. Однако симпатіи поэта попрежнему влекли его къ московскимъ друзьямъ, и онъ велъ дѣятельную переписку съ Жуковскимъ и Вяземскимъ, обмѣниваясь съ ними мыслями и сообщая имъ хронику петербургской литературной жизни. Эти письма Константина Николаевича, точно такъ же, какъ и письма его изъ деревни и Москвы къ Гнѣдичу, чрезвычайно любопытны по откровенному выраженію мнѣній нашего поэта о современной ему словесности; вводя насъ въ интимный кругъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, они составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для знакомства съ умственнымъ движеніемъ образованнаго русскаго общества въ періодъ борьбы пишковиновъ и карамзинистовъ.

Въ Петербургѣ застали Батюшкова грозныя событія великой борьбы

съ Наполеономъ. Какъ въ 1807 году патріотическое воодушевленіе увлекло его въ военную службу, такъ и теперь онъ не хотѣлъ остаться безучастнымъ зрителемъ наступающихъ событій. Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1812 года онъ, по примѣру Жуковскаго и Вяземскаго, порывался вступить въ ряды русскаго войска, но болѣзнь и стѣсненные матеріальныя обстоятельства помѣшали ему исполнить это намѣреніе. Между тѣмъ онъ получилъ извѣстіе, что жившая въ Москвѣ Ек. Ѳ. Муравьева находится въ тревогѣ по случаю приближенія непріятельской арміи. Батюшковъ поспѣшилъ къ ней на помощь и затѣмъ вмѣстѣ съ нею поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, куда бѣжали многіе москвичи. Здѣсь, въ обществѣ Карамзина, Ив. М. Муравьева-Апостола и С. Н. Глинки, Батюшкову пришлось прожить до февраля 1813 года; бесѣды съ этими патріотами въ пору тяжкихъ испытаній и пробужденія народнаго духа имѣли рѣшительное вліяніе на образъ мыслей Батюшкова. Прежде онъ былъ космополитомъ и преклонялся предъ блестящею цивилизаціей Европы. Варварства, сопровождавшія нашествіе Наполеона, пожаръ Москвы, потрясеніе народнаго благосостоянія и общее воодушевленіе Россіи заставили его подумать о томъ, что не все хорошо, что даетъ намъ Западъ, и что много свѣжихъ, здоровыхъ силъ таится въ русскомъ народѣ, много добра скрывается въ его прошломъ и что великія судьбы ожидаютъ Россію въ будущемъ. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей въ Константинѣ Николаевичѣ еще упорнѣе проявилось желаніе поступить въ военную службу. Генералъ Ал. Н. Бахметевъ, раненый подъ Бородинымъ и пріѣхавшій въ Нижній-Новгородъ для лѣченія, предложилъ поэту занять должность адъютанта при немъ. Батюшковъ, разумѣется, согласился; но болѣзнь Бахметева затянулась: онъ не могъ отправиться въ дѣйствующую армію и потому отпустилъ Константина Николаевича, снабдивъ его рекомендательнымъ письмомъ къ извѣстному генералу Н. Н. Раевскому.

Въ февралѣ 1813 года Батюшковъ прибылъ въ Петербургъ, но только въ іюлѣ могъ отправиться вслѣдъ за русскою арміей, уже сражавшеюся съ французскими войсками въ Германіи. Въ Дрезденѣ Константинъ Николаевичъ нагналъ Н. Н. Раевского, который и зачислилъ его въ свой штабъ. Вскорѣ Батюшковъ пріобрѣлъ его расположеніе, оставался при Раевскомъ въ теченіе всей кампаніи 1813 и 1814 годовъ и неоднократно бывалъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ бою; между прочимъ онъ участвовалъ въ знаменитой битвѣ подъ Лейпцигомъ, въ которой былъ раненъ Раевскій и убитъ одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей нашего поэта, Петинъ. Въ свѣтъ своего генерала Батюшковъ вступилъ въ Парижъ 19-го марта 1814 года.

Пребываніе въ Германіи и Франціи оказало большое вліяніе на общее художественное развитіе нашего поэта. Въ Германіи онъ научился цѣнить нѣмецкую литературу въ произведеніяхъ Шиллера. Во Франціи, несмотря на враждебное чувство къ французамъ, вызванное современными событіями, онъ не могъ не оцѣнить по достоинству высокаго развитія французской культуры. Онъ любо-

вался кипучею жизнью столицы Франціи, посѣщалъ парижскіе театры и музеи, присутствовалъ между прочимъ въ томъ знаменитомъ засѣданіи Французской академіи, гдѣ былъ императоръ Александръ и гдѣ Вильменъ говорилъ ему привѣтствіе и читалъ при немъ отрывки изъ своего сочиненія о критикѣ. Художественныя сокровища Парижа привлекли къ себѣ особенное вниманіе Батюшкова, тѣмъ болѣе, что въ то время въ Луврѣ сосредоточивались знаменитыя произведенія искусства, не только накопленные французскими королями въ теченіе многихъ столѣтій, но и вновь вывезенныя Наполеономъ изъ другихъ столицъ въ качествѣ военной добычи.

Изъ Парижа Батюшковъ черезъ Англію и Швецію возвратился въ Петербургъ лѣтомъ 1814 года. Плодомъ этого путешествія были между прочимъ два извѣстныхъ его стихотворенія: „Тѣнъ друга“ и „На развалинахъ замка въ Швеціи“, и прозаическая статья „Поѣздка въ замокъ Сирей“. Въ Парижѣ онъ написалъ также, по словамъ князя Вяземскаго, „прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу, призванъ онъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа“. Къ сожалѣнію, стихи эти не сохранились. Многочисленныя и прекрасныя письма, которыя Батюшковъ писалъ друзьямъ во время своего пребыванія за границей, свидѣтельствуютъ о томъ высокомъ воодушевленіи, съ которымъ онъ совершалъ славный походъ, и о тѣхъ живыхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ вынесъ изъ своего непосредственнаго соприкосновенія съ зрѣлою образованностью Западной Европы въ главныхъ ея центрахъ.

По пріѣздѣ Батюшкова въ Петербургъ ему представилась возможность принять участіе въ торжественномъ приѣмѣ, встрѣтившемъ побѣдоноснаго монарха при его возвращеніи въ отечество. Устройство этого праздника въ Павловскѣ возложено было императрицей Маріей Ѳеодоровной на Юр. Ал. Нелединскаго-Мелецкаго, а послѣдній поручилъ Батюшкову сочиненіе хоровъ и лирическихъ сценъ, которыя предполагалось исполнить по прибытіи государя въ Павловскъ. Императрица Марія Ѳеодоровна осталась довольна трудами поэта и пожаловала ему брильянтовый перстень, который онъ немедленно отослалъ своей младшей сестрѣ.

Батюшковъ прожилъ въ Петербургѣ около полугода, и эта эпоха была знаменательнымъ временемъ его жизни во многихъ отношеніяхъ. Рѣзкій переломъ, обнаружившійся въ образѣ его мыслей, долженъ былъ отразиться и на его литературной дѣятельности. Онъ желалъ дать своему творчеству болѣе строгій характеръ, въ соотвѣтствіи съ новыми потребностями внутренняго развитія Россіи, которое, думалъ онъ, должно послѣдовать послѣ замиренія Европы. Желая, съ своей стороны, послужить успѣхамъ русскаго просвѣщенія, Батюшковъ принялъ на себя изданіе „Эмилиевыхъ писемъ“, одного изъ лучшихъ произведеній столь уважаемаго имъ покойнаго М. Н. Муравьева. Изданію этому онъ предпослалъ ха-

рактеристику автора, какъ писателя и человѣка, и радовался, что С. С. Уваровъ, тогдашній попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, предписалъ распространеніе этой книги въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ другой, тогда же написанной, статьѣ Батюшкова „Прогулка въ Академію художествъ“ мы находимъ замѣчательную оцѣнку тогдашняго состоянія русскаго искусства и горячія пожеланія объ его развитіи. Подобно Оленину, Муравьеву-Апостолу и Уварову, Батюшковъ думалъ, что основою русскаго просвѣщенія должно быть прочное насажденіе гуманнаго, классическаго образованія среди русскаго юношества.

Съ другой стороны, пребываніе Батюшкова въ Петербургѣ въ 1814 году связано съ пробужденіемъ въ сердцѣ нашего поэта серьезнаго чувства къ одной молодой дѣвушкѣ, жившей въ домѣ Олениныхъ, Аннѣ Федоровнѣ Фурманъ, знакомство съ которою относится еще къ періоду до послѣдней кампаніи. Но роковымъ образомъ любовь нашего поэта не встрѣтила желанной взаимности: онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли о бракѣ, въ которомъ надѣялся найти счастье. Тяжкія душевныя страданія Константина Николаевича разрѣшились нервнымъ расстройствомъ и только по прошествіи мѣсяца, благодаря нѣжному уходу Ек. Ѳ. Муравьевой, онъ поправился и въ концѣ января 1815 года уѣхалъ въ Хантоново.

Кратковременное пребываніе Батюшкова въ деревнѣ, при чемъ онъ посѣтилъ отца, не способствовало его душевному успокоенію. Между тѣмъ дѣла службы вызвали его изъ Хантонова: онъ долженъ былъ отправиться въ Каменецъ-Подольскъ, къ своему непосредственному начальнику, генералу Бахметеву. Жизнь въ Каменцѣ также не могла залѣчить сердечную рану поэта. Какъ мы видимъ изъ прекрасныхъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ этотъ періодъ *), онъ все еще терзался своимъ горемъ; письма изъ Петербурга только раздражали его напоминаніями о пережитомъ разочарованіи. Спасаясь отъ тяжелыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладостныхъ воспоминаній, Батюшковъ ушелъ въ себя и искалъ спасенія въ религіозномъ чувствѣ, до тѣхъ поръ дремавшемъ въ глубинѣ его сердца. Это настроеніе духа поэта выразилось въ стихотвореніи „Надежда“, въ которомъ міровоззрѣніе Батюшкова сближается съ возвышеннымъ религіознымъ направленіемъ Жуковскаго. Къ счастью, переписка съ этимъ благороднымъ другомъ и его нравственное вліяніе ободрили упавшій духъ Батюшкова и возвратили его къ поэзіи, отъ которой онъ готовъ былъ отказаться вмѣстѣ съ утратой надежды на сочувствіе любимой женщины. Тѣмъ не менѣе Батюшковъ чувствовалъ себя въ Каменцѣ удаленнымъ отъ всѣхъ людей, близкихъ ему по образу мыслей и интересамъ, и потому рѣшился оставить и этотъ городъ, и самую службу: въ началѣ 1816 года онъ былъ уже въ Москвѣ.

На этотъ разъ, живя въ древней столицѣ, Батюшковъ уже не увлекался свѣтскими удовольствіями и мирно проводилъ время въ

*) „Таврида“, „Разлука“, „Пробужденіе“, „Воспоминанія“.

кругу немногочисленныхъ друзей. Кромѣ измѣнившагося настроенія поэта, этому способствовало и состояніе его здоровья, заставлявшее его большую часть времени сидѣть дома. Въ апрѣлѣ 1816 года Батюшковъ получилъ, наконецъ, отставку и въ декабрѣ уѣхалъ въ Хантоново, гдѣ и прожилъ до осени 1817 года. Въ бытность свою въ Москвѣ и затѣмъ въ деревнѣ Батюшковъ много занимался литературой. Въ 1816 году имъ написаны двѣ замѣчательныя статьи въ прозѣ: „Вечеръ у Кантемира“ и „Рѣчь о легкой поэзіи“; въ первой онъ проводитъ параллель между просвѣщеніемъ западной Европы и Россіи и защищаетъ права своего отечества на самостоятельное духовное развитіе; во второй онъ высказываетъ свой взглядъ на тотъ родъ поэзіи, который составлялъ его лучшую славу, то-есть на область интимной лирики. Поэтическое творчество Батюшкова въ это время достигло поры полной зрѣлости: къ 1816 и 1817 годамъ относятся, между прочимъ, его превосходныя стихотворенія „Пѣснь Гаральда Смѣлаго“, „Гезіодъ и Омиръ соперники“ и „Умиравшій Тассъ“. Пьесы эти составляютъ образцы такъ называемой исторической элегии, а послѣдняя имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшее отношеніе къ внутренней жизни самого поэта. Батюшковъ издавна любилъ Тасса и въ его несчастной судьбѣ находилъ сходство съ печальными обстоятельствами своей собственной жизни. Влагая въ уста умирающаго Тасса горькія воспоминанія о прошломъ, въ которомъ онъ былъ

Отъ самой юности игралищемъ людей,
и съ тѣхъ поръ
добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія,

Батюшковъ высказывалъ свои собственныя сѣтованія на счастье жизни, въ которомъ онъ обманулся такъ жестоко и вынесъ изъ своего опыта одни горькія разочарованія; такимъ образомъ, умирающій Тассъ является воплощеніемъ усталой души самого нашего поэта, обращающей къ Провидѣнію свои послѣднія упованія.

Еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы Батюшковъ получилъ отъ одного изъ старыхъ своихъ друзей, Гнѣдича, предложеніе издать собраніе своихъ сочиненій. Живя въ деревнѣ, Константинъ Николаевичъ усердно занимался подготовленіемъ матеріаловъ для этого сборника, который Гнѣдичъ печаталъ въ Петербургѣ. „Опыты въ стихахъ и прозѣ“ Константина Батюшкова вышли въ свѣтъ осенью 1817 года, и къ этому же времени самъ поэтъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ нашелъ въ сборѣ почти всѣхъ своихъ друзей — Жуковского, Тургеневыхъ, Блудова, Уварова, Дашкова и они поспѣшили ввести его въ свой литературный кружокъ „Арзамасъ“, членомъ котораго, подъ именемъ Ахилла, Батюшковъ считался еще съ 1815 года. Арзамасцы въ это время готовились къ изданію журнала; ихъ намѣреніе встрѣтило полное сочувствіе со стороны нашего поэта; для задуманнаго изданія была написана Уваровымъ статья „О греческой антологіи“, для которой Батюшковъ сдѣлалъ переводъ нѣсколькихъ пьесъ; переводы эти соста-

вляють одно изъ лучшихъ его произведеній. Арзамасскій журналъ однако не состоялся, и статья Уварова, вмѣстѣ со стихами Батюшкова, была издана отдѣльною книжкой только въ 1820 году. Уваровъ въ это время вообще обнаружилъ большое вниманіе и сочувствіе къ Батюшкову; ему, между прочимъ, принадлежитъ лучшая изъ критическихъ статей, вызванныхъ въ періодической печати появленіемъ сборника сочиненій Батюшкова; она помѣщена въ издававшейся въ 1817 году въ Петербургѣ французской газетѣ „Le Conservateur impartial“.

Въ числѣ членовъ Арзамаса Батюшковъ нашелъ и молодого Ал. С. Пушкина: восемнадцатилѣтній юноша, онъ уже тогда выдавался своимъ геніальнымъ дарованіемъ, и Константинъ Николаевичъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ его; въ свою очередь и Пушкинъ, нерѣдко подражавшій Батюшкову въ своихъ раннихъ стихотвореніяхъ, ставилъ его очень высоко и признавалъ себя его ученикомъ. Много лѣтъ спустя А. С. Пушкинъ, говоря о своемъ стихотвореніи „Муза“, выразился слѣдующими знаменательными словами: „Я его люблю: оно отзывается стихами Батюшкова“.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ зимою 1817—1818 годовъ Батюшковъ началъ усиленно хлопотать о поступленіи въ дипломатическую службу. Въ іюлѣ 1818 года онъ подалъ составленное Жуковскимъ прошеніе на Высочайшее имя и, поручивъ свою судьбу своимъ друзьямъ, въ особенности Ал. Ив. Тургеневу, самъ тѣмъ временемъ поѣхалъ въ Одессу; путешествіе на югъ Россіи Батюшковъ уже давно собирался совершить, чтобы поправить свое разстроенное здоровье морскими купаньями. Онъ остался доволенъ своею поѣздкой на берега Чернаго моря, которые пробудили въ немъ классическія воспоминанія. Но самыя купанья помогали ему мало, и онъ уже собирался переѣхать въ Крымъ, когда получилъ письмо Ал. Ив. Тургенева, извѣщавшее о его назначеніи на службу въ Неаполь. Батюшковъ поспѣшилъ на сѣверъ, проститься съ родными и друзьями, и въ ноябрѣ 1818 года уѣхалъ въ Италію.

Пребываніе поэта въ Италіи продолжалось до мая 1821 года, при чемъ Батюшковъ жилъ преимущественно въ Неаполѣ и Римѣ. Какъ видно изъ писемъ Константина Николаевича, повсюду его занимали главнымъ образомъ историческія воспоминанія; онъ съ увлеченіемъ изучалъ древности и художественные памятники Италіи и, какъ самъ говорить, „зналъ наизусть всѣ камни Помпей“. Въ Римѣ посѣщалъ кругъ молодыхъ русскихъ художниковъ, посланныхъ въ Италію на счетъ нашей Академіи. Присмотрѣвшись къ ихъ быту, онъ въ письмѣ къ Оленину высказалъ даже нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ бы лучше устроить въ Римѣ положеніе академическихъ пенсіонеровъ.

Здоровье нашего поэта не поправлялось однако и подъ итальянскимъ небомъ; скука одиночества, отсутствіе извѣстій изъ Россіи, тоска по родинѣ, все это нагоняло на него хандру, отозвавшуюся главнымъ образомъ на его творческихъ способностяхъ. По его собственному сознанію, онъ почувствовалъ, что вовсе не мо-

жетъ писать стихи. Ко всему этому присоединились еще непріятности по службѣ, вслѣдствіе которыхъ Батюшковъ оставилъ Неаполь и причислился къ нашей миссіи при панскомъ дворѣ, подъ начальство А. Я. Италинскаго, который принялъ теплое участіе въ судьбѣ поэта. По представленію Италинскаго, въ апрѣлѣ 1821 года Батюшкову было разрѣшено отправиться въ безсрочный отпускъ, которымъ онъ и воспользовался для поѣздки въ Теплицъ на воды.

Уже въ это время въ поступкахъ поэта стала обнаруживаться нѣкоторая странность, предвѣстница тяжелаго недуга, впоследствии окончательно помрачившаго его умъ. Причины этой болѣзни разными лицами объяснялись различно; врачъ, долго пользовавшій Батюшкова, видѣлъ ихъ, съ одной стороны, въ наслѣдственномъ предрасположеніи его къ помѣшательству, съ другой—въ собственномъ душевномъ складѣ поэта, въ которомъ воображеніе рѣшительно господствовало надъ другими душевными способностями.

Осенью 1821 года Батюшковъ въ Дрезденѣ свидѣлся съ Жуковскимъ, который нашелъ его въ удрученномъ состояніи духа и старался ободрить его своими дружескими увѣщаніями. Но попытки эти были тщетны: Батюшковъ дичился людей и говорилъ, что рѣшилъ окончательно бросить поэзію. Жуковский успѣлъ однако записать съ его словъ стихотвореніе „Изреченіе Мелхиседека“, въ которомъ ярко выражается мрачное настроеніе, овладѣвшее душою нашего поэта. Проведя зиму 1821—1822 годовъ въ Дрезденѣ, Батюшковъ возвратился въ Петербургъ и затѣмъ отправился въ Крымъ и на Кавказъ. Онъ провелъ зиму въ Симферополѣ, и тутъ его душевный недугъ окончательно принялъ рѣзкую форму. Съ большими усиліями удалось довести больного до Петербурга и сдать его на попеченіе Ек. Ѳ. Муравьевой. Пріѣхала изъ деревни и сестра поэта, Александра Николаевна, чтобы ухаживать за больнымъ братомъ. Но Константинъ Николаевичъ не хотѣлъ видѣть близкихъ и въ самыхъ преданныхъ ему людяхъ предполагалъ своихъ враговъ и гонителей. Однажды посѣтилъ его князь Вяземскій и, желая развлечь его, спросилъ; не напишетъ ли онъ чего новаго? „Что писать мнѣ и что говорить о стихахъ моихъ!—отвѣчалъ Батюшковъ.— Я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ красивый сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился вдребезги. Поди, узнай теперь, что въ немъ было“.

Въ 1824 году рѣшено было отправить Батюшкова въ Саксонію, въ мѣстечко Зонненштейнъ, гдѣ находилось лѣчебное заведеніе для душевнобольныхъ доктора Пиница. Здѣсь Константинъ Николаевичъ пробылъ четыре года. Въ Зонненштейнѣ навѣщали его сестра Александра Николаевна, Ел. Гр. Пушкина и Жуковский. Но мало-по-малу выяснилось, что болѣзнь его неизлѣчима. Поэтому больной былъ порученъ попеченіямъ доктора Антона Дитриха, который въ 1828 году доставилъ его въ Москву. Тамъ прожилъ Батюшковъ до 1833 года, когда родные перевезли его въ Вологду, въ семью его племянника Гр. Абр. Гревенса. Съ те-

ченіемъ времени острая форма болѣзни Константина Николаевича миновала: онъ сталъ покоенъ, но полное сознаніе уже не возвращалось къ нему, и до самой смерти своей онъ прожилъ въ отчужденіи отъ того міра высшихъ интересовъ и творчества, для котораго былъ рожденъ. Пенсія, дарованная ему императоромъ Николаемъ, не прекращалась до конца его жизни. Батюшковъ скончался въ Вологдѣ 7-го іюля 1855 года и погребенъ въ Спасо-Придудкомъ монастырѣ, въ пяти верстахъ отъ этого города.

О сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова.

(Очеркъ Л. Н. Майкова.)

Батюшковъ пережилъ большую часть своихъ сверстниковъ на поприщѣ словесности; но остановленный въ своемъ развитіи тяжелымъ недугомъ, онъ прекратилъ литературную дѣятельность раньше всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ вмѣстѣ началъ ее. Въ тридцатичетырехлѣтній періодъ его душевной болѣзни русская литература совершенно преобразилась; первые дѣйствительные успѣхи того славнаго гения, которому она обязана этимъ переворотомъ, совпадаютъ съ концомъ творческой жизни Батюшкова. Въ этомъ случайномъ совпаденіи есть однако тѣсная внутренняя связь: Батюшковъ былъ ближайшимъ предшественникомъ Пушкина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Совершенство пушкинскаго стиха было подготовлено мастерскимъ стихомъ Батюшкова. Скажемъ болѣе: не равняя дарованія обоихъ поэтовъ, нельзя не признать нѣкоторыхъ общихъ чертъ въ характерѣ ихъ творчества. „Пушкинъ, — говорятъ намъ, — внесъ въ наше образованіе начало художественное, начало чистой поэзіи... Пушкинъ... впервые въ исторіи нашего умственного образованія коснулся того, что составляетъ основу жизни, коснулся индивидуальнаго, личнаго существованія. Русское слово, въ лицѣ Пушкина, нашло путь къ жизни и приобрѣло способность выражать дѣйствительность въ ея внутреннихъ источникахъ. До него поэзія была дѣломъ школы; послѣ него она стала дѣломъ жизни, ея общественнымъ сознаніемъ“. Но еще до Пушкина Жуковский и Батюшковъ выходили уже на тотъ путь, по которому такъ побѣдоносно прошелъ онъ. Оба они также стремились освободить нашу поэзію отъ вліянія школы, и оба не безъ успѣха. Вспомнимъ, что нѣкоторые мотивы поэзіи Жуковского, его романтический идеализмъ увлекали читателей довольно долго даже и въ Пушкинскій періодъ. Но Жуковский въ своемъ творчествѣ былъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ Батюшковъ: міросозерцаніе Жуковского, очень рано сложившееся, очень опредѣленное въ своемъ содержаніи, слишкомъ отзывалось своимъ происхожденіемъ съ чужой почвы. У Батюшкова нѣтъ такой цѣльности міросозерцанія; въ немъ, въ извѣстную пору, виденъ крутой поворотъ поэтической мысли; но самое это развитіе свидѣтельствуетъ о большей самобытности и

большей силѣ его таланта. Батюшковъ, какъ позже Пушкинъ, стремился найти основу для своего творчества въ дѣйствительности, въ непосредственномъ кругѣ своихъ впечатлѣній. Свойство его таланта было исключительно лирическое, и въ этомъ заключается и слабость его, и сила: слабость—потому, что лирическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности не исчерпывается возсозданіе жизни въ поэзіи; сила—потому, что въ сферѣ лирики онъ сумѣлъ коснуться самыхъ глубокихъ, самыхъ чувствительныхъ струнъ сердца; сила его таланта сказалась и въ его объективности: поэтъ, раскрывшій намъ тайну своего разочарованія въ элегіяхъ 1815 года и въ „Умирающемъ Тассѣ“, могъ въ то же время проникнуться свѣтлымъ міросозерцаніемъ древности и написать „Вакханку“ и подражанія греческой антологіи.

Говорятъ, что поэзія Батюшкова „почти лишена содержанія“ и что она „безлична въ смыслѣ народности“. Поэтъ нашъ, конечно, не задавался намѣреніемъ развивать въ своихъ стихахъ какіе-нибудь философскіе тезисы; но отрицать присутствіе живой мысли въ его произведеніяхъ несправедливо: если въ пьесахъ молодой поры онъ не идетъ далѣе выраженія ходячихъ въ его время понятій горацианскаго эпикуреизма, то въ стихотвореніяхъ своего зрѣлаго періода изображаетъ страданія своей надломленной жизнью души; обманувшія его мечты о счастіи вызвали его горькое разочарованіе, и это тяжелое душевное состояніе, это сознаніе разлада между идеаломъ и дѣйствительностью впервые сказалось въ русской поэзіи—въ стихахъ Батюшкова. Въ молодости онъ обнаруживалъ нѣкоторую наклонность къ сатирѣ; но онъ отказался отъ нея, когда талантъ его освободился отъ подражательности, и, конечно, былъ правъ: сознательно ограничивъ предѣлы своего творчества, онъ создалъ лучшія свои произведенія. Горе художнику, который ищетъ мотивовъ для своихъ произведеній внѣ своей души и своего внутренняго настроенія.

Упрекъ въ недостаткѣ народности можетъ быть обращенъ къ Батюшкову не въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ другимъ современнымъ ему поэтамъ: попытки Жуковскаго затронуть народные мотивы имѣютъ чисто внѣшній характеръ, и, можетъ быть, Батюшковъ сознательно воздерживался отъ соблазна ступить на этотъ скользкій путь; русскія бытовые черты чрезвычайно рѣдки въ его поэзіи; напомнимъ однако очень удачный—и смѣлый для своего времени—образъ „калѣки-воина“ въ посланіи „Мои пенаты“. Зато непосредственное хранилище народности, русскій языкъ, является въ его рукахъ послушнымъ уже орудіемъ: искусство владѣть имъ никому изъ современниковъ, кромѣ Крылова, не было доступно въ такой мѣрѣ, какъ Батюшкову, и только послѣ него доведено было до высшей степени совершенства Пушкинымъ и Грибоедовымъ. Упоминаемъ имя автора „Гори отъ ума“ потому, что до него только сказка Батюшкова „Странствователь и домосѣдъ“, вмѣстѣ съ баснями Крылова, можетъ быть приведена въ образецъ простой поэтической рѣчи. Другого характера поэтическій слогъ и языкъ—въ элегіяхъ, посланіяхъ и антологическихъ пье-

сахъ Батюшкова — подготовилъ способъ выраженія въ подобныхъ стихотвореніяхъ Пушкина.

Какъ въ дѣйствительной жизни Батюшковъ обнаружилъ способность только къ поэтическому творчеству, такъ и въ искусствѣ онъ былъ чистымъ художникомъ. Онъ не хотѣлъ знать за собою никакого другого призванія, а за искусствомъ не признавалъ практическихъ цѣлей, но ясно понималъ его высокое, облагораживающее и потому полезное значеніе. Сознательность поэтического творчества составляетъ его отличительную черту. И въ этомъ отношеніи Батюшковъ стоялъ впереди большинства литературныхъ дѣятелей своего времени и былъ ближе, чѣмъ къ нимъ, къ слѣдующему поколѣнію писателей.

Такимъ образомъ и въ разработкѣ внѣшней поэтической формы, и въ дѣлѣ внутренняго развитія поэтического творчества, и, наконецъ, въ отношеніяхъ поэзіи къ обществу художественная дѣятельность Батюшкова представляетъ счастливые начатки того, что получило полное осуществленіе въ дѣятельности гениальнаго Пушкина; потому-то Пушкинъ и признавалъ такъ открыто свое духовное родство съ Батюшковымъ. Великій преемникъ заслонилъ собою даровитаго предшественника; но Батюшковъ не можетъ быть забытъ въ исторіи русской художественной словесности. При блескѣ солнца меркнетъ блѣдная луна; но въ Божьемъ мірѣ всему есть свой часъ и свое мѣсто.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ друзьямъ.

Вотъ списокъ мой стиховъ,
Который дружеству быть можетъ драгоцѣненъ.
Я добрымъ гениемъ увѣренъ,
Что въ семь дедалъ приемъ и словъ
Недостаетъ искусства,
Но дружество найдетъ мои въ замѣну чувства,
Исторію моихъ страстей,
Ума и сердца заблужденъ,
Заботы, суеты, печали прежнихъ дней
И легкокрылы наслажденъ,—
Какъ въ жизни падалъ, какъ вставалъ,
Какъ вовсе умиралъ для свѣта,
Какъ снова мой челнокъ фортуны повѣрялъ...
И словомъ—весь журналъ
Здѣсь дружество найдетъ безпечнаго поэта,
Найдетъ и молвить такъ:
„Пашъ другъ былъ часто легковѣренъ,
Былъ вѣтренъ въ Паэосѣ, на Пиндѣ былъ чудакъ,
Но дружбѣ онъ зато всегда остался вѣренъ,
Стихами никому изъ насъ не докучалъ
(А на Парнасѣ это чудо!)
И жилъ такъ точно, какъ писалъ:
Ни хорошо, ни худо“.

1817.

1805.

I.

Э л е г і я.

Изъ Парни.

Какъ счастье медленно приходитъ,
Какъ скоро прочь отъ насъ летитъ!
Блаженъ, за нимъ кто не бѣжитъ,
Но самъ въ себѣ его находитъ!
Въ печальной юности моей
Я былъ счастливъ одну минуту,

Зато, увы, и горестъ люту
Терпѣль отъ рока и людей!
Обманъ надежды намъ пріятенъ,
Пріятенъ намъ хотъ и на часъ!
Блаженъ, кому надежды гласъ
Въ самомъ несчастіи сердцу внятенъ!
Но прочь, уже теперь бѣжить
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу измѣнила,
И вздохъ за нею вслѣдъ летить!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть невѣрную... Но пѣть,
Несносной правды вижу свѣтъ,
И должно мнѣ съ мечтой разстаться!
На свѣтъ все я потерялъ,
Цвѣтъ юности моей увялъ:
Любовь, что счастьемъ мнѣ мечталась,
Любовь одна во мнѣ осталась!

1807.

II.

Пастухъ и Соловей.

БАСНЯ.

Владиславу Александровичу Озерову.

Любимецъ строгой Мельпомены,
Прости усердный стихъ безвѣстному пѣвцу!

Не лавры къ твоему вѣнцу,

Рукою дерзкой сплетены,

Я въ даръ тебѣ принесъ. Къ чему мой оиміамъ

Творцу Димитрія, кому безсмертны музы,

Сложивъ признательности узы,

Открыли славы храмъ?

А храмъ сей затворенъ для всѣхъ зоиловъ строгихъ,
Богатыхъ завистью, талантами убогихъ.

Ахъ, если и теперь они своей рукой

Посмѣютъ къ твоему творенью прикасаться,

А ты, нашъ Эврипидъ, чтобъ позабыть ихъ рои,

Захочешь съ музами разстаться

И болѣ не писать,

Тогда прошу тебя разсказъ мой прочитать.

Пастухъ, задумавшись въ ночи безмолвной мал,

Съ высокаго холма вокругъ себя смотрѣлъ,

Какъ мѣсяцъ въ тишинѣ великолѣпно шель,

Лучомъ серебрянымъ долины освѣщая,

Какъ въ рощахъ липовыхъ чуть легкимъ вѣтеркомъ

Листы колеблемы шептали,
И свѣтлые ручки, почивъ съ природой сномъ,
Едва межъ береговъ струей своей мелькали.

Изъ рощи Соловей
Долины оглашалъ гармоніей своей,
И эхо пѣснь его холмамъ передавало.
Все душу Пастуха задумчиво плѣняло,
Какъ вдругъ пѣвецъ любви на вѣтвяхъ замолчалъ.
Напрасно нашъ Пастухъ просилъ о пѣсняхъ новыхъ.
Печальный Соловей, вздохнувъ, ему сказалъ:

„Не долго въ роцахъ сихъ дубовыхъ
Я радость воспѣвалъ!

Пройдетъ и пѣть охота,
Когда съ сосѣдняго болота

Лягушки кваканьемъ какъ бы на зло глушатъ;
Пусть эта тварь поетъ, а соловьи молчатъ!“
„Пой, нѣжный Соловей“, Пастухъ сказалъ Орфею,
„Для нихъ ушей я не имѣю.

Ты имъ молчаньемъ пѣть охоту придаешь:
Кто будетъ слушать ихъ, когда ты запоешь?“

III.

Къ Н. И. Гнѣдичу.

Только дружба общается
Мнѣ безсмертія вѣнокъ;
Онъ примѣтно увядаетъ,
Какъ отъ зноя василекъ.
Мнѣ оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?
Путь къ забавамъ проложенъ,
Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
Мнѣ ль за призракомъ гоняться,
Лавры съ скукой собирать?
Я умѣю наслаждаться,
Какъ ребенокъ, всѣмъ играть
И—счастливъ!.. Досель цвѣтами
Путь ко счастью устилалъ,
Пѣлъ, мечталъ, подчасъ стихами

Горестъ сердца улаждалъ,
Пѣлъ отъ лѣни и досуга,
Муза мнѣ была подруга:
Не былъ ей порабощенъ.
А теперь весна, какъ сонъ
Легкокрылый, исчезаетъ
И собою увлекаетъ
Прелесть пѣсней и мечты.
Нѣжны мирты и цвѣты,
Чѣмъ прелестницы вѣнчали
Юнаго пѣвца, завяли.
Ахъ, ужели наградитъ
Слава счастья утрату
И ко дней моихъ закату
Какъ нарочно прилетитъ?

1808.

IV.

Н. И. Гнѣдичу.

Прерву теперь молчанья узы
Для друга, сердца моего.
Давно ты отъ лѣнивой музы

Давно не слышалъ ничего.
И можно ль пѣть моей цѣвницѣ
Въ пустынь дикой и пустой,

Куда никакъ нельзя царицѣ
Поэзіи придти молодой!
И мнѣ ли пѣть подѣ гнетомъ
рока,

Когда меня судьба жестока
Лишила друга и родни?..
Пусть хладныя сердца одни
Средь моря бѣдствій засыпаютъ
И взоръ спокойно обращаютъ
На гробы ближнихъ и друзей,
Па смерть, на клевету жестоку,
Ползущу низкою змѣей,
Чтобъ рану нанести жестоку
И непорочности самой.

По мнѣ ль съ чувствительной
душой
Быть въ мірѣ золь спокойной
жертвой

И клеветы, и разныхъ бѣдъ?..
Увы, я знаю, что сой свѣтъ
Могилой создамъ намъ отвер-
стой,

Куда падеть, сраженъ косою,
И царь съ вѣнчанною главою,
И пастырь, и монахъ, и воинъ!
Ужели я одинъ достоинъ
И вѣчно жить, и быть блаженъ?
Увы, здѣсь всякъ отягощенъ
Ярмомъ печалей и цѣпями,
Которыхъ намъ по смерть ру-
ками,

Столь слабыми, нельзя сложить!
По можно ль ихъ, мой другъ,
влачить
Безъ слезъ, не сокрушась ду-
шевно?

Скорѣ моремъ лѣзя безбѣдно
На валкой ладіи проплыть,
Когда Борей расширить крылья,
Безъ вѣтриль, снастей и кор-
милъ

И къ небу взоръ не обратить.
Я плачу, другъ мой, здѣсь съ
тобою,

А время молніей летить.
Ужъ мѣсяцъ свѣтлый надо мною
Спокойно въ озеро глядитъ;
Все спитъ подѣ кровомъ майской
нощи,

Едва ли водопадъ шумить,
Безмолвенъ долъ, вздремали ро-
щи,
Въ которыхъ лучъ луны сколь-
зить

Сквозь вѣтви, на землю скло-
ненны,

И я, Морфеемъ удрученный,
Прерву цѣвницы скорбный гласъ
И, можетъ, въ полуночный часъ
Тебя въ мечтѣ, мой другъ, по-
знаю

И разъ еще облобызаю...

1809.

V.

Выздоровленіе.

Какъ ландышъ подѣ серпомъ убійственнымъ жнеча
Склоняетъ голову и вянетъ,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: Парки часъ настанетъ!
Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердце медленнѣе билось...
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о, жизнь души моей!
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,

И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь: она—твой даръ благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой:
Я отъ любви теперь увяну.

VI.

Отвѣтъ Н. И. Гнѣдичу.

Твой другъ тебѣ навѣкъ от- нынѣ	Въ Сабинскомъ домикѣ моемъ!
Съ рукою сердце отдастъ:	Тамъ глиняны свои пенаты
Онъ отслужилъ слѣпой богинѣ,	Подъ сѣнью дружной съединимъ,
Бесплодныхъ матери суеть.	Поставимъ брашны небогаты,
Увы, мой другъ, я въ дни мла- дые	А дни мечтой позолотимъ.
Цирцеямъ также отслужилъ,	И если къ намъ любовь заглянетъ
Въ карманы заглянулъ пустые,	Въ пріютъ, гдѣ дружбы храмъ
Покинулъ миръ и мечъ сложилъ.	святой,
Пускай, кто честолюбьемъ бо- ленъ,	Увы, твой другъ не перестанетъ
Бросаетъ съ Марсомъ огонь и громъ;	Еще ей жертвовать собой!
Но я—безвѣстностью доволенъ	Какъ гость, весельемъ пресы- щенный,
	Роскошный покидаетъ пиръ.
	Такъ я, любовью упоенный,
	Покину равнодушно міръ.

VII.

Стихи Н. С. Семеновой.

E in sì bel corpo più cara venia.

Тассъ, V-я пѣснь Освобожденнаго Иерусалима.

Я видѣлъ красоту, достойную вѣнца,
Дочь добродѣтельную, печальну Антигону,
Опору слабую несчастнаго слѣпца;
Я видѣлъ, я внималъ ся сердечну стону—
И въ рубищѣ простомъ почтенной нищеты
Узналъ богиню красоты.

Я видѣлъ, я позналъ ее въ Моинѣ страстной,
Средь сонма древнихъ бардъ, средь копій и мечей;
Ея гласъ сладостный достигъ души моей,
Ея взоръ пламенный, всегда съ душой согласной,
Я видѣлъ—я позналъ небесныя черты
Богини красоты.

О, дарованіе, одно другимъ вѣнчанно! ¹⁾
 Я видѣлъ Ксенію, стѣнящу предо мной:
 Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ княжной;
 Боренье всѣхъ страстей, въ ней къ ужасу слянно,
 Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотою—

И счастливъ сей мечтой!

Я видѣлъ... и хвалить не смѣлъ въ восторгѣ страстномъ.
 Но нынѣ, истиной священной вдохновенъ,
 Скажу: красота соборъ въ ней явно соединенъ,
 Душа небесная во образѣ прекрасномъ
 И сердца добраго всѣ рѣдкія черты,
 Безъ коихъ ничего и прелесть красоты.

VIII.

Тибуллова элегія III-я.

Изъ III-й книги.

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,
 Напрасно ѳиміамъ курилъ предъ алтарями,
 Напрасно!.. Делія еще съ Тибулломъ нѣтъ!
 Безсмертны, слышали вы скромный мой обѣтъ?
 Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и златѣ,
 Желалъ ли обитать во мраморной палатѣ?
 Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
 Златыми класами вѣнчанныя поля
 И стадо кобылицъ, рабами охраненно?..
 О бѣдности молилъ, съ тобою раздѣленной,
 Молилъ, чтобъ смерть меня застала при тебѣ,
 Хоть нища, но съ тобой!.. Къ чему желать себѣ
 Богатства Азіи или воловъ дебелыхъ!
 Ужели болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ
 Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ столбовъ
 Изсѣченъ хитростью наемныхъ пришлецовъ,
 Гдѣ все одинъ порфиръ Тенера и Кариста,
 Помосты мраморны и урны злата чиста,
 Луга пространные, гдѣ силою трудовъ
 Легла священна тѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ?
 Къ чему эритрскія жемчужины безцѣнны
 И руна тирскія, багрянцемъ напоенны?
 Въ богатствѣ ль счастье? Въ немъ призракъ, тщетный видъ
 Мудрецъ отъ ларя своихъ за златомъ не бѣжитъ,
 Колѣнь предъ случаемъ вѣкъ не преклоняетъ
 И въ хижинѣ своей съ фортунной обитаетъ.
 И бѣдность, Делія, мнѣ радостна съ тобой!
 Тотъ кровъ соломенный, Тибуллу золотой,

¹⁾ Дарованіе поэта и актрисы.

Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Стократъ благословенъ!.. Но если предо мною
Безсмертные вѣсовъ судьбы не преклонятъ,
Утѣшитъ ли тогда сей Римъ, сей пышный градъ?
Ахъ, нѣтъ! И золото блестящаго Пактола,
И громкой славы шумъ, и самый блескъ престола
Безъ Деліи—ничто, а съ ней и куща—храмъ,
Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!

О, дочь Сатурнова, услышь мое моленье,
И ты, любви мать! Когда же Паркъ сужденье,
Когда суровыхъ сестръ противно вретено
И Деліей владѣть Тибуллу не дано,
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блата топкія и воды Ахерона
Широкой цѣпію вокругъ ада облежать,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни спать.

IX.

Эпитафія.

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здѣсь: онъ былъ—и нѣтъ его.

X.

Воспоминанія 1807 года.

Мечты, повсюду вы меня сопровождали
И мрачной жизни путь цвѣтами устилали!
Какъ сладко я мечталъ на Гейльсбергскихъ поляхъ,

Когда весь станъ дремалъ въ покоѣ,
И ратникъ, опершись на копье стальное,
Въ усталости почилъ! Луна на небесахъ

Во всемъ величій блистала
И низкій мой шалапъ сквозь вѣтви освѣщала.
Аль свѣтлый чуть струю лѣнивую катилъ
И въ зеркальных водахъ являлъ весь станъ и рощи;
Едва дымился огонь въ часы туманной ночи
Близъ кущи ратника, который сномъ почилъ.
О, Гейльсбергски поля, о, холмы возвышенны,
Гдѣ столько разъ въ ночи, луною освѣщенный,
Я, въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ!
О, Гейльсбергски поля, въ то время я не зналъ,
Что трупы ратниковъ устелютъ ваши нивы,
Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ холмовъ,
Что я, мечтатель вашъ счастливый,

На смерть легя противъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжелу рану,
Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну!
И буря дней моихъ исчезла, какъ мечта...
Осталось мрачно воспоминанье...

Между протекшаго есть вѣчная черта:
Насъ сблизить съ нимъ одно мечтанье.
Да оживлю теперь я въ памяти своей
Сю ужасную минуту,
Когда, болѣзнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не въ родинѣ моей!
Но небо, виявъ моимъ моленіямъ усерднымъ,
Взглянуло окомъ милосерднымъ:
Я, Нѣманъ переплывъ, узрѣлъ желанный край
И, землю лобызавъ съ слезами,
Сказалъ: блаженъ стократъ, кто съ сельскими богами,
Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай
И, шага не ступя за хижину убѣгу,
Къ себѣ богиню быстрого
Въ молитвахъ не зоветъ!
Не слѣпъ ко славѣ онъ любовью,
Не жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и кровью,
Могилу зрить свою и тихо смерти ждетъ.

.
Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбѣ и любви неблагодаренъ буду!
Ахъ, мнѣ ли позабыть гостепріимный кровъ,
Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
Усердный эскулапъ божественной наукой
Исторгъ изъ-подъ косы и дивно исцѣлилъ
Меня, борющагося уже съ смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забылъ,
Тебя, которую я зрѣлъ передъ собою,
Какъ утѣшителя, какъ ангела добра!
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосудъ мнѣ подала: „Пей здравье и любовь!“
Тогда, казалось, сама природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью вѣичала
Долины, холмы и лѣса.

Я помню утро то, какъ слабою рукою
Склоняясь на костыли, поддержанный тобою,
Я въ первый разъ узрѣлъ цвѣты и дерева..
Какое счастье съ весной воскреснуть ясной!
(Въ глазахъ любви еще прелестнѣе весна.)
Я, восхищенъ природой красной,
Сказалъ Эмили: „Ты видишь, какъ она,

„Расторгнувъ зимній мразъ, съ весною оживаетъ,
 „Съ ручьемъ шумить въ лугахъ и съ розой расцвѣтаетъ;
 „Что бъ было безъ весны?.. Подобно такъ и я
 „На утрѣ дней моихъ увяль бы безъ тебя!“
 Тутъ, грудь кропя горячими слезами,
 Соединивъ уста съ устами,
 Всю чашу радости мы выпили до дна.

Увы, исчезло все, какъ прелесть сладка сна!
 Куда дѣвались восторги, лобызанья
 И вы, таинственны во тѣмѣ ночной свиданья,
 Гдѣ, заключа ея въ объятіяхъ моихъ,
 Я не завидовалъ судьбѣ боговъ самихъ!..
 Теперь я, съ нею разлученный,
 Считаю скукой дни, цѣпь горестей влачу.
 Воспоминанія, лишь вами окрыленный,
 Къ ней мыслію лечу,
 И въ часъ туманной полуночи
 Мечтой обворожены очи,
 Какъ призракъ, красоту въ одеждѣ легкой зрятъ,
 Ея и станъ, и взглядъ;
 Я къ ней объятія въ восторгѣ простираю...
 И тѣнь лишь обнимаю.

1810.

XI.

Къ И. А. Петину.

О, любимецъ бога брани,
 Мой товарищъ на войнѣ!
 Я платилъ съ тобою дани
 Богу славы не однѣ:
 Ты на киверѣ почтенномъ
 Лавры съ миртомъ сочеталъ,
 Я въ углу уединенномъ
 Незабудки собиралъ.
 Помнишь ли, питомецъ славы,
 Иденсальми страшну ночь?
 Не люблю такой забавы,
 Молвилъ я,—и съ музой прочь!
 Между тѣмъ какъ ты штыками
 Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
 Я геройскими руками...
 Ужинъ вамъ приготовлялъ.
 Счастливъ ты, шалунъ любезный,
 И въ Питерской сторонѣ;
 Я же, всюду бесполезный—

И въ любви, и на войнѣ,
 Время жизни въ сукъ трачу
 За крылатый счастья мигъ,
 Ночь зѣваю, утромъ плачу
 Объ утратѣ сновъ моихъ.
 Тщетны слезы! Мнѣ готова
 Цѣпь, сотканна изъ суетъ;
 Отъ родительскаго крова
 Я опять на морѣ бѣдъ.
 Мой челнокъ любовь слѣпая
 Править дѣтскою рукой,
 Между тѣмъ какъ лѣнь, зѣвая,
 На кормѣ сидитъ со мной.
 Можетъ быть, какъ быстра мла-
 дость
 Убѣжить отъ насъ бѣгомъ,
 Я возьмусь за умъ, да радость
 Уживется ли съ умомъ?
 Ахъ, почто же мнѣ заранѣ,

Другъ любезный, унывать?
 Вся судьба моя въ стаканѣ!
 Станемъ пить и воспѣвать:
 Счастливъ, счастливъ, кто цвѣ-
 тами
 Дни любви украшалъ,
 Пѣлъ съ безпечными друзьями,
 А о счастіи мечталъ!

Счастливъ онъ, и втрое болѣ
 Всѣхъ вельможей и царей!
 Такъ давай, въ безвѣстной долѣ,
 Чужды рабства и цѣпей,
 Кое-какъ тянуть жизнь нашу,
 Часто съ горемъ пополамъ,
 Паливать полиће чашу
 И смѣяться дуракамъ!

XII.

Привидѣніе.

Посмотрите: въ двадцать лѣтъ
 Блѣдность щеки покрываетъ,
 Съ утромъ вянетъ жизни цвѣтъ,
 Парка дни мой считаетъ
 И отсрочки не даетъ!
 Что же медлить? Вѣдь Зевеса
 Плачъ и стонъ не укротить,
 Смерти мрачной занавѣса
 Упадетъ, и я забыть!
 Я забыть... Но изъ могилы,
 Если можно воскресать,
 Я не стану, другъ мой милый,
 Какъ мертвецъ, тебя пугать.
 Въ часъ полуночныхъ явленій
 Я не стану въ видѣ тѣни
 То внезапно, то тишкомъ
 Съ воплемъ въ твой являться
 домъ.

Нѣтъ, по смерти, невидимкой
 Буду вокругъ тебя летать,
 На груди твоей подъ дымкой
 Тайны прелести лобзать;
 Стану всюду развѣвать
 Легкимъ устъ прикосновеньемъ,
 Какъ зефира дуновеньемъ,
 Отъ каштановыхъ волосъ
 Тонкій запахъ свѣжихъ розъ.
 Если лилія листьями
 Ко груди твоей прильнетъ,
 Если яркими лучами

Въ камелькѣ огонь блеснетъ,
 Если пламень потаенный
 По ланитамъ пробѣжалъ,
 Если поясъ сокровенный
 Развязался и упалъ,—
 Улыбнися, другъ безцѣнный,
 Это я!.. Когда же ты,
 Сномъ закрывъ прелестны очи,
 Обнажишь во мракѣ ночи
 Розъ и лилій красоты,
 Я вздохну, и гласъ мой томный,
 Арфы голосу подобный,
 Тихо въ воздухъ умретъ.
 Если жъ легкими крылами
 Сонъ глаза твои сомкнетъ,
 Я невидимо съ мечтами
 Стану плавать надъ тобой.
 Сонъ твой, Хлоя, будетъ дологъ,
 Но когда блеснетъ сквозь пологъ
 Лучъ денницы золотой,
 Ты проснешься... О, блаженство!
 Я увижу совершенство,
 Тайны прелести красотъ,
 Гдѣ самъ пламенный Эротъ,
 Оттѣнилъ рукой своею
 Розой дѣвственну лилею.
 Все опять въ моихъ глазахъ,
 Всѣ покровы исчезаютъ...
 Часъ блаженнѣйшій!.. Но, ахъ,
 Мертвые не воскресаютъ!

XIII.

Тибуллова элегія X-я изъ I-й книги.

Вольный переводъ.

Кто первый изострилъ желѣзный мечъ и стрѣлы?
 Жестокий, онъ изгналъ въ безвѣстныя предѣлы
 Миръ сладостный и въ адъ открылъ обширный путь!
 Но онъ виновенъ ли, что мы на ближнихъ грудь
 За золото, за прахъ желѣзо устремляемъ,
 А не чудовищей имъ дикихъ поражаемъ?
 Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ святой
 Изъ буковой коры межъ утвари простой,
 И столъ былъ отягченъ избыткомъ сельскихъ брашенъ,
 Тогда не знали мы щитовъ и твердыхъ башенъ,
 И пастырь близъ овецъ спокойно засыпалъ,
 Тогда бы дни мои я радостями считалъ,
 Тогда бъ не чувствовалъ невольно трепетанья
 При гласѣ бранныхъ трубъ! О, тщетное мечтанье!
 Я съ Марсомъ на войнѣ: быть можетъ, лукъ тугой
 Натянуть на меня пернатою стрѣлой...
 О, боги, сей ударъ вы мимо пронесите,
 Вы, лары отчески, отъ гибели спасите,
 И вы, хранившіе меня въ тѣни своей,
 Въ безопасности златой отъ колыбельныхъ дней,
 Не постыдитесь, что ликъ боговъ священный,
 Изсѣченный изъ пня и пылью покровенный,
 Въ жилищѣ праотцевъ уединенъ стоитъ!
 Не знали смертные ни злобы, ни обидъ,
 Ни клятвъ нарушенныхъ, ни почестей, ни злата,
 Когда священный ликъ домашняго пената
 Еще скудельный былъ на пепелищѣ ихъ!
 Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ простыхъ
 Мы učinимъ предъ нимъ обильны возліянья,
 Иль на чело его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья,
 Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей;
 Онъ благодатенъ намъ, сей мирный богъ полей,
 Когда на празднествахъ, въ дни майскіе веселы,
 Съ толпою чадъ своихъ оратай престарѣлый
 Опрѣсноки ему священны принесетъ,
 А дѣвы красныя—изъ улья чистый медъ.
 Спасите жъ вы меня, отеческіе боги,
 Отъ копій, отъ мечей! Вамъ даръ несу убогій—
 Кошницу полную Церериныхъ даровъ,
 А въ жертву—сей овенъ, краса моихъ луговъ.
 Я самъ, увѣнчанный и въ ризы облеченный,
 Явлюсь на утріе предъ вашъ олтарь священный.
 Пускай—скажу—въ поляхъ неистовый герой,
 Обрызганъ кровію, выигрываетъ бой,

А мнѣ—пусть благи сей буду я достоинъ!—
 О подвигахъ своихъ разскажетъ древній воинъ,
 Товарищъ юности, и, сидя за столомъ,
 Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чапъ виномъ.
 Почто же вызывать намъ смерть изъ царства тѣни,
 Когда въ подземный домъ вездѣ равны ступени?
 Она, какъ тать въ ночи, невидимой стопой,
 Но быстро гонится и всюду за тобой
 И низведетъ тебя въ тѣ мрачныя вертепы,
 Гдѣ ластъ адскій песъ, гдѣ фурии свирѣпы
 И кормчій въ челнокѣ на Стиксовыхъ водахъ.
 Тамъ тѣней блѣдныхъ полкъ толпится на берегахъ,
 Власы обожжены, и впады ихъ ланиты!..
 Хвала, хвала тебѣ, оратай домовитый!
 Твой вечерѣтъ вѣкъ средѣ счастливой семьи;
 Ты самъ въ тѣни дубравъ пасешь стада свои;
 Супруга между тѣмъ трапезу учреждаетъ,
 Для омовенья ногъ сосуды нагрѣваетъ
 Съ кристальною водою. О, боги, если бъ я
 Узрѣлъ еще мои родительски поля!
 У свѣтлаго огня, съ подругою младою,
 Я бъ юность вспомнѣлъ за чашей круговою
 И были, и дѣла давно протекшихъ дней!
 Сынъ неба, свѣтлый Миръ, ты самъ среди полей
 Вола дебелиаго ярмомъ отягощаешь,
 Ты благодать свою на нивы проливаешь
 И въ отческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
 Ліешь багряный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ!
 Въ дни міра острый плугъ и заступъ намъ священные,
 А мечъ, кровавый мечъ и шлемы оперенны
 Снѣдаетъ ржавчина безмолвно на стѣнахъ.
 Оратай изъ лѣсу тамъ ѣдетъ на волахъ
 Съ женою и съ дѣтьми. виномъ развеселенный.
 Дни мира, вы любви игривой драгоцѣнны!
 Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотой.
 Ты плачешь. Ливія? Но побѣдитель твой,
 Смотри, у ногъ твоихъ колѣна преклоняетъ.
 Любовь коварная украдкой подступаетъ,
 И вотъ ужъ среди васъ размолвившихъ сидитъ.
 Пусть молнія боговъ безщадно поразитъ
 Того, кто красоту обидѣлъ на сраженіи!
 Но счастливъ, если могъ въ минутномъ изступленіи
 Вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ измѣять
 И поясъ невзначай у дѣвы развязать!
 Счастливъ, трикратъ счастливъ, когда твои угрозы
 Исторгли изъ очей любви безцѣнны слезы!
 А ты, взлелѣянный межъ копій и мечей,
 Бѣги, кровавый Марсъ, отъ нашихъ алтарей!

XIV.

Ложный страхъ.

Подражаніе Парни.

Помнишь ли, мой другъ безцѣн-
ный,
Какъ съ амурами тишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
Помнишь ли, о, другъ мой нѣж-
ный,
Какъ дрожащая рука
Отъ побѣды неизбѣжной
Защищалась, но слегка?
Слышенъ шумъ: ты испугалась.
Свѣтъ блеснулъ и вмгъ погасъ,
Ты къ груди моей прижалась,
Чуть дыша... Блаженный часъ!
Ты пугалась, я смѣлся.
„Намъ ли вѣдать, Хлоя, страхъ!
„Гименей за все ручался,
„И Амуры на часахъ.
„Все въ безмолвіи глубоко въ,
„Все почило сладкимъ сномъ,
„Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ
„Подъ Морфеевымъ крыломъ!“
Рано утреннія розы

Запылали въ небесахъ...
По любви безцѣины слезы,
Но улыбка на устахъ,
Томно персей волнованье
Подъ прозрачнымъ полотномъ,
Молча новое свиданье
Объщали вечеркомъ.
Если бѣ Зевсова десница
Мнѣ вручила ночь и день,
Поздно бѣ юная денница
Прогоняла черну тѣнь,
Поздно бѣ солнце выходило
На восточное крыльцо,
Чуть блеснуло бѣ и сокрыло
За лѣсъ рдяное лицо,
Долго бѣ тѣни пролежали
Влажной ночи на поляхъ,
Долго бѣ смертные вкушали
Сладострастіе въ мечтахъ!
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой,
Остальною жъ половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

XV.

Отъѣздъ.

Ты хочешь, горесткой опііама
Чтобъ жертвенникъ я твой поч-
тиль?
Для грацій муза не упряма,
И я имъ лиру посвятилъ.

Я вижу, вокругъ тебя толпятся
Вдыхатели—шумливый рой!
Какъ пчелы на цвѣтокъ стре-
мятся
Иль легки бабочки весной.

И Марсъ, высокій, въ битвахъ
смѣлый,
И Селадонъ плаксивый тутъ,
И юноша еще незрѣлый
Тебѣ сердечну дань несуть.

Одинъ—я видѣлъ—все взды-
хаетъ,
Другой какъ мраморный стоитъ,
Болтунъ сорокой не болтаетъ,
Нахаль краснѣетъ и молчитъ.

Труды затѣйливой Арашны,
Сотканные въ углу тайкомъ,
Не столь для мухъ игривыхъ
страшны.
Какъ твой для насъ волшебный
домъ.

Но я одинъ, прелестна Хлоя,
Платить сей дани не хочу
И, осторожности удвоя,
На тройкѣ въ Питеръ улечу.

XVI.

Изъ Антологіи.

Сотъ меда съ молокомъ —
И Маинъ сынъ тебѣ надолго благосклоненъ!
Алкидъ не такъ-то скромнѣнъ:
Дай двѣ ему овцы, дай козу и съ козломъ;
Тогда онъ на овецъ прольетъ благословенъе
И въ снѣдъ не дастъ волкамъ.
Храню къ богамъ почтенъе,
А стада не отдамъ
На жертвоприношенъе.
Скажите: что за честь,
Когда не волкъ его, Алкидъ изволитъ съѣсть?

XVII.

Источникъ.

Изъ Парни.

Буря умолкла, и въ ясной лазури
Солнце явилось на западѣ намъ;
Мутный источникъ, слѣдъ яростной бури,
Съ ревомъ и шумомъ бѣжитъ по полямъ.
Зафна, приблизься! Для дѣвы невинной
Пальмы подъ тѣнью здѣсь роза цвѣтетъ;
Падая съ камня, источникъ пустынный
Съ ревомъ и съ пѣной сквозъ дебри течетъ.

Дебри ты, Зафна, собой озарила,
Сладко съ тобою въ пустынныхъ краяхъ!
Пѣсни любви ты мнѣ повторила,
Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крылахъ.
Голосъ твой, Зафна, какъ утра дыханъе,
Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ.
Тише, источникъ, прерви волнованъе,
Съ ревомъ и съ пѣной стремясь по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ отозвался;
Вижу улыбку и радость въ очахъ!
Дѣва любви, я къ тебѣ прикасался,
Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ!
Зафна краснѣетъ?... О, другъ мой невинный,
Тихо прижмися устами къ устамъ!
Будь же ты скромнѣнъ, источникъ пустынный,
Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по полямъ!

Чувствую персей твоихъ волнованъе,
Сердца бѣненъе и слезы въ очахъ:
Сладостно дѣвы стыдливой роптанъе!

Зафна, о, Зафна, смотри... тамъ въ водахъ
Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
Воды умчались — цвѣточка ужъ нѣтъ!
Время быстрѣе, чѣмъ токъ сей пустынный,
Съ ревомъ который сквозь дебри течетъ!

Время погубить и прелесть, и младость!...
Ты улыбулась, о, дѣва любви,
Чувствуешь въ сердцѣ томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень въ крови!...
Зафна, о, Зафна, тамъ голубь невинный
Съ страстной подругой завидуютъ намъ!
Вздохи любви источникъ пустынный
Съ ревомъ и съ шумомъ умчить по полямъ!

XVIII.

На смерть Лауры.

Изъ Петрарки, сонетъ: *Rotta è l'alta collonna e'l verde lauro.*

Колонна гордая, о, лавръ вѣчно зеленый,
Ты палъ, и я навѣкъ лишень твоихъ прохладъ!
Ни тамъ, гдѣ Индъ живетъ, лучами опаленный,
Ни въ хладномъ сѣверѣ для сердца нѣтъ отрадъ!
Все смерть похитила, все алчная пожрала,
Сокровище души, покой и радость съ нимъ!
А ты, земля, вовѣкъ корысть не возвращала,
И мертвый нѣмъ лежитъ подъ камнемъ гробовымъ!
Все тщетно предъ тобой — и власть и волхвованья...
Таковъ судьбы завѣтъ!.. Почто жъ мнѣ долъ жить?
Увы, чтобъ повторять въ часъ полночи рыданья
И слезы вѣчныя на хладный камень лить!
Какъ сладко, жизнь, твое для смертныхъ обольщенье!
Я въ будущемъ мое блаженство основаль,
Тамъ пристань видѣлъ я, покой и утѣшенье
И все съ Лаурою въ минуту потерялъ!

XIX.

Вечеръ.

Подражаніе Петраркѣ, *canzone IV.*

Въ тотъ часъ, какъ солнца лучъ потухнетъ за горою,
Склонясь на посохъ свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая отъ бремени годовъ,
Спѣшитъ, спѣшитъ съ полей подъ отдаленный кровъ
И тамъ, пришедъ къ огню, среди лачуги дымной
Вкушаетъ трапезу съ семьей гостепріемной,

Вкушаетъ сладкій сонъ, замѣну горькихъ слезъ!
А я, какъ солища лучъ потухнетъ средь небесъ,
Одинъ въ изгнаніи, одинъ съ моею тоскою,
Бесѣдую въ ночи съ задумчивой луною!

Когда вечерній лучъ потухнетъ средь морей,
И ночь, угрюмая владычица тѣней,
Сойдетъ съ высокихъ горъ съ отрадной тишиною,
Оратай острый плугъ увозитъ за собою
И, медленной стопой идя подъ отчий кровъ,
Поетъ простую пѣснь въ забвеніе всѣхъ трудовъ,
Въ тѣни домашнихъ ларь, и всюду сынъ послушный
Съ отцомъ и матерью вкушаетъ пиръ радушный.
Онъ счастливъ... Я одинъ тоской усыновленъ,
Грушу и день, и ночь среди безмолвныхъ стѣнъ!

Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный ликъ уставитъ
Въ недвижныя моря, пастухъ поля оставитъ,
Простится въ нивами, съ дубравой и ручьемъ
И гибкою лозой стада погонитъ въ домъ.
Игралище вѣтровъ среди пучины пѣнной,
И ты, рыбарь, спѣшишь на брегъ уединенной!
Тамъ, сѣти преклонивъ ко утлой ладѣ
(Вотъ все отъ грозныхъ буръ убѣжище твое!),
При блескѣ молніи, при шумѣ непогоды
Заснуль... И счастливъ ты, угрюмый сынъ природы!

Но се блѣднѣетъ тамъ багряный небосклонъ,
И медленной стопой идутъ волны въ загонъ
Съ холмовъ и пажитей, туманомъ орошенныхъ.
О, пѣспопѣйный мать, въ вертепахъ отдаленныхъ,
Въ изгнаніи горестномъ утѣха дней моихъ,
О, лира, возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ
И холмы спящіе, и кипарисны рощи,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой ночи,
Объятый трепетомъ склонился на гранитъ...
И надо мною тѣнь Лауры пролетитъ!

XX.

Радость.

Подражаніе Касти.

Любимца Кипридина
И миртомъ, и розою
Вѣнчайте, о, юноши
И дѣвы стыдливыя!
Толпами собирайтесь,
Руками сплетайтесь
И, радостно топая,

Скачите и прыгайте!
Мнѣ лиру тиисскую
Камены и граціи
Вручили съ улыбкою,
И пѣсни веселію,
Пріятнѣе нектара
И слаще амброзіи,

Блѣденъ, ночью Крезъ несчастный
Шепчетъ тихо, чтобъ жена
Не вняла сей гласъ ужасный:
„Мнѣ погибель суждена!“

Сердце наше — кладезь мрач-
ной:
Тихъ, покоенъ сверху видъ,

Но спустись ко дну... Ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!

Душъ великихъ сладостра-
стѣе,
Совѣсть, зоркій стражъ сер-
децъ,
Безъ тебя ничтожно счастье,
Гибель—злато и вѣнецъ!

XXII.

Отрывокъ изъ элегін.

О, пока безцѣнна младость
Не умчалася стрѣлой,
Пей изъ чаши полной радость
И, сливая голосъ свой
Въ часъ вечерній съ тихой лют-
ней,
Славь безпечность и любовь!
А когда въ сѣни пріютней
Мы услышимъ смерти зовъ,
То какъ лозы винограда
Обвиваютъ тонкій вязъ,
Такъ меня, моя отрада,
Обними въ послѣдній часъ!
Такъ лилейными руками
Цѣпью нѣжною обвей,
Съедини уста съ устами,
Душу въ пламени излей!

И тогда тропой безвѣстной,
Долу къ тихимъ берегамъ,
Самъ онъ, богъ любви прелестной,
Проведетъ насъ по цвѣтамъ
Въ тотъ Элизій, гдѣ все таетъ
Чувствомъ нѣги и любви,
Гдѣ любовники воскресаетъ
Съ новымъ пламенемъ въ крови,
Гдѣ, любуясь пляской грацій,
Нимфъ, сплетенныхъ въ хоро-
водъ,
Съ Деліей своей Гораций
Гимны радости поетъ.
Тамъ, подъ тѣнью миртовъ зыб-
кой,
Намъ любовь сплететъ вѣнцы,
И привѣтливой улыбкой
Встрѣтятъ нѣжные пѣвцы.

1811.

XXIII.

Посланіе графу М. Ю. Велеурскому.

О, ты, владѣющій гитарой трубадура,
Эраты голосомъ и прелестью Амура,
Вспомни, милый графъ, счастливы времена,
Когда насъ—юношей—увидѣла Двина,
Когда, отвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны.
Подъ знаменемъ любви я началъ воевать
И новый регламентъ и новые законы
Въ глазахъ прелестницы читать!
Заря весны моей! Тебя какъ не бывало!
Но сердце въ той странѣ съ любовью отдыхало,
Гдѣ я узналъ тебя, мой нѣжный трубадуръ!

Обѣтованный край, гдѣ вѣтренный Амуръ
Прелестнымъ личикомъ любезный полъ даруетъ,
Подъ дымкой на груди лилеи образуешь,
Какими бѣ и у насъ гордилась красота,
Вливаетъ томный огонь и въ очи, и въ уста,
А въ сердце юное—любви прямое чувство.
Счастливыя мѣста, гдѣ нравиться искусство

Не нужно для мужей,
Сидящихъ съ трубками вокругъ угольныхъ огней
За сыромъ выписнымъ, за Гамбургскимъ журналомъ,
Межъ тѣмъ какъ жены ихъ, смѣясь подъ опахаломъ,
„Люблю, люблю тебя!“ прищельцу говорятъ
И руку жмутъ ему коварными перстами!
О, мой любезный другъ, отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней, и съ прежними бѣдами,
Съ любовью и войной!

Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой пѣснопѣнье,
Вдохни огонь любви въ холодныя слова,
Еще отдай стихамъ потеряныя права

И камни приводить въ движеніе,

И горы, и лѣса!

Тогда я съ сѣльфами взлечу на небеса
И тихо, какъ призракъ, какъ лучъ отъ неба ясный,
Спущусь на берега пологіе Двины

Съ твоей гитарой сладкогласной,

Коснусь волшебныя струны,

Коснусь—и нимфы горъ при мѣсячномъ сіяньи,
Какъ тѣни легкія въ прозрачномъ одѣяньи,
Съ сѣльванами сойдутъ, услышать голосъ мой,
Наяды робкія, всплывая надъ водой,

Восплещутъ бѣлыми руками,

И майскій вѣтерокъ, проснувшись на цвѣтахъ,
Въ прохладныхъ рощахъ и садахъ

Повѣетъ тихими крылами.

Съ очей прелестныхъ дѣвъ онъ свѣтъ тонкій сонъ,

Отгонитъ легки сновидѣнья

И тихимъ шопотомъ имъ скажетъ: „Это онъ!

„Вы слышите его знакомы пѣснопѣнья!“

XXIV.

Сонъ воиновъ.

Изъ поэмы Парни: Иснелъ и Аслега, пѣснь 3-я.

Битва кончилась; ратники пируютъ вокругъ зажженныхъ дубовъ.

...Но вскорѣ пламень поту- И томный сонъ отягощаетъ
хаешь, Лежащихъ воевъ средь полей.

И гаснетъ пепелъ черныхъ пней, Сомкнулись очи, но призраки

Тревожатъ краткій ихъ покой:
 Иный лѣсовъ проходить мраки,
 Звѣрей голодныхъ слышитъ вой;
 Иной на лодкѣ легкой рѣшетъ
 Среди кипящихъ въ морѣ волнъ,—
 Весломъ десница не владѣетъ,
 И гибнетъ въ безднѣ бранный
 чёлгъ;
 Иной мѣста узрѣлъ знакомы,
 Мѣста отчизны, милый край,
 Ужъ слышитъ псовъ домашнихъ
 лай
 И зрить отцовъ поля и дома
 И нѣжныхъ чадъ своихъ... Меч-
 ты!
 Проснулся въ безднѣ темноты!
 Иной чудовище сражаетъ:
 Бесплодно мечъ его сверкаетъ,
 Махнулъ еще—его рука,
 Подъята вверхъ, окостенѣла,
 Бѣжать хотѣлъ—его нога
 Дрожитъ, недвижима, замлѣла;
 Встаетъ, и палъ! Иный плывётъ
 Поверхъ прозрачныхъ, тихихъ
 водъ
 И пѣнитъ волны подъ рукою;
 Волна, усиленна волною,
 Клубится, пѣнится горой

И вдругъ обрушилась, клокочетъ;
 Несчастный борется съ рѣкой,
 Воззвать къ дружинѣ вѣрной
 хочетъ,
 И голосъ замеръ на устахъ!
 Другой бѣжить на полѣ рат-
 номъ,
 Бѣжить, глотая пыль и прахъ,
 Трикрать сверкнулъ мечомъ бу-
 латнымъ,
 И въ воздухѣ недвижимъ мечъ!
 Звения, упали латы съ плечъ,
 Копье рамена прободаетъ,
 И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣ-
 кой;
 Несчастный раны зажимаетъ
 Холодной, трепетной рукой!
 Проснулся онъ и тщетно ищетъ
 И ранъ, и вражьяго копья.
 Но вѣтръ шумитъ и въ рошѣ
 свищетъ,
 И волны мутнаго ручья
 Подошвы скалъ угрюмыхъ ро-
 ютъ,
 Клубятся, пѣнятся и воютъ
 Среди дебрей снѣжныхъ и хол-
 мовъ...

XXV.

Мадагаскарская пѣсня.

Изъ Парпп.

Какъ сладко спать въ про-
 хладной тѣни,
 Пока долину зной палить,
 И вѣтеръ чуть въ древесной сѣни
 Дыханьемъ листья шевелить!
 Приблизьтесь, жены, и руками
 Сплетая дружно въ легкій
 кругъ,
 Протяжно, тихими словами
 Царя возвеселите слухъ!

Воспойте пѣсни мнѣ, дѣвицы,
 Плетущей сѣти для кошницъ,
 Или какъ, сидя у пшеницы,
 Она пугаетъ жадныхъ птицъ.

Какъ ваше пѣнье сердцу
 внятно,
 Какъ нѣгой утомляетъ духъ!
 Какъ, жены, издали пріятно
 Смотрѣть на вашъ сплетенный
 кругъ!

Да тихи, медленны и страстны
 Тѣлодвиженья будутъ вновь,
 Да всюду съ чувствами согласны
 Являютъ нѣгу и любовь!

Но вѣтръ вечерній повѣваетъ,
 Ужъ свѣтлый мѣсяцъ надъ рѣкой,
 И насъ у кущи ожидаетъ
 Постель изъ листьевъ и покой.

XXVI.

Надпись къ портрету N.

И тѣломъ, и душой ты на Амура схожа:
Коварна и умна, и столько же пригожа.

XXVII.

Мои пенаты.

Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому.

Отечески пенаты,
О, пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи;
Гдѣ васъ на новоселья
Смиренно, здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ,
Гдѣ, странникъ я бездомный,
Всегда въ желаньяхъ скромный,
Сыскалъ себѣ пріютъ.
О, боги, будьте тутъ
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный оиміамъ
Поэтъ приносить вамъ,
Но слезы умиленья,
Но сердца тихій жаръ
И сладки пѣсногѣнья,
Богинь Пермесскихъ даръ!
О, лары, оживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь—
И будетъ счастливъ въ ней!..
Въ сей хижинѣ убогой
Стоить передъ окномъ
Столъ ветхой и треногой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣтель славы
И суеты мірской,
Виситъ полузаржавый
Мечъ прагѣдовъ тупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель,
Все утвари простыя,
Все рухляя скудель.
Скудель!.. Но мнѣ дороже,

Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей!

Отеческіе боги,
Да къ хижинѣ моей
Не сыщеть въ вѣкъ дороги
Богатство съ суетой,
Съ наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о, мой убогій
Калѣка и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О, воинъ, у меня,
Войди и обсушися
У яркаго огня.
О, старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ,
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихоръ на поляхъ,
И вокругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!..
И ты, моя Лилета,
Въ смиренной уголокъ
Приди подъ вечерокъ
Тайкомъ, переодѣта!
Подъ шляпою мужской

И кудри золотыя,
И очи голубыя,
Прелестница, сокрой!
Накинъ мой плащъ широкой,
Мечомъ вооружись
И въ полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла; нарядъ военный
Упалъ къ ея ногамъ,
И кудри распущенны
Взвѣвають по плечамъ,
И грудь ея открылась
Съ лилейной бѣлизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вотъ съ улыбкой нѣжной
Садится у огня,
Рукою бѣлоснѣжной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Какъ вѣтеръ межъ листьями,
Мнѣ шепчетъ: „Я твоя,
„Твоя, мой другъ сердечной!“
Блаженъ, въ сѣни безпечной
Кто милою своей,
Подъ кровомъ отъ ненастья,
На ложѣ сладострастья
До утреннихъ лучей
Спокойно обладаетъ,
Спокойно засыпаетъ
Близъ друга сладкимъ сномъ!

Уже потухли звѣзды
Въ сіяніи дневномъ,
И пташки теплы гнѣзды,
Что свиты подъ окномъ,
Щебеча покидаютъ
И нѣгу отрясаютъ
Со крылышекъ своихъ;
Зефиръ листы колышетъ
И все любовью дышетъ
Среди полей моихъ;
Все съ утромъ оживаетъ,
А Лила почиваетъ
На ложѣ изъ цвѣтовъ,
И вѣтеръ тиховѣйной
Съ груди ея лилейной
Сдулъ дымчатый покровъ,
И въ локоны златыя

Двѣ розы молодыя
Съ нарциссами вплелись:
Сквозь тонкія преграды
Нога, ища прохлады,
Скользитъ по ложу внизъ...
Я Лилы пью дыханье
На пламенныхъ устахъ,
Какъ розъ благоуханье,
Какъ нектаръ на пирахъ.
Покойся, другъ прелестной,
Въ объятіяхъ моихъ!
Пускай въ странѣ безвѣстной,
Въ тѣни лѣсовъ густыхъ,
Богинею слѣпою
Забить я отъ пеленъ,
Но дружбой и тобою
Съ избыткомъ награжденъ!
Мой вѣкъ спокоенъ, ясенъ,
Въ убожествѣ съ тобой
Мнѣ милъ палашъ престою,
Безъ злата милъ и красенъ
Лишь престелью твоей!

Безъ злата и честей
Доступенъ добрый геній
Поэзіи святой,
И часто въ мирной сѣни
Бесѣдуетъ со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!
(Когда страстей волненье
Уснетъ, и свѣтлый умъ,
Летая въ поднебесной,
Земныхъ свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣтаетъ хоры музъ!)
Небесно вдохновенье,
Зачѣмъ летишь стрѣлой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
Въ отрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставля тайны сѣни
Стигійскихъ береговъ
Иль области эирыны,

Воздушною толпой
 Слетать на голосъ лирный
 Бесѣдовать со мной!
 И мертвые съ живыми
 Вступили въ хоръ единъ...
 Что вижу? Ты предъ ними,
 Парнасскій исполинъ ¹⁾,
 Пѣвецъ героевъ, славы,
 Вслѣдъ вихрямъ и громамъ,
 Нашъ лебедь величавый,
 Плывешь по небесамъ!
 Въ толпѣ и музъ, и грацій ²⁾,
 То съ лирой, то съ трубой
 Нашъ Пиндаръ, нашъ Гораций
 Сливаетъ голосъ свой;
 Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
 Какъ Суна средь степей,
 И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
 Какъ вешній соловей.
 Фантазіи небесной
 Давно любимый сынъ,
 То повѣстью прелестной
 Плѣняетъ Карамзинъ,
 То мудраго Платона
 Описываетъ намъ,
 И ужинъ Агатона,
 И наслажденья храмъ,
 То древню Русь и нравы
 Владиміра времянь,
 И въ колыбели славы
 Рожденіе славянъ.
 За ними сильфъ прекрасной,
 Воспитанникъ харитъ,
 На цитрѣ сладкогласной
 О Душенькѣ бренчить ³⁾;
 Мелецкаго съ собою
 Улыбкою зоветъ,
 И съ нимъ, рука съ рукою.
 Гимнъ радости поетъ!
 Съ Эротами играя,
 Философъ и пѣтъ,
 Близъ Федра и Пильпая
 Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
 Бесѣдуя съ звѣрями,
 Какъ счастливый дитя,
 Парнасскими цвѣтами
 Скрылъ истину шутя.

За нимъ въ часы свободы
 Поютъ среди цвѣтовъ
 Два баловня природы,—
 Хемницеръ и Крыловъ.
 Наставники-пѣты,
 О, Феговы жрецы!
 Вамъ, вамъ плетутъ хариты
 Безсмертные вѣнцы!
 Я вами здѣсь вкушаю
 Восторги Піеридъ
 И въ радости зываю:
 О, музы, я пѣтъ!

А вы, смиренной хаты,
 О, лары и пенаты,
 Отъ зависти людской
 Мое скройте счастье,
 Сердечно сладострастье,
 И нѣгу, и покой!
 Фортуна, прочь съ дарами
 Блистательныхъ суетъ!
 Спокойными очами
 Смотрю на твой полетъ:
 Я въ пристань отъ ненастья
 Челнокъ мой проводилъ,
 И васъ, любимцы счастья,
 Навѣки позабылъ.
 Но вы, любимцы славы,
 Наперсники забавы,
 Любви и важныхъ музъ,
 Безпечные счастливцы,
 Философы-лѣнивцы,
 Враги придворныхъ узъ,
 Друзья мои сердечны,
 Придите въ часъ безпечный
 Мой домикъ навѣстить,
 Поспорить и попить!
 Сложи печалей бремя,
 Жуковский добрый мой!
 Стрѣлою мчится время,
 Веселіе стрѣлой!
 Позволь же дружбѣ слезы
 И горестъ усладить
 И счастья блеклы розы
 Эротомъ оживить.
 О, Вяземскій, цвѣтами
 Друзей твоихъ вѣнчай!

¹⁾ Ломоносовъ. — ²⁾ Державинъ. — ³⁾ Богдановичъ.

Даръ Вакха передъ нами:
 Вотъ кубокъ, наливай!
 Питомецъ музъ надежный,
 О, Аристипповъ внукъ,
 Ты любишь пѣсни нѣжны
 И рюмокъ звонъ и стукъ!
 Въ часъ нѣги и прохлады
 На ужинахъ твоихъ
 Ты любишь томны взгляды
 Прелестницъ записныхъ
 И всѣ заботы славы,
 Суешь и шумъ, и блажь
 За быстрый мигъ забавы
 Съ поклонами отдашь!
 О, дай же ты мнѣ руку,
 Товарищъ въ лѣни мой,
 И мы потопимъ скуку
 Въ сей чашѣ золотой!
 Пока бѣжить за нами
 Богъ времени сѣдой
 И губить лугъ съ цвѣтами
 Безжалостной косой,
 Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
 Въ путь жизни полетимъ,
 Упьемся сладострастьемъ
 И смерть опередимъ;
 Сорвемъ цвѣты украдкой

Подъ лезвеемъ косы
 И лѣнью жизни краткой
 Продлимъ, продлимъ часы!
 Когда же Парки тощи
 Нить жизни допрядутъ
 И насъ въ обитель нощи
 Ко прадѣдамъ снесутъ,—
 Товарищи любезны,
 Не сѣуйте о насъ!
 Къ чему рыданья, слезы,
 Наемныхъ ликовъ гласъ?
 Къ чему сія куренья
 И колокола вой,
 И томны псалмопѣнья
 Надъ хладною доской?
 Къ чему?.. Но вы толпами
 При мѣсячныхъ лучахъ
 Сберитесь и цвѣтами
 Усѣйте мирный прахъ,
 Иль бросьте на гробницы
 Боговъ домашнихъ ликъ,
 Двѣ чаши, двѣ цѣвницы
 Съ листьями повиликъ!
 И путникъ угадаетъ
 Безъ надписей златыхъ,
 Что прахъ тутъ почиваетъ
 Счастливецъ молодыхъ.

XXVIII.

На смерть супруги Ѳ. Ѳ. Коношкина.

Nell'età sua più bella e più fiorita...
 E viva... e bella al ciel salita ..

Petrarca.

Иѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестной Лилы,
 Все осиротѣло!
 Плачь, любовь и дружба! Плачь, Гименъ унылый,
 Счастье улетѣло!
 Дружба, ты всечасно радости цвѣтами
 Жизнь ея дарила,
 Ты свою богиню съ воплемъ и слезами
 Въ землю положила.
 Ты печальны тисы, кинарисны лозы
 Насади вокругъ урны!
 Пусть приносятъ юность въ даръ чистѣйши слезы
 И цвѣты лазурны!

Все вокруг уныло! Чуть зефиръ весенній
Памятникъ лобзаеъ;
Здѣсь, въ жилищѣ плача, тихій смерти геній
Розу обрываетъ.

Здѣсь Гимонъ прикованъ, блѣдный и безгласный,
Вѣчною тоскою
Гаситъ у гробницы своей свѣтильникъ ясный
Трепетной рукою!

1812.

XXIX. .

Дружество.

Подражаніе Біону.

Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ,
Кто любить и любимъ чувствительной душой!
Тезей на берегахъ Коцита не страдаетъ:
Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрный Пириѳой,
Атридовъ сынъ въ цѣняхъ, но зависти достойнъ:
Съ нимъ другъ его Пиладъ... подъ лезвеемъ мечей.
А ты, младый Ахиллъ, великодушный воинъ,
Безсмертный образецъ героевъ и друзей,
Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною
И, друга смерть отмстивъ безтрепетной рукою,
Счастливъ... Ты мертвъ упалъ на гибельный трофей!

XXX.

Къ В. А. Жуновскому.

Прости, балладникъ мой,
Бѣлева мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Нашъ давній покровитель!
Ты счастливъ средь полей
И въ хижинѣ укромной.
Какъ юный соловей
Въ прохладѣ рощи темной
Съ любовью дни ведетъ,
Гнѣзда не покидая,
Невидимый поетъ,
Невидимо плѣняя
Веселыхъ пастуховъ
И жителей пустынныхъ,—
Такъ ты, краса пѣвцовъ,

Среди забавъ невинныхъ
Въ отчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой!
О, пой, любимецъ счастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Всѣ блага разсыпая
Обильною рукою,
Тебѣ подносить вина
И портеръ выписной,
И сочны апельсины,
И съ трюфлями пирогъ—
Весь Амальтеи рога,

Вовѣкъ неистощимый
На жирный твой обѣдъ!

А мнѣ... покоя нѣтъ!
Смотри: неумолимый
Домашній Гиппократъ,
Наперсникъ Парки блѣдной,
Поповъ слуга усердной,
Чумъ и смерти братъ,
Поклявшися латынью
И практикой своей,
Поить меня полынью
И супомъ изъ костей,
Безъ дальняго старанья
До смерти запоить,
И къ вамъ писать посланья
Отправить за Коцить!
Все въ жизни измѣнило,
Что сердцу сладко лестило,
Все, все, прошло какъ сонъ:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлонъ!
Я сталъ подобенъ тѣни,
Къ смиренію сердцеъ,
Сухъ, блѣденъ, какъ мертвецъ;
Дрожать мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,
Глаза потухли, впали,

И скорби начертали
Морщины на челѣ;
Навѣкъ исчезла сила
И доблесть прежнихъ лѣтъ.
Увы, мой другъ, и Лила
Меня не узнаетъ!
Вчера съ улыбкой злою
Мнѣ молвила она,
Какъ древле Громобою
Коварный сатана:
„Усопшій, миръ съ тобою!
„Усопшій, миръ съ тобою!“
Ахъ, это ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За древни прегрѣшенья?..
Нѣтъ, новыя мученья,
Достойныя бѣсовъ:
Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Свистовъ,
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ, на риемы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзъ;
Поютъ и напѣвають
Съ ночи до бѣла дня,
Читаютъ и читаютъ,
И до смерти меня
Убійцы зачитаютъ!

XXXI.

Отвѣтъ А. И. Тургеневу.

Ты правъ: поэтъ не лжець,
Красавицъ воспѣвая.
Но часто нашъ пѣвецъ,
Въ восторгѣ утопая,
Разсудка строгій гласъ
Забудеть для Армиды;
Для двухъ коварныхъ глазъ,
Подъ знаменемъ Киприды,
Сей новый Донъ-Кишотъ
Проводить вѣкъ съ мечтами,
Съ химерами живетъ,
Бесѣдуетъ съ духами,
Съ задумчивой луной
И—міръ смѣшить собой!
Для свѣта равнодушенъ,

Для славы и честей,
Одной любви послушенъ.
Онъ дышитъ только ей,
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и въ поляхъ,
Съ поникшей головою,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный, бродитъ,
Одно твердить, поетъ:
„Любовь, любовь зоветъ...“
И риемы лишь находитъ!
Такъ вѣрно Аполлонъ
Давно съ любовью въ ссорѣ,
И мститель Купидонъ
Судилъ поэтамъ горе.

Всѣ нимфы строги къ намъ
За наши псалмопѣнья,
Какъ Дафна къ богу пѣвья;
Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ счастья розъ искали,
Цвѣтущихъ не для насъ.
Взгляните на Парнасъ:
Любовникъ строгой Лоры
Тамъ съ горести погасъ,
Скалы и дики горы
Его лишь знали гласъ
На берегахъ Воклюзы.
Тамъ Душеньки пѣвецъ,
Любимецъ нѣжный музы
И пламенныхъ сердецъ,
Любилъ, вздыхалъ всечасно,

Вездѣ искалъ мечты,
Но лирой сладкогласной
Не тронулъ красоты.
Лезбосская пѣвица,
Прекрасная въ женахъ,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила въ волнахъ...
И я клянусь глазами,
Которые стихами
Мы взапуски поемъ,
Клянуся Хлоей въ томъ,
Что русскіе поэты
Давно бѣ на берегъ Леты
Толпами перешли,
Когда бѣ скалу Левкада
Въ болота Петрограда
Судьбы перенесли!

XXXII.

Разлука.

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
Надолго съ милой разлучаясь,
Вздыхая, онъ сказалъ:

„Не плачь, красавица, слезами
„Кручинъ злой не пособить!
„Клянуся честью и усами
„Любви не измѣнить!

„Любви непобѣдима сила!
„Она—мой вѣрный щитъ въ войнѣ;
„Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ Лила,—
„Чего страшиться мнѣ?

„Не плачь, красавица, слезами
„Кручинъ злой не пособить!
„А если измѣню, усами
„Клянусь наказанъ быть!

„Тогда мой вѣрный конь споткнется,
„Лета во вражій станъ стрѣлой;
„Уздечка бранная порвися
„И стремя подъ ногой!

„Пускай булатъ въ рукѣ сразмаха
„Изломится, какъ пруть гнилой,
„И я, блѣднѣя весь отъ страха,
„Явлюсь передъ тобой!“

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ,
Булатъ въ бояхъ не изломался,
И честь гусара съ нимъ.

А онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвалъ въ чужбинѣ счастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицамъ—игрушка,
А клятвы ихъ—слова!

Все здѣсь, друзья, измѣной дышитъ,
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ!
Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

1813.

XXXIII.

Къ Д. В. Дашкову.

Мой другъ, я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издран-
ныхъ;

Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ;
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ
грудныхъ,

Онѣ въ отчаяннѣ рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошен-
ной,

Среди развалинъ и могилъ,
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,

Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почи-
вали

Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!..
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и ра-
дость,

Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость,
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы

Сзывать пастушекъ въ хороводъ, Мнѣ пѣть коварныя забавы Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей Среди могилъ моихъ друзей, Утраченныхъ на полѣ славы!.. Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой И лира, дружбѣ драгоцѣнна, Когда ты будешь мной забвенна, Москва, отчизны край златой! Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести За древнѣй градъ моихъ отцовъ	Не понесу я въ жертву мести И жизнь, и къ родинѣ любовь, Пока съ израненнымъ героемъ, Кому извѣстенъ къ славѣ путь, Три раза не поставлю грудь Передъ враговъ сомкнутымъ строємъ,— Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ Всѣ чужды музы и хариты, Вѣнки, рукой любви свиты, И радость шумная въ винѣ!
---	--

XXXIV.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1-го
января 1813 года.

Отрывокъ изъ большого стихотворенія.

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спалъ.
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый
И на берегу покинутыя села
Туманный мѣсяцъ озарялъ.
Все пусто... Кое-гдѣ на снѣгѣ трупъ чернѣетъ,
И брошенныхъ костровъ огонь дымяся тлѣетъ,
И, хладный какъ мертвецъ,
Одинъ среди дороги,
Сидитъ задумчивый бѣглець,
Недвижимъ, смутный взоръ вперивъ на мертвы ноги.
И всюду тишина... И се, въ пустой дали
Сгущенныхъ копій лѣсъ возникнулъ изъ земли!
Онъ движется. Гремятъ щиты, мечи и брони,
И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена и ратники, и кови:
Несутъ полки Славянъ погибель за врагомъ,
Достигли Нѣмана и копыя водрузили.
Изъ снѣга возросли безчисленны шатры,
И на берегу зажженные костры
Все небо заревомъ багровымъ обложили.
И въ станѣ царь молодой
Сидѣлъ между вождями,
И старецъ-вождь предъ нимъ, блестящій сѣдинами
И бранной въ старости красой...

1814.

XXXV.

П л ѣ н н ы й.

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ,
Гдѣ миртъ душистый расцвѣтаетъ,
Склонясь къ ея водамъ,
Гдѣ на горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,
Златой лимонъ на солнцѣ рдѣетъ,
И яворы шумятъ,
Въ часы вечернія прохлады,
Любуясь рѣкой,
Стоялъ, склоня на Рону взгляды,
Съ глубокою тоской,
Добыча брани, русскій плѣнный,
Придонскихъ честь сыновъ,
Съ полей побѣды похищенный
Одинъ толпой враговъ.

„Шуми“—онъ плѣлъ—„волнами, Рона,
„И жатвы орошай,
„Но плескомъ волнъ родного Дона
„Мнѣ шумъ напоминай!
„Я въ праздности теряю время,
„Душою въ людствѣ сирѣ;
„Мнѣ жизнь не въ жизнь безъ славы, бремя,
„И пусть прекрасный міръ!

„Весна вокругъ живить природу,
„Яснѣе солнца свѣтъ,
„Все славить счастье и свободу,
„Но мнѣ свободы нѣтъ!

„Шуми, шуми волнами, Рона,
„И мнѣ воспоминай

„На берегахъ родного Дона
„Отчизны милый край!

„Здѣсь прелесть—сельскія дѣвицы,
„Ихъ взоръ огнемъ горить
„И сквозь потупленны рѣсницы
„Мнѣ радости сулить...

„Какія радости въ чужбинѣ!
„Онѣ въ родныхъ краяхъ,
„Онѣ цвѣтутъ въ моей пустынѣ
„И въ дебряхъ, и въ снѣгахъ.

„Отдайте жъ мнѣ мою свободу,
„Отдайте край отцовъ,

„Отчизны вьюги, непогоду,
 „На родинѣ мой кровъ,
 „Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
 „Ахъ, дайте мнѣ коня;
 „Туда помчитъ онъ быстрымъ бѣгомъ
 „И день, и ночь меня,
 „На родину, въ сей теремъ древній,
 „Гдѣ ждетъ меня краса
 „И подъ окномъ, въ часы вечерни,
 „Глядитъ на небеса,
 „О другъ тайно помышляетъ
 „Иль робкою рукой
 „Коня ретиваго ласкаетъ,
 „Тебя, соратникъ мой!
 „Шуми, шуми волнами, Рона,
 „И жатвы орошай,
 „Но плескомъ волнъ родного Дона
 „Мнѣ шумъ напоминай!
 „О, вѣтры, съ полночи летите .
 „Отъ родины моей!
 „Вы, звѣзды сѣвера, горите
 „Изгнаннику свѣтлѣй!“

Такъ пѣлъ нашъ плѣнникъ одинокой
 Въ виду ліонскихъ стѣнъ,
 Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
 Назначенъ долгій плѣнъ.
 Онъ пѣлъ... У ногъ сверкала Рона,
 Въ ней мѣсяцъ трепеталъ,
 И на золотыхъ верхахъ Ліона
 Лучъ солнца догоралъ.

XXXVI.

Тѣнь друга.

*Sunt aliquid Manes: letum non omnia finit,
 Luridaque extinctos effungit umbra rogos.
 Propertius.*

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона.
 Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
 За кораблемъ вилася гальціона,
 И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ,
 Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
 Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ
 И кормчаго на палубѣ зыванье
 Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ,

Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами
И вдругъ... То былъ ли сонъ... Предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію надъ Плейскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселиемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
„Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней,
Ты ль это“—я вскричалъ—„о, воинъ вѣчно милой?
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечомъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго, отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершонный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! Пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о, незабвенный другъ,
Твою съ любовію сжимаетъ!..“
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
И сонъ покинулъ очи.
Все спало вокругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казались безмолвны,
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла,
Тебя, о, милый братъ, о, лучший изъ друзей!

XXXVII.

На развалинахъ замка въ Швеціи.

Уже свѣтило дня на западѣ горитъ
И тихо погрузилось въ волны.
Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядитъ
На хляби и берега безмолвны,
И все въ глубокомъ снѣ поморіе кругомъ.
Лишь изрѣдка рыбарь къ товарищамъ взываетъ,
Лишь эхо гласъ его протяжно повторяетъ
Въ безмолвіи nocturno.

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой,
Въ священномъ сумракѣ дубравы
Задумчиво брожу и вижу предъ собой
Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,
Столбы и ветхій мостъ съ чугунными цѣпами,
Твердины мшистыя съ гранитными зубцами
И длинный рядъ гробовъ.

Все тихо. Мертвый сонъ въ обители глухой.
Но здѣсь живетъ воспоминанье,
И путникъ, опершись на камень гробовой,
Вкушаетъ сладкое мечтанье.
Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плющъ по лѣстницѣ крутой,
И вѣтръ колышетъ стебль изсохшія полыни,
Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя твердины
Надъ спящею водой,

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ.
Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
Готовилъ сына въ брань и стрѣлъ пернатыхъ пукъ,
Броню завѣтну, мечъ тяжелый
Онъ юношѣ вручилъ израненной рукой
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
„Тебѣ онъ обреченъ, о, богъ, властитель брани,
Всегда и всюду твой!

А ты, мой сынъ, клянись мечомъ своихъ отцовъ
И Гелы клятвою кровавой
На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ
„Иль пасть, какъ предки пали, съ славой!“
И пылкій юноша мечъ пращѣдовъ лобзаль,
И къ персямъ прижималъ родительскія длани,
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,
Кипѣлъ и трепеталъ.

Война, война врагамъ отеческой земли!
Суда на утро возшумѣли,

Запѣнились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли.
Въ долинахъ Нейстрии раздался браней громъ,
Туманный Альбионъ изъ края въ край пылаетъ,
И Гела день и ночь въ Валгаллу провождаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша, спѣши къ отеческимъ брегамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной!
Ужъ вѣтъ кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ.
Герой, побѣдою избранной!
Ужъ скальды пиршество готовятъ на холмахъ.
Зри: дубы въ пламени, въ сосудахъ медь сверкаетъ.
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

Здѣсь, въ мирной пристани, съ денницей золотой
Тебя невѣста ожидаетъ,
Къ тебѣ, о, юноша, слезами и мольбой
Боговъ на милость преклоняетъ.
Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая лебедей,
Бѣлѣютъ корабли, несомые волнами...
О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими устами
Въ вѣтрила кораблей!

Суда у береговъ; на нихъ уже герой
Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою молодой
И лики скальдовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоитъ безмолвствуя, въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,
Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ небесахъ...

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ одѣтый мхомъ,
Помость обрушенный являетъ,
Повременно сова въ безмолвіи ночномъ
Пустыню крикомъ оглашаетъ,
Тамъ чаши радости стучали по столамъ,
Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,
Тамъ скальды пѣли брань, и персты ихъ летали
По пламеннымъ струнамъ,

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ пернатыхъ стрѣлъ,
И трескъ щитовъ, и громъ ударовъ,
Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ
И грады въ заревѣ пожаровъ;
Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣснѣ сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали,
И гордые сердца съ восторгомъ вспоминали
О славѣ юныхъ дней...

Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой,
Все время въ прахъ преобратило!
Гдѣ прежде скальдъ гремѣлъ на арфѣ золотой,
Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло.
Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружиною своею,
Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу брани,
Тамъ дремлютъ, притаясь, двѣ трепетныя лани
До утреннихъ лучей.

Гдѣ жъ вы, о, сильные, вы, Галловъ бичъ и страхъ,
Земель полнощныхъ исполины,
Роальда спутники, на бранныхъ челнокахъ
Протекши дальнія пучины?
Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани, и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
Средь копій, средь мечей?

Погибли сильные! Но странникъ въ сихъ мѣстахъ
Не тщетно камня вопрошаетъ
И руны тайныя, преданья на скалахъ,
Угрюмой древности читаетъ.
Оратай ближнихъ селъ, склонясь на посохъ свой,
Гласить ему: „Смотри, о, сынъ иноплеменный,
Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны,
Почти ихъ гробъ святой!“

XXXVIII.

Судьба Одиссея.

Изъ Шиллера.

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей,
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки.
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давно желанныхъ скалъ.
Проснулся онъ—и что жъ... Отчизны не позналъ.

XXXIX.

Элегія изъ Тибулла.

Вольный переводъ.

Мессалла, безъ меня ты мчишься по волнамъ
 Съ орлами римскими къ восточнымъ берегамъ,
 А я, въ Оеакіи оставленный друзьями,
 Ихъ заклинаю всѣмъ—и дружбой, и богами,
 Тибулла не забыть въ далекой сторонѣ!
 Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовить мнѣ,
 Здѣсь жизнь мою прерветъ безжалостной рукою..
 Неумолимая, нѣтъ матери со мною!
 Кто будетъ принимать мой пепелъ отъ костра?
 Кто будетъ безъ тебя, о, милая сестра,
 За гробомъ слѣдовать въ одеждѣ погребальной
 И миро изливать надъ урною печальной?
 Нѣтъ друга моего, нѣтъ Делія со мной!
 Она и въ самый часъ разлуки роковой
 Обряды тайные и чары совершала:
 Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопрошала,
 И жребій счастливый намъ отрокъ вынималъ.
 Что пользы отъ того? Часъ гибельный насталь,
 И снова Делія печальна и уныла,
 Слезами полный взоръ невольно обратила
 На дальній путь. Я самъ, лишенный скорбью силъ,
 „Утѣшься“, Делія сквозь слезы говорилъ,
 „Утѣшься“, и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
 Печальную лобзалъ послѣднимъ лобызаньемъ.
 Казалось, нѣкій богъ меня останавлиалъ:
 То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщалъ,
 То въ день, отцу боговъ Сатурну посвященный,
 Я слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной.
 О, вы, которые умѣете любить,
 Страшитесь любовь разлукой прогнѣвить!
 Но, Делія, къ чему Изидѣ приношенья,
 Сія въ ночи глухой протяжны пѣснопѣнья
 И волхвованье жриць, и мѣди звучной стонъ?
 Къ чему, о, Делія, въ безбрачномъ ложѣ сонъ
 И очищенія священной водою?
 Все тщетно, милая! Тибулла нѣтъ съ тобою!
 „Богиня грозная, спаси его отъ бѣды!“
 И снова Делія мастики принесетъ,
 Украситъ дивный храмъ весенними цвѣтами
 И съ распущенными по вѣтру волосами,
 Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
 Возсядетъ на помость: и звѣзды, и луна,
 До восхожденія румяныя Авроры,
 Услышать гласъ ся и жриць фарійскихъ хоры.

Отдай, богиня, мнѣ родимыя поля,
 Отдай знакомый шумъ домашняго ручья,
 Отдай мнѣ Делію: и вамъ дары богаты
 Я въ жертву принесу, о лары и пенаты!
 Зачѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
 Тогда безпечныя народовъ племена
 Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
 И раломъ никогда полей не раздирали;
 Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ,
 Несомая вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ,
 И кормчій не дерзалъ по хлябямъ разъяреннымъ,
 Съ сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ безцѣннымъ,
 На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ;
 Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
 Топталъ душистый злакъ и спалъ въ тѣни зеленой,
 Конь борзый не крошилъ узды кровавой пѣной,
 Не зрѣли на поляхъ столбовъ и рубежей,
 И кущи сельскія стояли безъ дверей;
 Медъ капалъ изъ дубовъ янтарною слезою,
 Въ сосуды молоко обильною струею
 Лилось изъ сосцовъ, питающихъ овецъ.
 О, мирны пастыри, въ невинности сердецъ
 Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
 При васъ, на пагубу друзей единокровныхъ,
 На наковальнѣ млатъ не исковалъ мечей,
 И ратникъ не гремѣлъ оружіемъ средъ полей.
 О, вѣкъ Юпитеровъ, о, времена несчастны!
 Война, вездѣ война и гладъ, и моръ ужасный
 Повсюду рыщетъ смерть—на сушѣ, на водахъ!
 Но ты, держащій громъ и молнію въ рукахъ,
 Будь мирному пѣвцу Тибуллу благосклоненъ!
 Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломненъ;
 Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,
 И если мой конецъ безвременный насталъ,
 Пусть камень обо мнѣ проходимъ возвѣщаетъ:
 „Тибуллъ, Месаллы другъ, здѣсь съ миромъ почиваетъ“.
 Единственный мой богъ и сердца властелинъ,
 Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
 До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
 И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
 Въ Элизій приведешь таинственной стезей,
 Туда, гдѣ вѣчный май межъ рощей и полей,
 Гдѣ расцвѣтаетъ нарדъ и киннамона лозы,
 И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы.
 Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ біющихъ водъ,
 Тамъ дѣвы юныя, сплетая въ хороводъ,
 Мелькаютъ межъ деревьевъ, какъ легки привидѣнья.
 И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
 Въ объятіяхъ любви неумолимый рокъ,

Тотъ носить на челѣ изъ свѣжихъ мртъ вѣнокъ.
 А тамъ, внутри земли, во пропастьхъ ужасныхъ,
 Жилище вѣчное преступниковъ несчастныхъ,
 Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,
 Мегера страшная и Тизифона тамъ
 Съ челою, опутаннымъ шипящими зміями,
 Бѣгутъ на дикій берегъ за блѣдными тѣнями.
 Гдѣ скрыться? Адскій песь лежитъ у мѣдныхъ вратъ,
 Рыкаетъ зѣвъ его... и рой тѣней назадъ!
 Богами ввержены во пропасти бездонны,
 Ужасный Энкеладъ и Тифій преогромный
 Питаютъ жадныхъ птицъ утробою своей.
 Тамъ хищный Иксіонъ, окованный змѣей,
 На быстромъ колесѣ вертится безконечно,
 Тамъ въ жадѣ пламенной Танталъ безчеловѣчной
 Надъ холодною рѣкой сгораеть и дрожить...
 Все тщетно! Вспять вода коварная бѣжитъ...
 И черпаютъ ее напрасно Данаиды,
 Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.
 Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ покой
 И разлучилъ меня, о, Делія, съ тобой!
 Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милый и безцѣнной,
 И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
 Съ наперсницей любви, съ подругою твоей
 На мигъ не покидай домашнихъ алтарей!
 При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безопасной
 Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ ясной
 И тихо вретено кружа въ рукѣ своей,
 Расскажетъ повѣсти и были старыхъ дней,
 А ты, склоня слухъ на сладки небылицы,
 Забудешься, мой другъ, и томныя зѣницы
 Закроетъ тихій сонъ, и пряслица изъ рукъ
 Падеть... и у дверей предстанетъ твой супругъ,
 Какъ небомъ посланный внезапно добрый геній.
 Бѣги навстрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
 Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ:
 Власы развѣянны небрежно по плечамъ,
 Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
 Когда жъ Аврора намъ, когда сей день блаженный
 На розовыхъ коняхъ въ блистаньи принесетъ,
 И Делію Тибуллъ въ восторгъ обойметъ?

1815.

XL.

Посланіе И. М. Муравьеву-Апостолу.

Ты правъ, любимецъ музъ! Отъ первыхъ впечатлѣній,
 Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній
 И имъ въ теченіи дней" своихъ не измѣнить!

Кто бъ ни былъ—пламенный ораторъ иль пѣтъ,
 Свѣтильникъ мудрости, науки обладатель,
 Иль кистью естества нѣмого подражатель,
 Наперсникъ музъ, позналъ отъ колыбельныхъ дней,
 Что долженъ быть жрецомъ парнаскихъ алтарей.
 Младенецъ счастливый, уже любимецъ Феба,
 Онъ съ жадностью взиравъ на свѣтъ лазурный неба,
 На зелень, на цвѣты, на зыбку сѣнь древесъ,
 На воды быстрыя и полный мрака лѣсъ.
 Онъ, къ лону матери прикинувъ, улыбался,
 Когда веселый май цвѣтами убирался,
 И жавронокъ вился надъ зеленою полей.
 Златая ль радуга, пророчица дождей,
 Весь сводъ лазоревый подернетъ облистаньемъ—
 Ее привѣтствовалъ невнятнымъ лепетаньемъ,
 Ее манилъ къ себѣ младенческой рукой.
 Что видѣлъ въ юности предъ хижиною родной,
 Что видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра житель,
 Того въ душѣ своей до позднихъ дней хранитель,
 Желаетъ въ пѣсняхъ музъ потомству передать.
 Мы видимъ первыхъ чувствъ волшебную печать
 Въ твореньяхъ генія, испытанныхъ вѣками:
 Изъ мѣстъ, гдѣ Мантау красуется лугами,
 И Минцій въ камышахъ недвижимый стоитъ,
 Отъ милыхъ лиръ своихъ отторженный пѣтъ,
 Въ чертоги Августа судьбой перенесенной,
 Жалѣлъ о васъ, ручьи отчизны незабвенной,
 О древней хижинѣ, гдѣ юность провождалъ
 И Титира свирѣлъ потомству передать.
 Но тамъ ли, гдѣ всегда роскошная природа
 И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
 Обиліемъ поля счастливыхъ дарить,
 Таланта колыбель и область Піеридъ?
 Нѣтъ, нѣтъ! И въ сѣверѣ любимецъ ихъ не дремлетъ,
 Но гласу громкому самой природы внимлетъ,
 Свершая славный путь, предписанный судьбой.
 Природы ужасы, стихій враждебныхъ бой,
 Ревущіе со скалъ угрюмыхъ водопады,
 Пустыни снѣжныя, льдовъ вѣчныя громады
 Иль моря шумнаго необразимый видъ,
 Все, все возноситъ умъ, все сердцу говорить
 Краснорѣчивыми, но тайными словами,
 И огонь поэзіи витаетъ между нами.
 Близъ Колы пасмурной, средъ дикихъ рыбарей,
 Въ трудахъ воспитанный, уже отъ юныхъ дней
 Нашъ Пиндаръ чувствовалъ сей пламень потаенный.
 Сей огонь жиздительный, даръ Бога драгоцѣнный,
 Отъ юности въ душѣ небеснаго залога,
 Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ, какъ пророкъ.

Онъ сладко трепеталъ, когда сквозь мракъ тумана
 Стремился по зыблямъ холоднымъ океана
 Къ необитаемымъ, бесплоднымъ островамъ
 И мрежи разстилалъ по новымъ берегамъ.
 Я вижу мысленно, какъ отрокъ вдохновенной
 Стоитъ въ безмолвіи надъ бездной разъяренной
 Среди мечтанія и первыхъ сладкихъ думъ,
 Прислушивая волнъ однообразный шумъ.
 Лицо горить его, грудь тягостно вздыхаетъ,
 И сладкая слеза ланиту орошаетъ,
 Слеза, извѣстная таланту одному!
 Въ краѣ божественной любимцу своему,
 Природа, ты не разъ на сѣверѣ являлась
 И въ пламенной душѣ навѣки начерталась!
 Исполненный всегда видѣньемъ первыхъ лѣтъ,
 Какъ часто воспѣвалъ восторженный поэтъ
 Дрожащій, хладный блескъ полуночной Авроры
 И льдяныя, въ моряхъ носимы вѣтромъ горы,
 И Уну, спящую средъ звонкихъ камышей,
 И день, чудесный день, безъ ночи, безъ зарей!
 Въ Пальмирѣ сѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
 Державинъ камскія воспоминалъ дубравы,
 Отчизны сладкій дымъ и древній градъ отцовъ.
 На тучны пажити приволжскихъ береговъ
 Какъ часто Дмитріевъ, расторгнувъ свѣтски узы,
 Водилъ насъ по слѣдамъ своей счастливой музы,
 Столь чистой, какъ струи царицы свѣтлыхъ водъ,
 На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный восходъ
 Пѣвецъ сибирскаго Пизарра вдохновенный!
 Такъ, свыше нѣжною душою одаренный,
 Пить отъ юности до серебряныхъ влосовъ
 Лелѣетъ въ памяти страну своихъ отцовъ.
 На жизненномъ пути ему даруетъ геній
 Неизсякаемый источникъ наслажденій
 Въ замѣну счастія и скудныхъ міра благъ:
 Съ нимъ муза тайная живетъ во всѣхъ мѣстахъ
 И въ мірѣ дивный міръ любимцу созидаетъ.
 Пускай свирѣпый рокъ по волѣ имъ играетъ,
 Пускай не знаемый, безъ злата и честей,
 Съ главою поникшею онъ бродитъ межъ людей,
 Пускай Фортуною отъ дѣтства удостоинъ,
 Онъ будетъ судія, министръ иль въ полѣ воинъ,
 Но музамъ и себѣ нигдѣ не измѣнить!
 Въ самомъ молчаніи онъ будетъ все пить,
 Въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятельнымъ духомъ,
 Всѣ сильно чувствуетъ, все ловитъ взоромъ, слухомъ,
 Всѣмъ наслаждается и всюду наконецъ
 Готовитъ Фебу дань его грядущій жрецъ.

XLI.

Странствователь и домосѣдъ.

Объѣхавъ свѣтъ кругомъ,
Спокойный домосѣдъ, передъ моимъ каминомъ
Сажу и думаю о томъ,
Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ,
Какъ трудно вѣкъ дожить на родинѣ своей
Тому, кто въ юности изъ края въ край носился,
Все видѣлъ, все узналъ,— и что жъ? Изъ-за морей
Ни лучше, ни умнѣй
Подъ кровъ домашній воротился.
Поклонникъ суетнымъ мечтамъ,
Онъ осужденъ искать... чего—не знаетъ самъ!
О странникъ такомъ скажу я повѣсть вамъ.

Два брата, Филалетъ и Клить, смиренно жили
Въ предмѣстїи Аѳинъ подъ кровлею одной;
Въ довольствѣ? Не скажу, но съ бодрою душой
Встрѣчали день и ночь спокойно проводили,
Затѣмъ что по трудахъ всегда прїятенъ сонъ.
Вдругъ умеръ дядя ихъ, аѳинскій Гарпагонъ,
И братья-бѣдняки—о радость!—получили
Не помню сколько минъ монеты золотой
Да кучу серебра: сосуды и амфоры

Отдѣлки мастерской.

Наслѣдственнымъ добромъ свои насытя взоры,
Такіе завели другъ съ другомъ разговоры:
„Какъ думаешь своей казной расположить?“

Клить спрашивалъ у брата.

„А я такъ домъ хочу купить

„И въ немъ тихохонько съ женою вѣкъ прожить

„Подъ сѣнью отчаго пената.

„Землицы уголокъ не будетъ лишній намъ:

„Отъ дѣтства я любилъ ходить за виноградомъ,

„Водиться знаю съ стадомъ,

„И дѣтямъ я мой плугъ въ наслѣдство передамъ.

„А ты какъ думаешь?“—„О, я съ тобой несходенъ;

„Я пресмыкаться не способенъ

„Въ толпѣ гражданъ простыхъ,

„И съ помощью наслѣдства,

„Для дальнихъ замысловъ моихъ,

„Благодаря богамъ, теперь имѣю средства!“—

„Чего же хочешь ты?“—„Я?... Славенъ быть хочу“.—

„Но чѣмъ?“—„Какъ чѣмъ? Умомъ, дѣлами

„И краснорѣчьемъ, и стихами,

„И мало ль чѣмъ еще? Я въ Мемфисѣ полечу

„Дѣлиться мудростью съ жрецами:

„Зачѣмъ сей созданъ міръ? Кто править имъ и какъ?

„Гдѣ кончится земля? Гдѣ гордый Нилъ родится?

„Зачѣмъ подъ пеленой сокрытъ Изиды зракъ,

„Зачѣмъ горящій Фебъ все къ западу стремится?

„Какое счастье, милый братъ!

„Я буду въ мудрости соперникъ Пиеагора,

„Въ Афинахъ обо мнѣ тогда заговорятъ,

„Въ Афинахъ?.. Что сказалъ! Отъ Нила до Босфора

„Прославится твой братъ, твой вѣрный Филалетъ!

„Какое счастье! Десять лѣтъ

„Я стану ѣсть траву и нѣмъ какъ рыба буду,

„Но краснорѣчья даръ, конечно, не забуду.

„Ты знаешь, я всегда краснорѣчивъ бывалъ

„И площадь нашу посѣщалъ

„Не даромъ.

„Не стану я моимъ превозноситься даромъ,

„Какъ нашъ Алкивиадъ, ораторъ слабыхъ женъ,

„Или надутый Демосфенъ,

„Кичася въ пурпурѣ предъ царскими послами.

„Нѣтъ, нѣтъ, я каждого полезными рѣчами

„На площади градской намѣренъ просвѣщать!

„Ты самъ, оставя плугъ, придешь меня внимать,

„Съ народомъ шумные восторги раздѣляя

„И слезы радости подъ мантией скрывая,

„Краснорѣчивѣйшимъ изъ Грековъ называть.

„Ты обоймешь меня дрожащею рукою,

„Когда—повѣришь ли?—Гликерія сама

„На площади, съ толпою,

„Меня провозгласитъ оракуломъ ума,

„Ума и, можетъ быть, любезности. Конечно,

„Любезностью сердечной

„Я буду нравиться и въ сорокъ лѣтъ еще.

„Тогда афиняне забудутъ Демосеена,

„И Кратеса въ плащѣ,

„И бочку шута Діогена,

„Которую—смотри!—онъ катитъ мимо насъ!“—

„Прощай же, братецъ, въ добрый часъ!

„Счастливаго пути къ премудрости желаю“,

Клитъ молвилъ краснобаю;

„Я вижу, намъ тебя ничѣмъ не удержать!“

Вздыхнулъ, пожалъ плечьми и къ городу опять

Пошелъ домашній быть и домикъ снаряжать,

А Филалетъ? Къ Пирею,

Чтобъ судно тирское застать

И въ Мемфисѣ полетѣть съ румяною зарею.

Признаться, онъ вздохнулъ, начавши Одиссею,

Но кто не пожалѣлъ объ отческой землѣ,

Надолго разставаясь съ нею?

Семь дней на кораблѣ

Зѣвая

Проказникъ нашъ сидѣлъ
И на морѣ глядѣлъ,
Отъ скуки самъ съ собой вполголосъ разсуждая:
„Да гдѣ жъ тритоны всѣ? Гдѣ стаи переидъ?
„Гдѣ скрылися онѣ съ толпой океанидъ?
„Я ни одной не вижу въ морѣ?“
И не увидѣлъ ихъ. Но вѣтеръ свѣжій вскорѣ
Въ Египетъ странника принесъ.
Уже онъ въ Мемфисѣ, въ обители чудесъ,
Уже въ святилище премудрости вступаетъ,
Какъ мумія, сидитъ среди бородъ сѣдыхъ
И десять дней зѣваетъ
За поученьемъ ихъ
О жертвахъ каменной Изидѣ,
Объ Аписѣ-быкѣ иль грозномъ Озиридѣ,
О псахъ Анубиса, о чеснокѣ святомъ,
Усердно славимомъ на Нилѣ,
О кровожадномъ крокодилѣ
И о котѣ большомъ.
„Какія глупости, какое заблужденіе!
„Клянуся Поллуксомъ, нѣтъ слушать болѣе силъ!“
Грекъ молвилъ, потерявъ и важность и терпѣнье,
Съ скамьи, какъ бѣшеный, вскочилъ
И псу священному—о, ужасъ!—наступилъ
На божескую лапу.
Скорѣе въ руки посохъ, шляпу,
Скорѣй изъ Мемфиса бѣжать
Отъ гнѣва старцевъ разъяренныхъ,
Отъ крокодиловъ, псовъ и луковицъ священныхъ
И между грековъ просвѣщенныхъ
Любезной мудрости искать.
На первомъ кораблѣ онъ полетѣлъ въ Кротону.
Въ Кротонѣ бьетъ челомъ смиренно Агатону,
Мудрѣйшему изъ мудрецовъ,
Жестокому врагу и мяса, и бобовъ
(Ихъ въ гнѣвѣ Пиеагоръ, его учитель славный,
Проклятьемъ страшнымъ поразилъ,
Затѣмъ что у него желудокъ неисправный
Бобовъ и мяса не варилъ).
„Ты мудрости ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ учиться?“
У Грека старецъ спросилъ
Съ усмѣшкой хитрою. „Итакъ, прошу садиться
„И слушать пѣнье сферъ... Ты слышишь?“— „Ничего!“—
„А видишь ли въ девятомъ мірѣ
„Духовъ, летающихъ въ эфирѣ?“—
„И менѣе того!“—
„Увидишь, попостись ты года три, четыре
„Да лѣтъ съ десяткомъ помолчи;
„Тогда, мой сынъ, тогда обнимешь браннымъ взоромъ

„Всѣ тайной мудрости лучи,
„Обнимешь, я тебѣ клянуся Пифагоромъ!“ —

„Согласенъ, такъ и быть!“

Но греку шутка ли и день не говорить?

А десять лѣтъ молчать, молчать, да все поститься...

Зачѣмъ? Чтобъ мудрецомъ,

Съ морщиннымъ отъ поста и мудрости челомъ,

Въ Аѳины возвратиться?

„О, нѣтъ!“

Чрезъ сутки возопилъ голодный Филалетъ.

„Юпитеръ далъ мнѣ умъ съ разсудкомъ

„Не для того, чтобъ я ходилъ съ пустымъ желудкомъ:

„Я мудрости такой покорнѣйшій слуга;

„Прощайте жъ навсегда, кротонски берега!“

Сказалъ, и къ Этиѣ путь направилъ —

За дѣломъ: чтобъ на ней узнать, зачѣмъ и какъ

Изношенный башмакъ

Философъ Эмпедоклъ предъ смертью тамъ оставилъ.

Узналъ, и съ вѣстью сей

Онъ — въ Грецію скорѣй,

Съ усталой отъ заботъ и праздности душою,

Повсюду гость среди людей,

Вездѣ за трапезой чужою,

Нашъ странникъ обходилъ

Поля, селенія и грады,

Но счастья не находилъ

Подъ небомъ счастливымъ Эллады.

Спѣша изъ края въ край, онъ игры посѣщалъ,

Забавы, зрѣлища, ристанья

И даже прорицанья

Безъ вѣры вопрошалъ,

Но хижину отцовъ нерѣдко вспоминалъ,

Въ ненастье по лѣсамъ бродя съ своей клюкою,

Какъ червемъ, тайною снѣдаемый тоскою.

Притомъ же кошелекъ

У грека сталъ легокъ,

А ночью, какъ онъ шелъ черезъ Лаконски горы,

Отбили у него

И остальное воры.

Счастливъ еще, что жизнь не отняли его!

„Но жизнь безъ денегъ что? Мученье нестерпимо!“

Такъ думалъ Филалетъ,

Ташась полунагой въ степи необозримой.

Три раза солнца свѣтъ

Смѣнялся мракомъ ночи,

Но странника не зрѣли очи

Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь,

Да горь въ дали туманной цѣпь,

Илотовъ и воровъ ужасныя жилища.

Что дѣлать въ горѣ, что начать!
Придется умирать
Въ пустынь, одному, безъ помощи, безъ пищи.
„Нѣтъ, боги, нѣтъ!“
Терзая грудь, вопилъ несчастный Филалеть.
„Я знаю, какъ покинуть свѣтъ,
„Не стану голодомъ томиться!“
И межъ кустовъ рѣку завидя вдаль,
Онъ бросился къ рѣкѣ—
Топиться!
„Что, что ты дѣлаешь, слѣпецъ?“
Несчастному вскричалъ скептическій мудрецъ,
Памфилъ сѣдобородой,
Который надъ водой, любуюся природой,
Одинъ съ клюкой тихонько брель
И, къ счастью, странника нашель
На краѣ гибельной напасти.
„Топиться хочешь ты? Согласенъ, но сперва
„Повѣдай мнѣ, твоя спокойна ль голова?
„Разсудокъ ли тебя влечетъ въ рѣку, иль страсти?
„Разсудокъ? Но его что намъ вѣщаетъ гласъ?
„Что жизнь и смерть равны для насъ,
„Равны: такъ не зачѣмъ топиться!
„Дай руку мнѣ, мой сынъ, и не стыдись учиться
„У старца, чѣмъ мудрецъ здѣсь можетъ быть счастливъ!
Кто жить совѣтуетъ, всегда краснорѣчивъ:
И нашъ герой остался живъ.
Въ разсѣлинахъ скалы, висящей надъ водою,
Въ тѣни привѣтливой смоковницъ и оливъ
Построенъ былъ шалашъ Памфиловой рукою,
Гдѣ старецъ десять лѣтъ
Провелъ въ молчаніи глубокомъ
И въ вѣчность проникалъ своимъ орлинымъ окомъ,
Забывъ людей и свѣтъ.
Вотъ тамъ-то ужинъ иль обѣдъ
Простой, но очень здравый
Находить Филалеть:
Орѣхи, жолуди и травы,
Большой сосудъ воды, и только. Боже мой,
Какъ сладостно искать для трапезы такой
Въ утѣхахъ мудрости приправы!
Птакъ, въ томъ дива нѣтъ, что съ путникомъ Памфилъ
Объ атаракси ¹⁾ тотчасъ заговорилъ.
„Все призракъ!“ подъ конецъ хозяинъ заключилъ,
„Богатство, честь и власти,
„Болѣзни и нищета, несчастія и страсти,
„И я, и ты, и цѣлый свѣтъ,

¹⁾ Душевное спокойствіе.

„Все призракъ!“ — „Сновидѣнье!“
Со вздохомъ повторялъ унылый Филалетъ,
Но глядя на сухой обѣдъ,
Вскричалъ: „Я голоденъ!“ — „И это заблужденье,
„Все грубыхъ чувствъ обманъ, не сомнѣвайся въ томъ!“
Недѣлю попостаясь съ брадатымъ мудрецомъ,
Нашъ призракъ-Филалетъ рѣшился изъ пустыни
Отправиться въ Аѣины.

Пора, пора блеснуть на площади умомъ,
Пора съ философомъ разстаться,
Который насъ не даромъ научилъ,
Какъ жить и въ жизни сомнѣваться!

Услужливый Памфилъ
Монетъ съ десятокъ самъ бродягъ предложилъ,
Котомкой съ жолудьми сушеными ссудилъ
И въ часъ румянаго разсвѣта
Самъ вывелъ по тропамъ излучистымъ Тайгета
На путь аѣинскій Филалета.

Вотъ странникъ нашъ идетъ и день и ночь одинъ;
Проходитъ Аргolidу,
Коринѣ и Мегариду;

Вотъ Аттика, и вотъ дымъ сладостный Аѣинъ,
Керамикъ съ рощами, предмѣстiя начало,
Тамъ воды Иллиса!.. Въ немъ сердце задрожало:
Онъ—грекъ, то мудрено ль, что родину любилъ,
Что землю цѣловалъ съ горячими слезами,
Въ восторгѣ внѣ себя съ деревьями, съ домами
Заговорилъ!

Я самъ, друзья мои, данъ сердца заплатилъ,
Когда волненьями судьбины
Въ отчизну брошенный изъ дальнихъ странъ чужбины,
Увидѣлъ наконецъ адмиралтейскій пшпцъ,
Фонтанку, этотъ домъ и столько милыхъ лицъ,
Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ!
Я самъ...

Но дѣло все теперь о Филалетѣ,
Который, опершись на каеэдру, стоитъ
И ждетъ опять денницы
На милой площади аттической столицы.
Замѣйте, милые друзья,
Что греки снаряжать тогда войну хотѣли,
Съ какимъ царемъ, не помню я,
Но знаю только то, что риторы гремѣли,
Предвѣстники народныхъ бѣдъ.
Такъ рѣчью ихъ сразить желая, Филалетъ
Всѣхъ раньше на помость погибельный взмогилъ
И вотъ блеснулъ Авроры свѣтъ,
А съ нимъ и шумъ дневной родился.
Народъ зашевелился:

Въ Аѳинахъ, какъ вездѣ, часть утра—часть суетъ.
На площадь побѣждалъ ремесленникъ, поэтъ,
Поденщикъ, говорунъ, съ товарами купчина,
Софистъ, архонтъ и Фрина,
Съ толпой невольницъ и сиренъ,

И бочку прикатилъ насмѣшникъ Діогенъ.
На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла.
Нахлынули, вся площадь закипѣла.

Вы помните: бульваръ кипѣлъ въ Парижѣ такъ
Народа праздными толпами,

Когда по немъ леталъ съ нагайкою казакъ
Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами.
Такъ точно весь народъ толпился и жужжалъ
Передъ ораторскимъ амвономъ.

Знакъ поданъ: начинай! Рой шумный замолчалъ,
И риторъ возвѣстилъ высокопарнымъ тономъ,
Что Атикѣ война

Погибельна, вредна,
Потомъ велерѣчиво, ясно

По пальцамъ доказалъ, что въ мирѣ быть опасно.
„Что жъ дѣлать?“ закричалъ съ досадою народъ.

„Что дѣлать?.. Сомнѣваться!

„Сомнѣнье мудрости есть самый зрѣлый плодъ.

„Я вамъ совѣтую, граждане, колебаться—

„И не мириться и не драться“.

Народъ всегда нетерпѣливъ.

Сперва нашъ краснобай слышалъ легкій ропотъ,
Шушуканье, а тамъ поближе громкій хохотъ,
А тамъ... Но онъ стоитъ уже ни мертвъ, ни живъ,
Разинувъ ротъ, потупивъ взгляды,
Мертвѣе во сто разъ, чѣмъ мертвецы баллады.

Еще проходить мигъ...

„Ну, что же? Продолжай!“ Ораторъ все ни слова:
Отъ страха гдѣ языкъ!

Зато, какой въ толпѣ поднялся страшный крикъ,
Какая туча тамъ готова!

На каеэдру летитъ градъ яблоковъ и фигъ,
И камни ужъ свистятъ надъ жертвой...

И жалкій Филалетъ, избитый, полумертвой,
Съ ступени на ступень въ отчаяньи летитъ
И падаетъ безъ чувствъ подъ вѣрную защиту
Въ объятія отверсты... къ Клитѣ.

Итакъ, тщеславнаго спасаетъ бѣдный Клитъ,
Простякъ, неграмотный, презрѣнный,
Въ Аѳинахъ дни влачить безъ славы осужденный!

Онъ, онъ, прижавъ его къ груди,
Нахальныхъ крикуновъ толкаетъ на пути,
Однимъ грозитъ, у тѣхъ пощады просить
И брата своего, какъ старика Эней,

Къ порогу хижины своей
На раменахъ доносить.
Какъ брата въ хижинѣ лелѣть добрый Клить!
Не сводить глазъ съ него, съ нимъ сладко говорить,
Съ простымъ, но сильнымъ чувствомъ:
Предъ дружбой ничего и Гиппократъ съ искусствомъ!
Въ три дни страдалецъ нашъ оправился и всталъ
И брату кинулся на шею со слезами;

А братъ гостей назвалъ
И жертву воскурилъ предъ отчими богами.
Весь домикъ въ суетахъ! Жена и рой дѣтей
Веселыхъ, рѣзвыхъ и пригожихъ,
Во всемъ на мать свою похожихъ,
На пиршество несутъ для радостныхъ гостей
Простой, но щедрый даръ наслѣдственныхъ полей,
Румяное вино, янтарный медъ Гимета...

И чаша поднялась за здравье Филалета!
„Пей, ѣшь и веселись, нежданный сердца гость!“
Всѣ гости заодно съ хозяиномъ вскричали.
И что же? Филалетъ, забывъ народа злость,

Бѣды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорилъ
Въ восторгъ о тебѣ, великолѣпный Ниль!

А дней черезъ пятокъ, не болѣ,
Наскуча видѣть все одно и то же поле,
Все тѣ же лица всякій день,
Нашъ грекъ — повѣрите ль? — какъ въ клѣткѣ стосковался.
Онъ началъ по лѣсамъ прогуливать ужъ лѣнь,

На горы ближнія взбирался,
Бродилъ всю ночь, весь день шатался,
Потомъ Аѳины сталъ тихонько посѣщать,
На милой площади опять

Зѣвать,
Съ софистами о томъ, объ этомъ толковать;
Потомъ, провѣдавъ онъ отъ старыхъ грамотеевъ,

Что въ мірѣ есть страна,
Гдѣ вѣчно царствуетъ весна,
За розами побрелъ... въ снѣга Гипербореевъ.
Напрасно Клить съ женой ему кричали вслѣдъ

Съ домашняго порога:
„Братъ милый, воротись, мы просимъ, ради Бога!
„Чего тебѣ искать въ чужбинѣ? Новыхъ бѣдъ!
„Откройся, что тебѣ въ отечествѣ не мило?
„Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
„Останься, милый братъ, останься, Филалетъ!“
Напрасныя слова! Чудакъ не воротился,
Рукой махнулъ и скрылся.

XLII.

Надпись къ портрету графа Эммануила Сень-При.

Отъ родины его отторгнула судьбина,
Но лиліямъ отцовъ онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и доблесть Дюгескина.

XLIII.

Таврида.

Другъ милый, ангелъ мой, сокроемся туда,
Гдѣ волны кроткія Тавриду омывають,
И Фебовы лучи съ любовью озаряють
Имъ древней Греціи священныя мѣста!
Мы тамъ, отверженные рокомъ,
Равны несчастіемъ, любовію равны,
Подъ небомъ сладостнымъ полуденной страны
Забудемъ слезы лить о жребіи жестокомъ,
Забудемъ имена фортуны и честей.
Въ прохладѣ ясеней, шумящихъ надъ лугами,
Гдѣ кони дикіе стремятся табунами
На шумъ студеныхъ струй, кипящихъ подъ землей,
Гдѣ путникъ съ радостью отъ зноя отдыхаетъ
Подъ говоромъ древесъ, пустынныхъ птицъ и водъ,
Тамъ, тамъ насъ хижина простая ожидаетъ,
Домашній ключъ, цвѣты и сельскій огородъ,
Послѣдніе дары фортуны благосклонной.
Васъ пламенныя сердца привѣтствуютъ сто кратъ!
Вы краше для любви и мраморныхъ палатъ

Пальмиры сѣвера огромной!

Весна ли красная блистаетъ средъ полей,
Иль лѣто знойное палить изсохшия злаки,
Иль, урну хладную вращая, водолей
Валитъ шумящій дождь, сѣдой туманъ и мраки,—
О, радость, ты со мной встрѣчаешь солнца свѣтъ
И, ложе счастья съ денницей покидая,
Румяна и свѣжа, какъ роза полевая,
Со мною дѣлишь трудъ, заботы и обѣдъ,
Со мной въ часъ вечера, подъ кровомъ тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голосъ твой я слышу, и рука

Въ твоей покоится всечасно.

Я съ жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяныхъ устъ, и если хоть слегка

Летающій зефиръ власы твои развѣтъ
И взору обнажить снѣгамъ подобну грудь,
Твой другъ не смѣтъ и вздохнуть,
Потупя взоръ, дивится и нѣмѣтъ.

XLIV.

Р а з л у к а.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства
И въ шумъ грозныхъ битвъ, подъ тѣню шатровъ
Старался усыпить встревоженные чувства!
Ахъ, небо чуждое не лѣчитъ сердца ранъ!
Напрасно я скитался
Изъ края въ край, и грозный океанъ
За мной ропталъ и волновался!
Напрасно, отъ береговъ плѣнительныхъ Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,—
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою!
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поить народовъ племена!
Напрасно! Всюду мысль преслѣдуетъ одна;
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣмъ неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мертвить и оживляетъ.

XLV.

Пробужденіе.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ	Ни быстрый летъ коня ретива
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечта-	По скату бархатныхъ луговъ
ми,	И лай борзыхъ, и звонъ ро-
Но я не къ счастью пробужденъ	говъ
Зефира тихими крылами.	Вокругъ пустыннаго залива,
Ни сладость розовыхъ лучей	Ничто души не веселитъ,
Предтечи утренняго Феба,	Души, встревоженной мечтами,
Ни кроткій блескъ лазури неба,	И гордый умъ не побѣдитъ
Ни запахъ, вѣющій съ полей,	Люби—холодными словами.

XLVI.

Воспоминанія.

Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ,
И муза пламенникъ небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глазъ.
Туда влечетъ меня осиротѣлый геній,
Въ поля безплодные, въ непроходимы сѣни,
Гдѣ счастья нѣтъ слѣдовъ,
Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
Любимцамъ Фебовымъ отъ юности извѣстныхъ,
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней музъ прелестныхъ,
Которыя всегда душевну скорбь мою,
Какъ лотосъ, силою волшебной врачевали ¹⁾.
Нѣтъ, нѣтъ, себя не узнаю
Подъ новымъ бременемъ печали!
Какъ странникъ, брошенный на брегъ изъ ярыхъ волнъ,
Встаетъ и съ ужасомъ разбитый видитъ челнъ,
Рукою трепетной онъ мраки вопрошаетъ,
Ногой скользить надъ пропастями онъ,
И вѣтеръ буйный развѣваетъ
Моленій гласъ его, рыданія и стонъ,—
На краѣ гибели такъ я зову въ спасенье
Тебя, послѣдняя надежда, утѣшенье,
Тебя, послѣдній сердца другъ,
Средь бурей жизни и недугъ
Хранитель ангелъ мой, оставленный мнѣ Богомъ!
Твой образъ я тайлъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго и благодати Творца,
Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани
Искать иль славы, иль конца.
Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ;
И въ мирѣ, и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною,
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ сталъ...
Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи ²⁾ гордится надъ рѣкою,
И Сейна по цвѣтамъ летѣтъ серебряный кристаллъ,
Какъ часто средь толпы и шумной, и безпечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ
Я пѣнье забывалъ волшебное сирень
И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной;
Я имя милое твердилъ
Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона

¹⁾ Лотосъ—растеніе. Смотри Одиссею.

²⁾ Жувизи—замокъ близъ Парижа.

И эхо называть прекрасную училъ
Въ цвѣтущихъ пажитяхъ Ричмона ¹⁾.
Мѣста прелестныя и въ дикости своей,
О, камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,
Обитель древняя и доблести, и нравовъ!
Ты слышала обѣтъ и гласъ любви моей,
Ты часто странника залумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальнія скалы гранитныхъ береговъ,
И села пахарей, и купцы рыбаковъ

Сквозь тонки, утренни туманы
На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны ²⁾.
Исполненный всегда единственно тобой,
Съ какою радостью ступилъ на берегъ отчизны!
„Здѣсь будетъ“, — я сказалъ, — „душѣ моей покой,
Конецъ трудамъ, конецъ и страннической жизни“.
Ахъ, какъ обмануть я въ мечтаніи моемъ!
Какъ снова счастье мнѣ коварно измѣнило

Въ любви и дружествѣ, во всемъ,
Что сердцу сладко льстило,
Что было тайною надеждою всегда!
Есть странствіемъ конецъ, печалямъ — никогда!
Въ твоёмъ присутствіи страданія и муки
Я сердцемъ новыя позналъ.

Онѣ ужаснѣе разлуки,
Всего ужаснѣе! Я видѣлъ, я читалъ
Въ твоёмъ молчаніи, въ прерывномъ разговорѣ,
Въ твоёмъ уныломъ взорѣ,
Въ сей тайной горести потупленныхъ очей,
Въ улыбкѣ и въ самой веселости твоей
Слѣды сердечнаго терзанья...

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ бремя жизнь! Что въ ней безъ упованья.
Украсить жребій твой

Любови и дружества прочнѣйшими цвѣтами,
Всѣмъ жертвовать тебѣ, гордиться лишь тобой,
Блаженствомъ дней твоихъ и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить

Въ рѣчахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ взорѣ,
Миръ, славу, суеты протекшія и горе,
Все, все у ногъ твоихъ, какъ тяжкій сонъ, забыть!
Что въ жизни безъ тебя! Что въ ней безъ упованья,
Безъ дружбы, безъ любви — безъ идоловъ моихъ!..

И муза, сѣтую, безъ нихъ
Свѣтильникъ гасить дарованья.

1) Ричмондъ — прекрасный городокъ въ окрестностяхъ Лондона, напротивъ жилища Попе. Путешественники никогда не забудутъ террасы и плѣнительныхъ видовъ Ричмонда.

2) Троллетана — водопадъ близъ Готенбурга, на западномъ берегу Швеціи.

XLVII.

Мой геній.

О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь даль-
ной!
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся власовъ;

Моей пастушки несравненной
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милый, незабвенный
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель геній мой, любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ!
Засну ль? Приникнетъ къ изго-
ловью
И усладить печальный сонъ.

XLVIII.

Послѣдняя весна.

Подражаніе Мильвуа.

Въ поляхъ блистаетъ май ве-
селый,
Ручей свободно зажурчалъ,
И яркій голосъ Филомелы
Угрюмый боръ очаровалъ.
Все новой жизни пѣть дыханье.
Пѣвецъ любви, лишь ты унылъ!
Ты смерти вѣрной предвѣщанье
Въ печальномъ сердцѣ заклю-
чилъ.
Ты бродишь слабыми стопами
Въ послѣдній разъ среди полей,
Прощаясь съ ними и съ лѣ-
сами
Пустынной родины твоей:
„Простите, рощи и долины,
„Родныя рѣки и поля!
„Весна пришла, и часъ кон-
чины,
„Неотразимой вижу я!
„Такъ Эпидавра прорицанье
„Вѣщало мнѣ: въ послѣдній разъ
„Услышишь горлицъ воркованье
„И гальціоны тихій гласъ,
„Зазеленѣютъ гибки лозы,
„Поля одѣнутся въ цвѣты,
„Тамъ первыя увидишь розы,
„И съ ними вдругъ увянешь ты...

„Ужъ близокъ часъ... Цвѣточки
милы,
„Къ чему такъ рано увядать?
„Закройте памятникъ унылый,
„Гдѣ прахъ мой будетъ истлѣ-
вать;
„Закройте путь къ нему собою
„Отъ взоровъ дружбы навсегда,
„Но если Делія съ тоскою
„Къ нему приблизится, тогда
„Исполните благоуханьемъ
„Вокругъ пустынный небосклонъ
„И томныхъ листьевъ трепетанье
емъ
„Мой сладко очаруйте сонъ!“
Въ поляхъ цвѣты не увядали,
И гальціоны въ тихій часъ
Стенанья рощи повторяли,
А бѣдный юноша погасъ,
И дружба слезъ не уронила
На прахъ любимца своего,
И Делія не посѣтила
Пустынный памятникъ его.
Лишь пастырь, въ тихій часъ
денницы,
Какъ въ поле стадо выгонялъ,
Унылой пѣснью возмущалъ
Молчанье мертвое гробницы.

XLIX.

Надежда.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
 Мужайся, будь въ терпѣнны каменъ!
 Не Онъ ли къ лучшему концу
 Меня провелъ сквозъ бранный пламень?
 На полъ смерти чья рука
 Меня таинственно спасала
 И жадный крови мечъ врага,
 И градъ свинцовый отражала?
 Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
 Труды и гладъ, и непогоду,
 И силу въ бѣдствѣ сохранить
 Души возвышенной свободу?
 Кто велъ меня отъ юныхъ дней
 Къ добру стезею потаенной
 И въ бурѣ пламенныхъ страстей
 Мой былъ вожатай неизмѣнной?

Онъ, Онъ! Его все даръ благой!
 Онъ намъ источникъ чувствъ высокихъ,
 Любви къ изящному прямой
 И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
 Все даръ Его, и краше всѣхъ
 Даровъ—надежда лучшей жизни!
 Когда жъ узрю спокойный брегъ,
 Страну желанную отчизны?
 Когда струей небесныхъ благъ
 Я утолю любви желанье,
 Земную ризу брошу въ прахъ
 И обновлю существованье?

1816.

L.

Къ другу.

Скажи, мудрецъ молодой, что прочно на земли?
 Гдѣ постоянно жизни счастье?
 Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли,
 Мы пили чашу сладострастья...

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ,
 Въ винѣ потопленные чаши?
 Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?
 Гдѣ твой фалернъ и розы наши?

Гдѣ домъ твой, счастья домъ?.. Онъ въ бурѣ бѣдъ исчезъ,
И мѣсто поросло кропивою,
Но я узналъ его: я сердца дань принесъ
На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнетъ шумъ градской,
И яркій Вesperъ засіяетъ
На темномъ сѣверѣ, твой другъ въ тиши ночной
Въ душѣ задумчивость питаетъ.

Отъ самой юности служитель алтарей
Богини нѣги и прохлады,
Отъ пресыщенія, отъ пламенныхъ страстей
Я сердцу въ ней ищу отрады.

Повѣришь ли? Я здѣсь, на неплѣ храминъ стихъ,
Вѣнокъ веселія слагаю
И часто въ горести, въ волненьи чувствъ моихъ,
Потупя взоры, восклицаю:

„Минуты странники, мы ходимъ по гробамъ
„Всѣ дни утратами считаемъ,
„На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ
„И что жъ?.. ихъ урны обнимаемъ!“

Скажи, давно ли здѣсь, въ кругу твоихъ друзей,
Сіяла Лила красотою?
Благія небеса, казалось, дали ей
Все счастье смертной подъ луною:

Нравъ тихій ангела, даръ слова, тонкій вкусъ,
Любви и очи, и ланиты,
Чело открытое одной изъ важныхъ музъ
И прелесть дѣвственной хариты.

Ты самъ, забывъ и свѣтъ, и тщетный шумъ пировъ,
Ея бесѣдой наслаждался
И въ тихой радости, какъ путникъ средь песковъ,
Прелестнымъ цвѣтомъ любовался.

Цвѣтокъ,—увы!—исчезъ, какъ сладкая мечта.
Она въ страданіяхъ почила
И, съ міромъ въ страшный часъ прощаясь навсегда,
На другѣ взоръ остановила.

Но, дружба, можетъ быть, ее забыла ты?
Веселье слезы осушило,
И тѣнь чистѣйшую дыханье клеветы
На лонѣ мира возмутило...

Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ,
Пріязнь и дружество непрочно!
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ
И Кліи мрачныя скрижали,
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвьемъ отвѣчали.
Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ,
Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ,
Всѣ жизни прелести затмились,
Мой гений въ горести свѣтильникъ погашалъ,
И музы свѣтлыя сокрылись.
Я съ страхомъ спросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.
Ко гробу путь мой весь какъ солнцемъ озаренъ,
Ногой надежною ступаю,
И съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнь,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

II.

Пѣснь Гаральда Смѣлаго.

Мы, други, летали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой летали далеко,
На сушѣ, на морѣ мы бились жестоко,
И море, и суша покорствуемъ намъ!
О, други, какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,
Какъ птицы неслися станицей веселой
Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!..
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

О, други, я младость не праздно провелъ!
Съ сынами Дронштейма вы помните сѣчу?
Какъ вихорь, предъ вами я мчался навстрѣчу
Подъ камни и тучи свистящія стрѣль.
Напрасно сдвигались народы, мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Какъ блѣдныя класы подъ ливнемъ, упали
И всадникъ, и пѣшій... Владыка, и ты!..
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ,
А море вздымалось, я помню, горами;

Ночь черная въ полдень нависла съ громами,
И Гела зіяла въ соленой волнѣ,
Но волны, напрасно яряся, хлестали.
Я черпалъ ихъ шлемомъ, работалъ весломъ...
Съ Гаральдомъ, о, други, вы страха не знали
И въ мирную пристань влетѣли съ челномъ!..

А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Вы, други, видали меня на конѣ.
Вы зрѣли, какъ рушилъ сѣкирой твердыни,
Летая на бурномъ питомцѣ пустыни
Сквозь пепель и вьюгу въ пожарномъ огнѣ.
Желѣзомъ я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой разсѣкая,
Какъ лебедь отважный, по морю иду!..

А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Я въ мирныхъ родился полночи снѣгахъ,
Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы—
Лукъ грозный и лыжи, и въ шумныя битвы
Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
Не тщетно за славой летали далеко
Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ,
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суша покорствуютъ намъ!.

А дѣва русская Гаральда презираетъ!

III.

Мщеніе.

Подражаніе Парни.

Невѣрный другъ и вѣчно милый

Зарю моихъ счастливыхъ дней

И слезы радости, и клятвы легкокрылы,

Все время унесло съ любовію твоей,

И все погибло невозвратно,

Какъ сладкая мечта, какъ утромъ сонъ пріятной!

Но все любовію здѣсь исполнено моею

И клятвы страшныя твои напоминаетъ,

Ихъ помнать и лѣса, ихъ помнитъ и ручей,

И эхо томное ихъ часто повторяетъ.

Взгляни, здѣсь въ первый разъ я встрѣтился съ тобой,

Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,

Взлелѣянной въ садахъ Авророй и весной,

Подъ снѣжною безмятежной

Цвѣла невинностью близъ матери твоей.

Вотъ здѣсь я въ первый разъ вкусилъ надежды сладость,

Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей,

Когда твою грозила младость

Болѣзнъ жестокая во цвѣтѣ погубить;

Здѣсь клялся, милый другъ, тебя не пережить,

Но съ новой прелестью ты къ жизни воскресала

И въ первый разъ люблю краснѣя сказала.

(Тому сей дикій боръ нѣмой свидѣтель былъ.)

Твоя рука въ моей то млѣла, то пылала,

И первый поцѣлуй съ душою душу слилъ.

Тамъ взоръ потупленный назначилъ мнѣ свиданье

Въ зеленомъ сумракѣ развѣсистыхъ деревьевъ,

Гдѣ льется въ воздухъ сирень благоуханье,

И облако цвѣтовъ скрываетъ сводъ небесъ;

Тамъ ночь ненастная спустила покрывало,

И страшно загремѣлъ надъ нами ярый громъ,

Все небо въ пламени зардѣлося кругомъ

И въ роцѣ сумрачной сверкало.

Напрасно! Ты была въ объятіяхъ моихъ,

И къ новымъ радостямъ ты воскресала въ нихъ!

О, пламенный восторгъ, о, страсти упоенье,

О, сладострастіе, себя, всего забвенье,

Съ ея любовію утрачены навѣкъ,

Вы будете всегда измѣнницѣ упрекъ!

Воспоминанье ваше,

Отъ времени еще прелестиѣ и краше,

Ея преступное блаженство помрачить

И сердцу за меня коварному отмстить

Неизлѣчимою, жестокою тоскою.

Такъ! Всюду образъ мой увидишь предъ собою

Не въ видѣ прежняго любовника въ цѣпяхъ,

Который съ нѣжностью сквозь слезы упрекаетъ

И жребій съ трепетомъ читаетъ

Въ твоихъ потупленныхъ очахъ;

Нѣтъ, въ лютой ревности, карая преступленье,

Явлюсь, какъ блѣдное въ полночь привидѣнье,

И всюду слѣдовать я буду за тобой:

Въ безмолвіи лѣсовъ, въ поляхъ уединенныхъ,

Въ веселыхъ пиршествахъ, тобой одушевленныхъ,

Гдѣ юность пылкая и взоръ считаетъ твой.

Въ глазахъ соперника, на ложѣ Гименея

Ты будешь съ ужасомъ о клятвахъ вспоминать,

При имени моемъ блѣднѣя,

Невольнo трепетать.

Когда жъ безвременно съ полей кровавой битвы

Къ Коциту позоветъ меня судьбины гласъ,

Скажу: будь счастлива въ послѣдній жизни часъ,

И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы!

III.

Посланіе къ А. И. Тургеневу.

О, ты, который средь обѣдовъ;
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для дружбы кроткій
правъ,
Для дѣлъ — характеръ честный
дѣдовъ!

О, ты, который при дворѣ,
Въ чадѣ успѣховъ или счастья,
Найти умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье!

О, ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь,
Но, бѣднаго услыша стонъ,
Ушей не затыкаешь!

Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
Поэта смирнаго моленье,
Доставъ крупицу отъ щедротъ
Сироткамъ двумъ на прокор-
мленье!

Замолви слова два за нихъ
Краснорѣчивыми устами.
Лишь „дайте имъ!“ промолви—
вмигъ

Онѣ очутятся съ серьгами.
Но кто онѣ? Скажу точъ въ
точъ

Всю повѣсть ихъ передъ тобою.

Онѣ—вдова и дочь,
Чета, забытая судьбою.

Жилъ нѣкто въ мірѣ семь По-
повъ,

Царя усердный воинъ.
Быль бѣдень. Умеръ. Отъ дол-

говъ,
Онъ, слѣдственно, спокоенъ.

Но въ мірѣ онъ забылъ жену
Съ груднымъ ребенкомъ и одну
Суму оставилъ имъ въ наслѣд-
ство.

Но здѣсь не все для бѣдныхъ
бѣдство!

Имъ добры люди помогли,
Согрѣли, накормили
И, словомъ, какъ могли,
Сиротокъ пріютили.

Прекрасно, славно, спору нѣтъ!
Но... здѣшній свѣтъ
Не рай — мнѣ сказывалъ мой
дѣдъ.

Враги нахлынули рѣкою,
Съ землею сравнялася Москва...

И бѣдная вдова
Опять пошла съ клюкою.

А между тѣмъ все дочь растетъ,
И нужды съ нею подрастаютъ.
День за день все идетъ, идетъ,
Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ;

Старушка клонится, а дочь
Пышнѣе розы расцѣтаетъ

И стала грація точъ въ точъ!
Прелестный взоръ, глаза большіе,

Румянецъ Флоры на щекахъ
И кудри льняно-золотые

На алебастровыхъ плечахъ.
Что слово молвить, то пріят-

ство,
Что ни надѣнетъ, все къ лицу!

Краса,—увы!—ея богатство
И все приданое къ вѣнцу,

А крохи нѣтъ насущной хлѣба!
Тургеневъ, другъ нашъ, ради

неба,
Прійди на помощь красотѣ,

Несчастью и нищетѣ,
Онѣ предъ образомъ, конечно,

Затеплятъ чистую свѣчу,
За чье здоровье—умолчу:

Ты угадаешь, другъ сердечной!

LIV.

Къ цвѣтамъ нашего Горація.

Ни вьюги, ни морозы
Цвѣтовъ твоихъ не истребятъ.
Богъ лиры, богъ любви и музы мнѣ твердятъ:
Въ саду Горація не увядаютъ розы.

LV.

Къ портрету Жуковскаго.

Подъ знаменемъ Москвы, предъ нашею столицей
Онъ храбрымъ гимны пѣлъ, какъ пламенный Тиртей
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насъ задумчивой цѣвницей.

LVI.

Гезіодъ и Омиръ соперники.

Посвящено А. Н. Оленину, любителю древности.

Народы, какъ волны, въ Колхиду текли,
Народы счастливой Эллады.
Тамъ сильный владыка, надъ прахомъ отца
Оконча печальны обряды,
Ристалище славы бойцамъ отверзалъ.
Три раза съ румяной денницей
Бойцы выступали съ бойцами на бой,
Три раза стремили возницы
Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ,
И трижды владѣтель Колхиды
Достойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
Но солнце на лоно Тетида
Склонялось, и новый готовился бой.
Очистите поле, возницы!
Спѣшите, залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы!
Коней отрѣжьте отъ тягостныхъ узъ
И въ стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и потомъ покрыты бойцы,
При пламени свѣтломъ вздохните!
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокія пѣсни внемлите!
Пройдя изъ края въ край гостепріимный міръ,
Лѣтами древними и рокомъ удрученный,
Здѣсь пѣсней царь Омиръ

И юный Гезіодъ, Каменамъ драгоцѣнный,
Вступаютъ въ славный бой.
Колебя маслину священной рукой,
Пѣвецъ Аскреи гимнъ высокій начинаетъ
(Онъ съ лирой никогда свой гласъ не сочетаетъ):

Гезіодъ.

Безвѣстный юноша, съ стадами я бродилъ
Подъ тѣнью пальмовой близъ чистой Ипокрены;
Тамъ пастыря нашли прелестныя Камены,
И я въ обитель ихъ священную вступилъ.

Омиръ.

Мнѣ снилось въ юности: орель грометатель
Отъ Мелеса меня играючи унесъ
На край земли, на край небесъ,
Вѣщая: „Ты земли и неба обладатель!“

Гезіодъ.

Тамъ лавры хижину простую остигать,
Въ пустыняхъ процвѣтутъ Темейскія долины,
Куда вы бросите свой благотворный взглядъ,
О, нѣжны дочери суровой Мнемозины!

Омиръ.

Хвала отцу боговъ! Какъ ясный сводъ небесъ
Надъ царствомъ высится плачевнаго Эреба,
Какъ радостный Олимпъ стоитъ превыше неба,
Такъ выше всѣхъ боговъ властитель ихъ, Зевесъ!

Гезіодъ.

Въ священномъ сумракѣ, въ сіяніи Діаны
Вы, музы, любите сплетаться въ хороводъ
Или, торжественный въ Олимпъ свершая ходъ,
Съ безсмертными вкушать нанитокъ Гебы рьяный.

Омиръ.

Не знаетъ смерти онъ, кровь алая тельцовъ
Не брызнетъ подъ ножомъ надъ Зевсовой гробницею,
И кони бурные со звонкой колесницею
Предъ ней не будутъ прахъ крутить до облаковъ.

Гезіодъ.

А мы, всѣ смертные, всѣ паркамъ обреченны,
Увидимъ области подземнаго царя
И рѣки спящія, Тенаромъ заключенны,
Не лююща дань свою въ бездонныя моря.

Омиръ.

Я приближаюсь къ метѣ сей неизбѣжной.
Внемли, о, юноша, ты иблѣ Труды и Дни...
Для старца ветхаго ужъ кончились они!

Гезіодъ.

Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжный
На синемъ Стримонѣ, провидя страшный часъ,
Не слаще твоего поетъ въ послѣдній разъ!
Твой геній прониклъ въ Олимпъ, и вѣчны боги
Отверзли для тебя безоблачны чертоги.
И что жъ! Въ юдоли сей страдалецъ искони,
Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончить дни!
Пѣвецъ божественный, скитаясь какъ нищій,
Въ печальномъ рубищѣ, безъ крова и безъ пищи,
Слѣпецъ всевидящій, ты будешь проклипать
И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!

Омиръ.

Твой гласъ подобится амврозіи небесной,
Что Геба юная сапфирной чашей льетъ.
Пѣвецъ, въ устахъ твоихъ поэзіи прелестной
Сладчайшій Ольмія благоухаетъ медъ.
Но, музъ любимый жрецъ, страшишь руки злодѣйской,
Страшишь любви, страшишь Эвбеи береговъ.
Твой близокъ часъ! Увы, тебя Зевесъ Немейской,
Какъ жертву славную, готовитъ для враговъ!

Умолкли. Облако печали

Покрыло очи ихъ. Народъ рукоплескалъ.
Но снова сладкій бой поэты начинали

При шумѣ радостныхъ похвалъ.

Омиръ, возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,
Народовъ, гибнущихъ по прихоти царей,
Пріама древняго, съ мольбой несуща дани
Убійцѣ грозному и кровныхъ, и дѣтей,
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харитъ и легкихъ Оръ, и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимпъ и дикій Адъ.
А юный Гезіодъ, взлелѣянный Парнасомъ,
Съ чудесной прелестью воспѣлъ веселымъ гласомъ
Весну, зеленую соутницу Гіадъ,
Какъ Фебъ торжественно вселенну обтекаетъ,
Какъ дни и мѣсяцы рождаются въ небесахъ,
Какъ нивой золотой Церера награждаетъ
Труды годовичные оратая въ поляхъ,
Заботы сладкія при сборѣ винограда.
Тебя, желанный миръ, лелѣятель долинъ,

Благословенныхъ селъ и пастырей, и стада,
 Онъ пѣлъ. И слабый царь, Колхиды властелинъ,
 Отъ самой юности воспитанный средь мира,
 Презрѣлъ высокій гимнъ безсмертнаго Омира
 И пальму первенства сопернику вручилъ.
 Счастливый Гезіодъ въ награду получилъ
 За пѣсни, мирною Каменною вдохновенны,
 Сосуды серебряны, треножникъ позлащенный
 И чернаго овна, красу веселыхъ стадъ.
 За нимъ, предъ нимъ сыны ахейскіе, какъ волны,
 На край ристалища обширнаго спѣшатъ,
 Гдѣ побѣдитель самъ, благоговѣнья полный,
 При возліаніяхъ овна младую кровь
 Довременно богамъ подземнымъ посвящаетъ
 И музамъ свѣтлыя сосуды предлагаетъ,
 Какъ даръ, усердный даръ пѣвца, за ихъ любовь.
 До самой старости преслѣдуемый рокомъ,
 Но духомъ царь, не рабъ разгнѣванной судьбы,
 Омиръ скрывается отъ суетной толпы,
 Снѣдая грусть свою въ молчаніи глубокомъ.
 Рожденный въ Самосѣ, убогій сирота
 Слѣпца изъ края въ край, какъ сынъ усердный, водить,
 Онъ съ нимъ пристанища въ Элладѣ не находитъ...
 И гдѣ найдутъ его талантъ и нищета?

ПРИМѢЧАНІЕ

къ элегіи „Гезіодъ и Омиръ“.

Эта элегія переведена изъ Мильвуа, одного изъ лучшихъ французскихъ стихотворцевъ нашего времени. Онъ скончался въ прошломъ году въ цвѣтущей молодости. Французскія музы долго будутъ оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты нынѣ рѣдки въ отечествѣ Расина.

Многіе писатели утверждали, что Омиръ и Гезіодъ были современники. Нѣкоторые сомнѣваются, а иные и совершенно оспариваютъ это предположеніе. Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ поэмы Труды и Дни, жилъ въ Кумахъ, откуда онъ перешелъ въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона. Тамъ родился Гезіодъ. Музы—говоритъ онъ въ началѣ Θεογονίи—нашли его на Геликонѣ и обрекли себѣ. Онъ самъ упоминаетъ о побѣдѣ своей въ пѣснопѣвнн. Архидамій, царь эвбейскій, умирая, завѣщалъ, чтобы въ день смерти его ежегодно совершались погребальныя игры. Дѣти исполнили завѣщаніе родителя, и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣвнн. Плутархъ, въ сочиненіи своемъ: Пиръ семи мудрецовъ, заставляетъ рассказывать Періандра о состязаніи Омира съ Гезіодомъ. Послѣдній остался побѣдителемъ и, въ знакъ благодарности музамъ, посвятилъ имъ треножникъ, полученный въ награду. Жрица дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; предвѣщаніе сбылось: молодые люди, полагая, что Гезіодъ соблазнилъ сестру ихъ, убили его на берегахъ Эвбеи, посвященныхъ Юпитеру Немейскому.

Кажется не нужно говорить объ Омирѣ. Кто не знаетъ, что первый въ мірѣ поэтъ былъ слѣпъ и нищій.

Намъ музы дорого таланты продаютъ!

1817.

LVII.

Переходъ черезъ Рейнъ.

Межъ тѣмъ какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекѣ твои, о, Рейнъ, волны,

Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ,
На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
Глотаешь хладную струю
И грудь усталую въ бою
Желанной влагой обновляетъ.

О, радость, я стою при реинскихъ водахъ
И, жадные съ холмовъ въ окрестность бросаю взоры,

Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаямъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ вѣчною струей
Ты льешься, Рейнъ величавый!

Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ,
О, Рейнъ, ты поилъ несчетны легіоны,

Мечомъ писавшіе законы
Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
Любимецъ счастья, бичъ свободы
Здѣсь Кесарь бился, побѣждалъ,
И конь его переплывалъ
Твои священные, Рейнъ, воды!

Вѣка мелькнули: міръ крестомъ преображенъ,
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились.

Здѣсь витязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ женъ;
Тутъ совершались ихъ турниры.
Тутъ бились храбрые, и здѣсь
Не умеръ, мнится, и поднесъ
Звукъ сладкой трубадуровъ лиры.

Такъ, здѣсь, подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ пагорныхъ водопадовъ,

Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ,
Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ.

Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
Простые нравы праотцовъ,
Святая къ родинѣ любовь
И празднои роскоши презрѣнье.

Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и бардамъ современныхъ,

Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую, и крылья придасть.
Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы...
И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ, до нашихъ дней, спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы
Склонилъ чело,—увы! позналъ и стыдъ, и плѣнъ!
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Атиллы новаго стеналъ,
И ты уныло протекалъ
Между враждебными полками?

Давно ли земледѣль вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ,
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ зарейныхъ сыновъ?
Давно ль они кичася пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили?

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами,
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами.
Огъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!

Стеклись, нагрянули за честь твоихъ гражданъ,
За честь твердынь и селъ, и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ,
Гдѣ ангелъ мирный, свѣтозарный
Для странъ полуночи рождень
И Провидѣнемъ обречень
Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о, Рейнъ, здѣсь! Ты видишь блескъ мечей,
Ты слышишь шумъ полковъ и новыхъ коней ржанье,
Ура побѣды и званье
Ищущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвывая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летять
И вотъ—коней лихихъ поять,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдъ сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей.

Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легкихъ всадниковъ рои,
Въ текучей влагѣ отраженны!

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ,
Костры надъ Рейномъ дыматся и пылаютъ,

И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ.
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ,
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной,
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ

Стоитъ и жаднымъ ловить окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.

Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ...

Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ,

И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служитель алтарей!

Его шума пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіяньемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапно воцарилось,

Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили въ прахъ:

Поютъ Владыкѣ вышней силы.
Тебѣ, Подателю побѣдъ,
Тебѣ, Незаходимый Свѣтъ,
Дыматся мирныя кадилы!

И се подвинулись: валить за строемъ строй,
Какъ море шумное, волнуется все войско,

И эхо вторитъ кликъ геройской,
Досель не слышанный, о, Рейнъ, надъ тобой!
Твой стонетъ берегъ гостепріимной,
И мостъ подъ воями дрожитъ,
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ,
Отъ глазъ, въ дали теряясь дымной!

LVIII.

Умирающій Тассъ.

E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura, o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!
Che più spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicizia, a giova amore?
Ahi lagrime! ahi dolore!
Torrismondo, tragedia di T. Tasso.

Какое торжество готовитъ древнїй Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ аромать и мирры сладкїй дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолїа отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средъ лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ, къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвїей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукъ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому триумфъ?.. Тебѣ, божественный пѣвецъ,
Тебѣ сей даръ, пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселїа достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато,
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Пи слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднїя награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Не знающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселїемъ его благословляетъ
И, лебедь сладостный, еще въ послѣднїй разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
„Друзья, о, дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
„Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище!
„Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
„О, древнее квирптовъ пепелище,
„Земля священная героевъ и чудесъ,
„Развалины и прахъ краснорѣчивый!

- „Лазурь и пурпурь безоблачныхъ небесъ,
„Вы, тополи, вы, древнія оливы,
„И ты, о, вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
„Засѣянный костями гражданъ вселенной,
„Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
„Безвременной кончинѣ обреченной!
„Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
„И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
„И лавры славныя надъ дряхлой головой
„Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!
„Отъ самой юности игралище людей,
„Младенцемъ былъ уже изгнанникъ.
„Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моею
„Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
„Какихъ не испыталъ превратностей судьбы?
„Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
„Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущный хлѣбъ
„Слезамъ скорби не кропился?
„Сорренто, колыбель моихъ несчастныхъ дней,
„Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
„Отторженъ былъ судьбой отъ матери моею,
„Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній!
„Ты помнишь сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
„Увы, съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
„Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія!
„Фортуною изрытыя пучины
„Разверзлись подо мной, и громъ не умолкалъ!
„Изъ веси въ весъ, изъ странъ въ страну гонимый,
„Я тщетно на земли пристанища искалъ!
„Повсюду—персть ея неотразимый,
„Повсюду—молніи, карающіе пѣвца!
„Ни въ хижинѣ оратая простова,
„Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
„Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
„Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не спасъ главы моей,
„Безславіемъ и славой удрученной,
„Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
„Карающей богинѣ обреченной!
„Друзья, но что мою стѣсняеть страшно грудь!
„Что сердце такъ и ноетъ, и трепещеть?
„Откуда я? Какой прошелъ ужасный путь,
„И что за мной еще во мракѣ блещеть?
„Феррара, фуріи и зависти змія!..
„Куда, куда убійцы дарованья!
„Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
„Все слезы ихъ и сладки лобызанья,
„И въ Капитоліи—Виргиліевъ вѣнецъ!
„Такъ! Я свершилъ назначенное Фебомъ.
„Отъ первой юности его усердный жрецъ,

„Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ
„Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
„И въ узахъ я душой не измѣнился.
„Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
„И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
„Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
„На берегахъ цвѣтущихъ Іордана!
„Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
„Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
„Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
„Въ величіи и въ блескѣ грозной славы!
„Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, владыко, вождь царей,
„Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый,
„Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
„Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель,
„Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
„Какъ огонь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...
„И Тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
„О, доблести неслыханной примѣры!
„О, нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ,
„Тріумфъ святой, побѣда чистой вѣры!
„Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
„Онъ пѣлъ, и вы не будете забвенны!
„Онъ пѣлъ, ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
„Рукою музъ и славы соплетенный...
„Но поздно! Я стою надъ бездной роковой
„И не вступаю при плескахъ въ Капитолій,
„И лавры славные надъ дряхлой головой
„Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!

Умолкъ. Унылый огонь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной,
И умирающій, казалось, хотѣлъ
У парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался,
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Чась смерти близился, и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ
И, оживленъ вечернею прохладою,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.

„Смотрите“, — онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ, —
„Какъ царь свѣтилъ на западѣ пыласть!

„Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
 „Гдѣ вѣчное Свѣтило засіяетъ.
 „Ужъ ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ,
 „Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
 „Приблизьте знакъ любви, сей таинственный крестъ,
 „Молитесь съ надеждой и слезами!
 „Земное гибнетъ все—и слава, и вѣнецъ,
 „Искусствъ и музъ творенья величавы...
 „Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
 „Податель намъ вѣнца небренной славы,
 „Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
 „Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели!
 „О, братья, о, друзья, не плачьте надо мной!
 „Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли:
 „Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
 „Мучительной кончины не примѣтитъ.
 „Тамъ, тамъ—о, счастье!—среди непорочныхъ женъ,
 „Среди ангеловъ Элеонора встрѣтитъ!“

И съ именемъ любви божественный погасъ.
 Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
 День тихо догоралъ, и колокола гласъ
 Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
 „Погибъ Торквато нашъ“, воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
 „Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!..
 На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
 И трауромъ покрылся Капитолій.

Примѣчаніе

къ элегіи „Умирающій Тассъ“.

Не одна исторія, но живопись и поэзія неоднократно изображали бѣдствія Тасса. Жизнь его, конечно, извѣстна любителямъ словесности. Мы напомнимъ только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя подали мысль къ этой элегіи.

Т. Тассъ приписалъ свой Іерусалимъ Альфонсу, герцогу Феррарскому: О, magnanimo Alfonso!.. и великодушный покровитель безъ вины, безъ суда заключилъ его въ больницу св. Анны, т.-е. въ домъ сумасшедшихъ. Тамъ его видѣлъ Монтанъ, путешествовавшій по Италіи въ 1580 году. Странное свиданіе въ такомъ мѣстѣ перваго мудреца временъ новѣйшихъ съ величайшимъ стихотворцемъ!.. Но вотъ что Монтанъ пишетъ въ Опытахъ: „Я смотрѣлъ на Тасса еще съ большею досадою, нежели съ сожалѣніемъ; онъ пережилъ себя: не узнавалъ ни себя, ни твореній своихъ. Они безъ его вѣдома, но при немъ, но почти въ глазахъ его напечатаны неисправно, безобразно“. Тассъ, къ дополненію несчастья, не былъ совершенно сумасшедшій и въ ясныя минуты разсудка чувствовалъ всю горестъ своего положенія. Воображеніе, главная пружина его таланта и злополучій, нигдѣ ему не измѣняло. И въ узахъ онъ сочинялъ безпрестанно. Наконецъ, по усиленнымъ просьбамъ всей Италіи, почти всей просвѣщенной Европы, Тассъ былъ освобожденъ. (Заключеніе его продолжалось семь лѣтъ два мѣсяца и нѣсколько дней.) Но онъ не долго наслаждался свободою. Мрачныя воспоминанія, нищета, вѣчная зависимость отъ людей жестокихъ, измѣна друзей, несправедливость критиковъ, однимъ словомъ—всѣ горести, всѣ бѣдствія, какими только можетъ быть обремененъ человѣкъ, разрушили его крѣпкое сложеніе

и привели по терніямъ къ ранней могилѣ. Фортуна, коварная до конца, приготовляя послѣдній рѣшительный ударъ, осыпала цвѣтами свою жертву. Папа Климентъ VIII, убѣжденный просьбами кардинала Цинтіо, племянника своего, убѣжденный общенароднымъ голосомъ всей Италіи, назначилъ ему триумфъ въ Капитоліи. „Я вамъ предлагаю вѣнокъ лавровый,—сказалъ ему папа,—не онъ прославитъ васъ, но вы его!“ Со временъ Петрарки, во всѣхъ отношеніяхъ счастливѣйшаго стихотворца Италіи, Римъ не видалъ подобнаго торжества. Жители его, жители окрестныхъ городовъ желали присутствовать при вѣчаніи Тасса. Дожливое осеннее время и слабость здоровья стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. Въ апрѣлѣ все было готово; но болѣзнь усилилась. Тассъ велѣлъ перенести себя въ монастырь св. Онуфрія и тамъ, окруженный друзьями и братіей мирной обители, на одрѣ мученія ожидалъ кончины. Къ несчастью, вѣрнѣйшій его пріятель Константино не былъ при немъ, и умирающій написалъ къ нему сіи строки, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, видна вся душа пѣвца Іерусалима: „Что скажете мой Константино, когда узнаете о кончинѣ своего милаго Торквато? Не замедлитъ дойти къ нему эта вѣсть. Я чувствую приближеніе смерти. Никакое лѣкарство не излѣчитъ моей новой болѣзни. Она совокупила съ другими недугами и, какъ быстрый потокъ, увлекаетъ меня... Поздно теперь жаловаться на фортуна, всегда враждебную! Не хочу упоминать о неблагодарности людей. Фортуна торжествуетъ. Нищимъ я доведенъ ею до гроба въ то время, какъ надѣялся, что слава, пріобрѣтенная наперекоръ врагамъ моимъ, не будетъ для меня совершенно бесполезною. Я велѣлъ перенести себя въ монастырь св. Онуфрія не потому единственно, что врачи одобряютъ его воздухъ, но для того, чтобы на семъ возвышенномъ мѣстѣ, въ бесѣдѣ святыхъ отшельниковъ начать мои бесѣды съ Небомъ. Молись Богу за меня, милый другъ, и будь увѣренъ, что я, любя и уважая тебя въ сей жизни и въ будущей—которая есть настоящая—не премину все совершить, что требуетъ истинная, чистая любовь къ ближнему. Поручаю тебя благодати небесной и себя поручаю. Прости!—Римъ. Св. Онуфрій“.

Тассъ умеръ 10 апрѣля на пятьдесятъ первомъ году, исполнивъ долгъ христіанскій съ истиннымъ благочестіемъ.

Весь Римъ оплакивалъ его. Кардиналъ Цинтіо былъ неутѣшенъ и желалъ великолѣпнѣмъ похоронъ вознаградить утрату триумфа. По его приказанію,—говоритъ Жингене въ Исторіи литературы итальянской,—тѣло Тассово было облечено въ римскую тогу, увѣнчано лаврами и выставлено всенародно. Дворъ, оба дома кардиналовъ Альдобрандини и народъ многочисленный провожали его по улицамъ Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще разъ на того, котораго геній прославилъ свое столѣтіе, прославилъ Италію, и который столь дорого купилъ позднія, печальныя почести.

Кардиналъ Цинтіо (или Чинтіо) объяснилъ Риму, что воздвигнетъ поэту великолѣпную гробницу. Два оратора приготовили надгробныя рѣчи: одну латинскую, другую итальянскую. Молодые стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горестъ кардинала была непродолжительна, и памятникъ не былъ воздвигнутъ. Въ обители св. Онуфрія смиренная братія показывать и понынѣ путешественнику простой камень съ этою надписью: „*Torquati Tassi ossa hic jacent*“. Она краснорѣчива.

Да не оскорбится тѣнь великаго стихотворца, что сынъ угрюмаго сѣвера, обязанный Іерусалиму лучшими, сладостными минутами въ жизни, осмѣлился принесть скудную горсть цвѣтовъ въ ея воспоминаніе!

ІХ.

Вакханка.

Подражаніе Парни.

Всѣ на праздникъ Эрпгоны
Жрицы Вакховы текли.
Вѣтры съ шумомъ разнесли

Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала.

Я за ней... Она бѣжала
 Легче серны молодой.
 Эвры волосы взвѣвали,
 Перевитые плющомъ,
 Нагло ризы поднимали
 И свивали ихъ клубкомъ.
 Стройный станъ, кругомъ обвитый
 Хмеля желтаго вѣнцомъ,
 И пылающи ланиты
 Розы яркимъ багрецомъ,
 И уста, въ которыхъ таетъ

Пурпуровый виноградъ,
 Все въ неистовой прельщаетъ,
 Въ сердце льетъ огонь и ядъ!
 Я за ней... Она бѣжала
 Легче серны молодой;
 Я настигъ: она упала,
 И тимпанъ подъ головой!
 Жрицы Вакховы промчались
 Съ громкимъ воплемъ мимо насъ,
 И по рощѣ раздавались
 „Эвоэ“ и пѣги гласъ!

LX.

М е ч т а.

Подруга нѣжныхъ музъ, посланница небесъ,
 Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ слезъ,
 Гдѣ ты скрываешься, мечта, моя богиня?
 Гдѣ тотъ счастливый край, та мирная пустыня,
 Къ которымъ ты стремишь таинственный полетъ?
 Иль дебри любишь ты, сихъ грозныхъ скалъ хребетъ,
 Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ внимаешь?
 Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуждаешь,
 Когда на западѣ зари мерцаетъ лучъ,
 И холодная луна выходитъ изъ-за тучъ?
 Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ
 Въ мѣста, гдѣ дышитъ все любви очарованьемъ,
 Подъ тѣню яворовъ ты бродишь по холмамъ,
 Студеной пѣною Воклюза орошеннымъ?
 Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
 Коснуся я струнамъ,
 Тобой одушевленнымъ!
 Явися! Ждетъ тебя задумчивый пѣтъ,
 Въ безмолвіи nocturno сидящій у лампы!
 Явись и дай вкусить сердечныя отрады!
 Любимца твоего, любимца Аонидъ
 И горестъ сладостна бываетъ:
 Онъ въ горести мечтаетъ.
 То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,
 Гдѣ вѣтръ шумитъ, реветъ гроза,
 Гдѣ тѣнь Оскарова, одѣтая туманомъ,
 По небу стелется надъ пѣннымъ океаномъ;
 То съ чашей радости въ рукахъ
 Онъ съ бардами поетъ — и мѣсяцъ въ облакахъ
 И Кромлы шумный лѣсъ безмолвно имъ внимаешь,
 И эхо по горамъ пѣснь звучу повт. рлетъ.

Или въ полночный часъ
Онъ слышитъ скальдовъ гласъ
Прерывистый и томный.
Зрять: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зажженныхъ въ полѣ брани,
И древній царь пѣвцовъ
Простеръ на арфу длани;
Могилу указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ,
„Чья тѣнь, чья тѣнь“, — гласитъ
Въ священномъ изступленіи, —
„Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
„Се ты, молодой Иснелъ, иноплеменныхъ страхъ,
„Днесъ падшій на сраженьи!
„Миръ, миръ тебѣ, герой!
„Твоей сѣкирою стальной
„Пришельцы гордые разбиты,
„Но самъ ты палъ на грудяхъ тѣлъ,
„Палъ, витязь знаменитый,
„Подъ тучей вражьихъ стрѣлъ!
„Ты палъ! И надъ тобой посланницы небесны,
„Валкирии прелестны,
„На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
„Съ золотыми коньями въ рукахъ,
„Въ безмолвіи спустились,
„Коснулись до зеницъ копьемъ своимъ, и вновь
„Глаза твои открылись!
„Течетъ по жиламъ кровь
„Чистѣйшаго зѣира,
„И ты, безплотный духъ,
„Въ страны безвѣстны міра
„Летишь стрѣлой... И вдругъ
„Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
„Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги
„Любовь и вѣчный пиръ.
„При шумѣ горныхъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
„Среди полянъ и свѣжихъ сѣней,
„Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей
„И златорогихъ сернь!“
Склоняся на злачный дернъ,
Съ дружиною младою,
Тамъ снова съ арфой золотою
Въ восторгѣ скальдъ поетъ
О славѣ древнихъ лѣтъ,
Поетъ, и храбрыхъ очи,
Какъ звѣзды тихой ночи,
Утѣхою блестятъ.
Но вечеръ притекаетъ,
Часъ нѣги и прохладъ,

Гласъ скальда замолкаетъ...
Замолкъ, и храбрыхъ сонмъ
Идетъ въ Оденовъ домъ,
Гдѣ дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелестницы младыя,
Всегда полунагія,
На пиршества гостямъ,
Обильны яства носятъ
И пить умильно просятъ
Изъ чаши сладкій медъ.
Такъ древній скальдъ поетъ,
Лѣсовъ и дебрей сынъ угрюмый:

Онъ счастливъ, погружаясь о счастья въ сладки думы!

О, сладкая мечта, о, неба даръ благой!
Средь дебрей каменныхъ, средь ужасовъ природы,
Гдѣ плещутъ о скалы Ботническія воды,
Въ краяхъ изгнанниковъ я счастливъ былъ тобой!
Я счастливъ былъ, когда въ моемъ уединеніи
Надъ кущей рыбака, въ часъ полночи нѣмой,
Раздастся вѣтровъ свистъ и вой,
И въ кровлю застучитъ и градъ, и дождь осенній.
Тогда на крыліяхъ мечты
Леталъ я въ поднебесной,
Или, забывшись на лонѣ красоты,
Я сонъ вкушалъ прелестной,
И счастливъ наяву, былъ счастливъ и въ мечтахъ!

Волшебница моя, дары твои безцѣнны
И старцу въ лѣта охлажденны,
Съ котомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ!
Заклепы страшныя съ замками на дверяхъ,
Соломы жесткій пукъ, свѣтъ блѣдный пепелница,
Изглоданный сухарь, мышей тюремныхъ пища,
Сосуды глиняны съ водой—
Все, все украшено тобой!
Кто сердцемъ правъ, того ты вѣкъ не покидаешь:
За нимъ во всѣ страны летаешь
И счастьемъ даришь любимца своего.
Пусть міромъ позабытъ! Что нужды для него?
Но съ нимъ задумчивость въ день пасмурній, осенній,
На мирномъ ложѣ сна,
Въ уединенной сѣни
Бесѣдуетъ одна.
О, тайныхъ слезъ неизъяснима сладость!
Что предъ тобой сердце холодныхъ радость,
Веселій шумъ и блескъ честей
Тому, кто ничего не ищетъ подъ луною,

Тому, кто сопряженъ душою
Съ могилою давно утраченныхъ друзей?
Кто въ жизни не любилъ,
Кто разъ не забывался,
Любя мечтамъ не предавался
И счастья въ нихъ не находилъ?
Кто въ часъ глубокой ночи,

Когда невольно сонъ смыкаетъ томны очи,
Всю сладость не вкусилъ обманчивой мечты?

Теперь, любовникъ, ты
На ложѣ роскоши съ подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ея покровъ стыдливой,
Теперь блаженствуешь, и счастливъ ты... мечтой!
Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки
И нектаромъ любви кропить лѣнныя маки!

Мечтаніе—душа поэтовъ и стиховъ.

И ѣдкость сильная вѣковъ
Не можетъ прелестей лишить Анакреона,
Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечтахъ
Любовницы Фаона;

А ты, лежащій на цвѣтахъ
Межъ нимфъ и сельскихъ грацій,
Пѣвецъ веселія, Горацій,
Ты сладостно мечталъ,
Мечталъ среди пировъ и шумныхъ и веселыхъ
И смерть угрюмую цвѣтами увѣнчалъ!
Какъ часто въ Тибурѣ, въ сихъ рощахъ устарѣлыхъ,

На скатѣ бархатныхъ луговъ,
Въ счастливомъ Тибурѣ, въ твоёмъ уединеніи,
Ты ждалъ Глицерію и въ сладостномъ забвеніи,
Томимый нѣгою на ложѣ изъ цвѣтовъ,

При воскуреніи мастикъ благоуханныхъ,
При пляскѣ нимфъ вѣнчанныхъ,
Сплетенныхъ въ хороводъ,
При отдаленномъ шумѣ
Въ лугахъ журчащихъ водъ,
Безмолвенъ въ сладкой думѣ,
Мечталъ... и вдругъ мечтой
Восторженъ сладострастной,

У ногъ Глицеріи стыдливой и прекрасной
Побѣду пѣлъ любви
Надъ юностью безпечной
И первый жаръ въ крови,
И первый вздохъ сердечной,
Счастливецъ, воспѣвалъ
Цитерскія забавы,
И всѣ заботы славы
Ты вѣтрамъ отдавалъ!

Ужели въ истинахъ печальныхъ
Угрюмыхъ стойковъ и скучныхъ мудрецовъ,
Сидящихъ въ платьяхъ поиребальныхъ
Между обломковъ и гробовъ,
Найдемъ мы жизни нашей сладость?
Отъ нихъ, я вижу, радость
Летить, какъ бабочка отъ терновыхъ кустовъ.
Для нихъ нѣтъ прелести и въ прелестяхъ природы;
Имъ дѣвы не поютъ, сплетая въ хороводы;
Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
Весна безъ радости и лѣто безъ цвѣтовъ,
Увы, но съ юностью исчезнуть и мечтанья,
Исчезнуть грацій лобызанья,
Надежда измѣнить и рой крылатыхъ сновъ!
Увы, тамъ нѣтъ уже цвѣтовъ,
Гдѣ тусклый опытность свѣтильникъ зажигаетъ,
И время старости могилу открываетъ!
Но ты пребудь вѣрна, живи еще со мной!
Ни свѣтъ, ни славы блескъ пустой,
Ничто даровъ твоихъ для сердца не замѣнитъ!
Пусть дорого глупецъ суетъ блистанье цѣнитъ,
Лобзая прахъ златой у мраморныхъ палатъ,
Но я и счастливъ, и богатъ,
Когда снискалъ себѣ свободу и спокойство,
А отъ суетъ ушелъ забвенія тропой!
Пусть будетъ навсегда со мной
Завидное поэтовъ свойство:
Блаженство находить въ убожествѣ мечтой.
Ихъ сердцу малость драгоцѣнна:
Какъ пчелка, медомъ отягченна,
Летаетъ съ травки на цвѣтокъ,
Считая моремъ ручеекъ,
Такъ хижину свою поэтъ дворцомъ считаетъ
И счастливъ!.. Онъ мечтаетъ!

LXI.

Къ Н. М. Муравьеву.

Какъ я люблю, товарищъ мой,
Весны роскошной появленье
И въ первый разъ надъ муравой
Веселыхъ жаворонковъ пѣнье!
Но слаще мнѣ среди полей
Увидѣть первые биваки
И ждать безпечно у огней
Съ разсвѣтомъ дня кровавой драки.

Какое счастье, рыцарь мой,
Узрѣть съ нагорныя вершины
Необозримый нашихъ строй
На яркой зелени долины!
Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекій
И погрузиться до утра
Подъ теплою буркой въ сонъ глубокій!
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ,
И ружей протяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ,
Какъ весело передъ строями
Летать на ухорскомъ конѣ
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ за врагами!
Какъ весело внимать: „Стрѣлки,
„Впередъ! Сюда, донцы, гусары!
„Сюда, летучіе полки,
„Башкирцы, горцы и татары!“
Свисти теперь, жужжи, свинсць!
Летайте ядра и картечи!
Что вы для нихъ, для сихъ сердець,
Природой вскормленныхъ для сѣчи?
Колонны сдвинулись какъ лѣсъ,
И вотъ... О, зрѣлище прекрасно!
Идутъ. Безмолвіе ужасно!
Идутъ, ружье наперевѣсь;
Идутъ... Ура! И все сломили,
Разсѣяли и разгромили.
Ура, ура! И гдѣ же врагъ?..
Бѣжитъ... А мы въ его домахъ—
О, радость храбрыхъ!—киверами
Вино некупленное пьемъ
И подъ побѣдными громами
„Хвалите Господа“ поемъ!..
Но ты трепещешь, юный воинъ,
Склонясь на сабли рукоять;
Твой духъ встревоженъ, безпокоенъ,
Онъ рвется лавры пожинать.
Съ Суворовымъ онъ вѣчно бродитъ
Въ поляхъ кровавыя войны
И въ вяломъ мирѣ не находитъ
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся! Съ первыми громами
Къ знаменамъ славы полетишь;
Но тамъ—о, горе—не узришь
Меня, какъ прежде, подъ шатрами!
Забитый шумною молвой,

Сердце мучительницей милой,
Я сплю, как труженикъ унылой,
Не оживляемый хвалой.

LXII.

Бесѣдка музъ.

Подъ тѣнію черемухи млечной
И золотомъ блистающихъ акацій
Спѣшу возстановить алтарь и музъ, и грацій,
Сопутницъ жизни молодой.
Спѣшу принести цвѣты и ульевъ сотъ янтарный,
И нѣжны первенцы полей:
Да будетъ сладокъ имъ сей даръ любви моей
И гимнъ поэта благодарный!
Не злата молить онъ у жертвенника музъ:
Онъ съ фортуною не дружны,
Ихъ крѣпче съ бѣдностью заботливый союзъ,
И болѣ въ шалашѣ, чѣмъ въ теремѣ досужны.
Не молить славы онъ сіяющихъ даровъ:
Увы, талантъ его ничтоженъ!
Ему отважный путь за стаею орловъ
Какъ пчелкѣ невозможенъ.
Онъ молить музъ — душѣ усталой отъ суетъ
Отдать любовь утраченну къ искусствамъ,
Веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ
И свѣжесть вянущимъ безперестанно чувствамъ.
Пускай заботъ свинцовый грузъ
Въ рѣкѣ забвенія потонетъ,
И время жадное въ сей тайной сѣни музъ
Любимца ихъ не тронетъ.
Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
Безпеченъ, какъ дитя всегда безпечныхъ грацій,
Онъ нѣкогда придетъ вздохнуть въ сѣни густой
Своихъ черемухъ и акацій!

LXIII.

Къ С. С. Уварову.

Среди трудовъ и важныхъ музъ,
Среди учености всемірной
Онъ не утратилъ нѣжный вкусъ!
Еще онъ любитъ голосъ лирной,
Еще въ душѣ его огонь,
И сердце наслажденій просить,
И борзый Аполлоновъ конь

Отъ музъ его въ Питеру носить.
Отъ пепла древняго Аѳинъ,
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима.
Съ развалинъ Трои и Солима,
Умомъ вселенной гражданинъ,
Онъ любить отдыхать съ Эратой
Разнообразной и живой
И часто водить насъ съ собой
Въ страны фантазіи крылатой.
Ему легко: онъ награжденъ,
Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ;
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Но будто въ Атикѣ рожденъ.

1818.

LXIII.

Подражаніе Аріосту.

La virginella è simile alla rosa.

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взлелѣянной весной подъ сѣнію надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ,
Но вѣтеръ сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

LXIV.

Н. М. Карамзину.

Когда на играхъ олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ исторіи читалъ,
Какъ грекъ разилъ вождей азійскихъ
И силы гордыхъ сокрушилъ, —
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной
Какъ старца слушалъ Фукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцовъ дѣянья знамениты
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

LXV.

Посланіе къ А. И. Тургеневу.

Есть дача за Невой,
Верстъ двадцать отъ столицы,
У Выборгской границы,
Близъ Парголы крутой;
Есть дача или мыза,
Пріютъ для добрыхъ душъ,
Гдѣ добрая Элиза
И съ ней почтенный мужъ,
Съ открытою душою
И съ лаской на устахъ,
За трапезой простою
На бархатныхъ лугахъ,
Безъ дальняго наряда,
Въ свой маленький пріютъ
Друзей изъ Петрограда
На праздникъ сельскій ждутъ.
Тамъ мужъ съ супругой нѣжной,
Въ часъ отдыха отъ дѣлъ,
Подъ кровъ свой безмятежной
Музъ къ граціямъ привель.
Поэтъ, лѣнтяй, счастливецъ
И тонкій философъ,
Мечтаетъ тамъ Крыловъ
Подъ тѣнію березы
О басенныхъ звѣряхъ

И рветъ парнаасски розы
Въ Пріютинскихъ лѣсахъ.
И Гнѣдичъ тамъ мечтаетъ
О греческихъ богахъ,
Межъ тѣмъ какъ замѣчаетъ
Кипренскій лица ихъ
И кистию чудесной,
Съ безпечною прелестной,
Вандиковъ ученикъ,
Въ одинъ крылатый мигъ
Онъ пишетъ ихъ портреты,
Которые отъ Леты
Спасли бы образцовъ,
Когда бы самъ Крыловъ
И Гнѣдичъ сочиняли,
Какъ пишетъ Тянисловъ
Иль Балдусы писали,
Забывъ и вкусъ, и умъ.
Но мы забудемъ шумъ
И суеты столицы,
Изладимъ колесницы,
Ударимъ по конямъ
И пустимся стрѣлою
Въ Пріютино съ тобою.
Согласенъ?—По рукамъ!

LXVI.

Изъ греческой антологіи.

I.

Изъ Мелеагра Гадарскаго.

Въ обители ничтожества унылой,
О, незабвенная, прими потоки слезъ
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,

И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ!
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни:
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе, все хладно, все молчить;
Надгробный факель мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что, вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите: что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о, мать-земля, съ сей данною горькихъ слезъ
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими и упокой въ гостепріимной сѣни.

II.

Изъ Асклепіада Самосскаго.

Свидѣтели любви и горести моей,
О, розы юныя, слезами омочены,
Красуйтесь въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей!
Помедлите, вѣнки, еще не увядайте!
Но если явится, пролейте на нее
Все благовоніе свое
И локоны ея слезами напитайте!
Пусть остановится въ раздумьѣ и вздохнетъ...
А вы, цвѣты, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте!

III.

Изъ Геділа.

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
За чашей Вакховой Аглаю побѣдили...
О, радость! Здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.
Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно
Одежды пышныя надменной красоты,
Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной
И обувь стройная, и свѣжіе цвѣты;
Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никагора!

IV.

Яворъ къ прохожему.

Изъ Антипатра Ѳессалійскаго.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется,
Какъ любить мой полуистлѣвшій пенъ!
Я нѣкогда ему давалъ отрадную тѣнь;
Завяль... Но виноградъ со мной не разстается.

Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепель твой любилъ, оставшись на земли!

V.

Нереиды на развалинахъ Коринеа.

Изъ Антипатра Тессалійскаго.

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золь твоихъ?
Гдѣ стогны шумные и граждане счастливы?
Гдѣ зданья пышныя и храмы горделивы,
Мусія, золото, сіяющія въ нихъ?
Увы, погибъ навѣкъ Коринѣ столповѣнчаннй,
И самый пепель твой развѣянъ по полямъ!
Все пусто: мы одни взываемъ здѣсь къ богамъ,
И стонетъ Алкіонъ одинъ въ дали туманной.

VI.

„Куда красавица?“—„За дѣломъ, не узнаешь!“—
„Могу ль надѣяться?“—„Чего?“—„Ты понимаешь!“—
„Не время!“—„Но взгляни: вотъ золото, считай!“—
„Не болѣ? Шутишь? Такъ прощай!“

VII.

Изъ Павла Силенціарія.

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья.
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любви наслажденье!

VIII.

Изъ него же.

Въ Лаисѣ нравится улыбка на устахъ,
Ея плѣнительны для сердца разговоры,
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ
И съ поцѣлуемъ къ сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекалъ.
Я таялъ, и Лаиса млѣла...
Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,
И слезы градомъ изъ очей!
Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей.
„Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою?“—

„Спокойся, ничего, безсмертными клянусь!
„Я мыслію была встревожена одною:
„Вы всё обманчивы, и я... тебя страшусь!“

IX.

Къ престарѣлой красавицѣ.

Изъ него же.

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась
 И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Не зрѣлой въ таинствахъ любовнаго искусства:
Безъ жизни взоръ ея стыдливый и нѣмой,
 И робкій поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень:
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
 Текущій съ жизнію въ крови.

X.

Изъ него же.

Увы, глаза потухшіе въ слезахъ,
Ланиты впалыя отъ долгаго страданья
Родятъ въ тебѣ не чувство состраданья—
 Жестокую улыбку на устахъ...
Вотъ горькіе плоды любви страстной,
Плоды ужасные мученій безъ отрады,
Плоды любви, достойные награды,
Не участи, для сердца столь ужасной...
Увы, какъ молнія внезапная небесъ,
Въ насъ страсти жизнь младую пожираютъ
 И въ жертву безотрадныхъ слезъ,
 Коварныя, навѣки покидаютъ.
Но ты, прелестная, которой мнѣ любовь
Всего—и юности и счастья дороже,
Склонись, жестокая!.. И я воскресну вновь,
Какъ былъ или еще бодрѣе и моложе!

XI.

Изъ него же.

Улыбка страстная и взоръ краснорѣчивый,
Въ которыхъ вся душа, какъ въ зеркалѣ, видна,
Сокровища мои... она
Жестокимъ Аргусомъ со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы:

Ревнивецъ злой, страшись любви очей!
Любовь мнѣ таинство быть счастливымъ открыла,
Любовь мнѣ скажетъ путь къ красавицѣ моей:
Любовь тебя читать въ сердцахъ не научила.

XII.

Изъ него же.

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остыллой.
Конецъ боренію,—увы,—всему конецъ
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ,
Услышите голосъ мой послѣдній и унылой!
Я вяну, и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгораю;
Я вяну, но еще такъ пламенно люблю
И безъ надежды умираю!
Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,
На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ
И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На неплѣ погасаетъ.

XIII.

Съ отвагой на челѣ и съ пламенемъ въ крови
Я плылъ, но съ бурей вдругъ предстала смерть ужасна.
О, юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Ввѣрайся челноку, плыви!

LXVII.

Князю П. И. Шаликову.

При полученіи отъ него въ подарокъ книги, имъ переведенной.
Чѣмъ заплачу вамъ, милый князь,
Чѣмъ отдарю почтеннаго поэта?
Стихами? Но давно я съ музой рушилъ связь
И безъ нея кругомъ летаю свѣта,
Съ востока къ западу, отъ сѣвера на югъ—
Не тамъ, гдѣ вы, гдѣ грацій кругъ,
Гдѣ Аполлонъ съ парнаскими сестрами,
Нѣтъ, нѣтъ, въ странѣ иной,
Гдѣ ввѣкъ не повстрѣчаюсь съ вами:
Въ пыли, въ грязи, на тряской мостовой,
„Въ картузѣ съ козырькомъ, съ небритыми усами“,
Какъ Пушкина герой,
Воспѣтый имъ столь сильными стихами.
Такая жизнь для мыслящаго адъ.
Страданій вамъ моихъ не въ силахъ я исчислить.

Скачи туда, сюда, хоть радъ или не радъ,
Гдѣ жъ время чувствовать и мыслить?

Но время, къ счастью, есть любить
Друзей, ихъ славу и успѣхи
И въ дружбѣ находить

Неизъяснимыя для черствыхъ душъ утѣхи.

Вотъ мой удѣлъ, почтенный мой поэтъ:

Оставляя отчій край, увижу новый свѣтъ

И небо новое, и незнакомы лица,

Везувій въ пламени и Этны вѣчный дымъ,

Кастратовъ, оперу, фигляровъ, папскій Римъ

И прахъ, священный прахъ всемірныя столицы.

Но гдѣ бъ я ни былъ (такъ я молвлю въ добрый часъ),

Не измѣнюсь, душою тотъ же буду

И умирая не забуду

Москву, отечество, друзей моихъ и васъ!

11-го сентября 1818 года.

1819.

LXVIII.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,

Есть радость на приморскомъ брегѣ,

И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,

Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.

Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,

Для сердца ты всего дороже!

Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать

И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,

И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ.

Тобою въ чувствахъ оживаю:

Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,

И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

Шуми же, ты, шуми, угрюмый океанъ!

Развалины на прахѣ строить

Минутный человѣкъ, сей суетный тиранъ,

Но море чѣмъ себѣ присвоить?

Трудися, созидай громады кораблей...

LXIX.

Ты пробуждаешься, о Байя, изъ гробницы

При появленіи Аврориныхъ лучей,

Но не отдастъ тебѣ багряная денница

Сіянія протекшихъ дней,

Не возвратитъ убѣжищей прохлады,
Гдѣ нѣжились рои красотъ,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанутъ синихъ водъ!

1820.

LXX.

Надпись для гробницы дочери г-жи Малышевой.

О, милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный:
Здѣсь мать и отецъ надежду погребли,
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный.
Имъ молви отъ меня: Не стѣуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я
И знаю вѣчность.

1821.

LXXI.

Подражанія древнимъ.

I.

Безъ смерти жизнь не жизнь, и что она? Сосудъ,
Гдѣ капли меду средь полыни!
Величественъ сей понтъ! Лазурной царь пустыни,
О, солнце, чудно ты среди небесныхъ чудъ!
И на землѣ прекраснаго столь много!
Но все поддѣльное иль втунѣ серебро...
Плачь, смертный, плачь! Твое добро
Въ рукъ у Немезиды строгой!

II.

Скалы чувствительны къ свирѣли;
Верблюды прислушивать умѣтъ пѣснь любви,
Стеня подъ бременемъ; румянѣ крови—
Ты видишь—розы покраснѣли
Въ долинѣ Іемана отъ пѣсней соловья...
А ты, красавица!.. Не постигаю я.

III.

Взгляни: сей кипарисъ, какъ наша степь, безплоденъ,
Но свѣжъ и зеленъ онъ всегда.

Не можешь, гражданинъ, какъ пальма дать плода?
Такъ буди съ кипарисомъ сходень:
Какъ онъ уединень, осанистъ и свободень!

IV.

Когда въ страданіи дѣвица отойдетъ,
И трупъ синѣющій остынетъ,
Напрасно на него любовь и амвру льетъ,
И облакомъ цвѣтовъ окинетъ:
Блѣдна какъ лилія въ лазури васильковъ,
Какъ восковое изваянье.
Пѣтъ радости въ цвѣтахъ для вянущихъ перстовъ,
И суетно благоуханье.

V.

О, смертный, хочешь ли безбѣдно перейти
За море жизни тревоженной,—
Не буди гордъ и въ вѣтръ попутный опусти
Свой парусъ, счастьемъ надменный!
Не покидай руля, какъ свистнетъ ярый вѣтръ!
Будь въ счастья Сципіонъ, въ тревогъ брани Петръ!

VI.

Ты хочешь меду, сынъ, такъ жала не страшись!
Вѣнца побѣды—смѣло къ бою!
Ты перловъ жаждешь, такъ спусти
На дно, гдѣ крокодилъ зяетъ подъ водою!
Не бойся! Богъ рѣшитъ. Лишь смѣлымъ онъ отецъ,
Лишь смѣлымъ перлы, медъ иль гибель... иль вѣнецъ.

Шафгаузенъ 7-го іюня 1821.

LXXII.

Изреченіе Мельхиседека.

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родился человекъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

Сатирическія пьесы.

1804.

I.

Посланіе къ стихамъ моимъ.

*Sifflez-moi librement, je vous le rends, mes frères.
Voltaire.*

Стихи мои, опять за васъ я принимаюсь!
Съ тѣхъ поръ, какъ съ музами къ несчастью обращаюсь,
Покою ни на часъ... О, мой враждебный рокъ!
Во снѣ и наяву кастальскій льется токъ!
Но съ страстію писать не я одинъ родился:
Чуть стопы размѣрять кто только научился,
За славою бѣжить—и бѣдный риетворъ
Въ награду обрѣтетъ не славу, но позоръ.
Куда ни погляжу, вездѣ стихи мараютъ,
Подъ кровлей пѣсенки и оды сочиняютъ.
И бѣдный Стукодѣй, что прежде былъ капраль,
Не знаю для чего, теперь поэтомъ сталъ:
Пѣтъ хлѣба ни куска, а роскошь выхваляетъ
И граціямъ стихи голодный сочиняетъ;
Пьетъ воду, а вино въ стихахъ льетъ черезъ край;
Филису намъ твердитъ: „Филиса, ты мой рай!“
Потомъ, возвысивъ тонъ, героевъ воспѣваетъ:
Въ стихахъ его и самъ Суворовъ умираетъ!
Бѣдняга, удержиись, брось, брось писать совсѣмъ!
Не лучше ли тебѣ маршировать съ ружьемъ?
Плаксивинъ на слезахъ съ ума у насъ сошелъ:
Все пишетъ, что друзей на свѣтѣ не нашелъ!
Повѣрю: вѣдь съ людьми нельзя ему ужиться,—
Итакъ, не мудрено, что съ ними онъ бранится.
Безриеминъ говорить о милыхъ, о сердцахъ,
Чувствительность души твердитъ въ своихъ стихахъ;
Но книгъ его,—увы!—никто не покупаетъ,
Хотя ихъ Глазуновъ въ газетахъ выхваляетъ.

Глупонъ за деньги радъ намъ всякаго бранить,
И даже онъ готовъ поэмой уморить.
Иному въ умъ придеть, что вкусъ возстановляетъ:
Мы вѣримъ все ему—кругами утверждаетъ!
Другой уже спѣшитъ намъ драму написать,
За коей будемъ мы не плакать, а зѣвать.
А третій наконецъ... Но можно ли помыслить
Все глупости людей въ подробности исчислить?..
Напрасный будетъ трудъ, но въ немъ и пользы нѣтъ:
Сатирую нельзя перемѣнить намъ свѣтъ.
Зачѣмъ съ Глупономъ мнѣ, зачѣмъ всегда браниться?
Онъ также на меня готовъ вооружиться.
Зачѣмъ Безриемину бумагу не марать?
Всякъ пишетъ для себя: зачѣмъ же не писать?
Дымъ славы, хоть пустой, любезенъ намъ, пріятенъ;
Гласъ разума,—увы!—къ несчастію, не внятенъ.
Поэты есть у насъ, есть скучные врали;
Они не вверхъ летать, не къ небу, но къ земли.

Давно я самъ въ себѣ, давно уже признался,
Что въ мирѣ, въ тишинѣ мой вѣкъ бы провождался,
Когда бъ проклятый Фебъ мнѣ не вскружилъ весь умъ;
Я презрилъ бы тогда и славы тщетный шумъ
И жилъ бы такъ, какъ ханъ во славномъ Кашемирѣ,
Не мысля о стихахъ, о музахъ и о лирѣ.
Но нѣтъ... Стихи мои, безъ васъ нельзя мнѣ жить,
И дня безъ риома, безъ стопъ не можно проводить!
Къ несчастію моему, мнѣ надобно признаться,
Стихи какъ женщины: намъ съ вами ли разстаться?..
Когда не любятъ насъ, хотимъ ихъ презирать,
Но все не престаемъ прекрасныхъ обожать!

1805.

II.

На книгу подъ названіемъ: Смѣсь.

По чести это смѣсь:
Тутъ проза и стихи, и авторская спесь.

III.

Безриемина совѣтъ:
Безъ жалости все сжечь мое стихотворенье,
Быть такъ! Его жъ, друзья, невинное творенье
Своею смертію умереть.

1809.

IV.

Мадригалъ новой Сафо.

Ты—Сафо, я—Фаонъ; объ этомъ я не спору:
Но, къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю.

V.

Мадригалъ Мелинѣ, которая называла себя нимфою.

Ты нимфа Іо, нѣтъ сомнѣнья,
Но только... послѣ превращенья!

VI.

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобъ напиться!

VII.

Эпиграмма на переводъ Виргилія.

Вдали отъ храма музъ и рощей Геликона
Фебъ мстительною рукой сатира задавилъ ¹⁾;
Воскресъ уродъ и отомстилъ:
Друзья, онъ душитъ Аполлона!

VIII.

Эпиграмма.

„Не годенъ ни къ чему Глупницкаго журналъ“.
Зоилы дерзкіе, вы ль это говорите?
Неблагодарные, я развѣ не видалъ,
Когда бывало вы табакъ со мной курите,
Когда что завернуть понадобится вамъ,
Журналъ Глупницкаго всегда тутъ пригодится.
Но я васъ накажу: ни нумера не дамъ
Журнала этого, когда вамъ не заспится.

¹⁾ Всѣмъ извѣстна участь Марсія.

IX.

Видѣніе на берегахъ Леты.

Ma muse sage et discrète
Sait de l'homme d'honneur distinguer le poète.
Boileau.

Вчера, Бобровымъ утомленный,
Заснулъ и видѣлъ чудный сонъ:
Какъ будто свѣтлый Аполлонъ,
За что не знаю прогнѣвленный,
Поэтамъ нашимъ смерть изрекъ.
Изрекъ—и всѣ упали мертвы
Невинны Аполлона жертвы.
Иной изъ нихъ окончилъ вѣкъ,
Сидя на чердакѣ высокомъ
Въ издранномъ шлафорѣ широкомъ,
Голодень, нагъ и утомленъ
Упрямой риемой къ свѣтлу небу.
Другой, въ Цитеру принесенъ,
Красу умильную, какъ Гебу,
Хотѣлъ въ жару насильно... пѣть
И пѣлъ безъ чувствъ въ концѣ эклоги.
Вездѣ, о, милосерды боги,
Вездѣ пируетъ алчна смерть,
Косою острой быстро машетъ,
Богату ниву аду пашетъ
И губить Фебовыхъ дѣтей,
Какъ вѣтръ осенній злакъ полей.

Межъ тѣмъ въ Элизіи священномъ,
Лавровымъ лѣсомъ осѣненнымъ,
Подъ шумомъ касталійскихъ водъ,
Пѣвцовъ нечаянный приходъ
Узналъ почтенный Ломоносовъ,
Херасковъ, честь и слава Россовъ,
Честолюбивый Фебовъ сынъ,
Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ,
Замысловатый Сумароковъ
И, Мельпомены другъ, Княжнинъ.
И ты сидѣлъ въ толпѣ избранной,
Стыдливой граціей вѣнчанной,
Пѣвецъ прелестныя мечты,
Между Псишеи легкокрылой
И бога нѣжной красоты!
И ты тамъ былъ, наѣздникъ хилой
Строптивъ дѣвственницъ сѣдла,
Трудолюбивый какъ пчела,
Отецъ стиховъ Телемахиды!
И ты, что сотворилъ обиды

Венерѣ дѣвственной, Барковъ!
 И ты, о, мой пѣвецъ незлобный,
 Хемницеръ, въ басняхъ неподобный!
 Всѣ словомъ, коихъ богъ пѣвцовъ
 Вѣнчалъ безсмертія лучами,
 Сидѣли тамъ оливъ въ тѣни,
 Обнявшись съ прежними врагами;
 Но спорили еще они
 О томъ, о семъ и не безъ шума.
 (И въ раѣ—думаю—у насъ
 У всякаго своя есть дума,
 Разсудокъ свой и вкусъ, и глазъ.)
 Садились всѣ за пиръ богатый,
 Какъ вдругъ Маинъ сынъ крылатый,
 Присланный высшимъ божествомъ,
 Сказалъ сидящимъ за столомъ:
 „Сюда, на берегъ тихой Леты,
 „За мной идутъ толпой поэты.
 „Они въ рѣкѣ сей погрузятъ
 „Себя и вмѣстѣ юныхъ чадъ.
 „Здѣсь опытъ будетъ правосудный!
 „Стихи и проза безразсудны
 „Потонутъ вмигъ... Такъ Фебъ судилъ!“
 Сказалъ Эрмій и силой крилъ
 Отъ ада къ небу воспарилъ.

„Ага“, фонъ-Визинъ молвилъ братьямъ,
 „Здѣсь будетъ встрѣча не по платьямъ,
 „Но по заслугамъ и уму“.
 „Да много ли“, въ отвѣтъ ему
 Сказалъ смѣясь Сумароковъ,
 „Пѣвцовъ найдете безъ пороковъ?
 „Поглотить Леты всѣхъ струя,
 „Поглотить всѣхъ, иль я не я!“
 „Посмотримъ“, продолжалъ вполгласа
 Пѣвецъ, проклятый отъ Парнаса ¹⁾,
 „Егда прійдутъ...“ Но вотъ они,
 Подобно какъ въ осенни дни ²⁾
 Поблѣкши листвія древесны,
 Что буря въ долахъ разнесла,
 Такъ тѣнямъ симъ не вѣсть числа!
 Идутъ толпой въ ущелья тѣсны
 Къ рѣкѣ забвенія стиховъ,
 Идутъ подъ бременемъ трудовъ;
 Безгласны, блѣдны приступаютъ,
 Любезныхъ дѣтищей купаютъ...
 И болѣе не зрятъ въ волнахъ.

¹⁾ Тредьяковскій.

²⁾ Смотри VI пѣснь Энеиды.

По тутъ Миносъ, пѣвцамъ на страхъ,
Старикъ угрюмый и курносый,
Чинить расправу и вопросы:
„Кто ты? Вѣдай!“—„Я тотъ поэтъ,
„По счастью очень плодови́тый“,
Быль тѣни маленькой отвѣтъ,
„Я тотъ, вѣнками розъ увитый,
„Поэтъ, философъ, педагогъ,
„Который задушилъ Виргилья,
„Алкею окоротилъ крылья,
„Я здѣсь: сего бо хочетъ богъ
„И долгъ священныя природы...“¹⁾
„Кто ты, болтунъ?“—„Я Мер-зля ковъ...“
„Ступай и окунися въ воды!“—
„Иду... Во мнѣ вся мерзнетъ кровь...
„Душа всего, душа природы,
„Спаси... спаси меня, любовь!
„Авось!..“—„Нѣтъ, нѣтъ, болтунъ несчастный“,
Сказалъ ему Эротъ прекрасный,
Который тутъ съ Псишеей былъ²⁾,
„Ступай, пошелъ!..“ И нѣтъ педанта!

„Кто ты?“ спросилъ допросчикъ тѣнь,
Несущу связку фоліанта.
„Увы, я цѣлу ночь и день
„Писалъ, пишу и вѣчно буду
„Писать все прозой безъ еровъ;
„Невиненъ я. Па эту груду
„Смотри: здѣсь тысячи листовъ,
„Священной пылю покрытыхъ,
„Печатью мелкою убитыхъ,
„И нѣтъ ера ни одного.
„Да я...“—„Скорѣй купать его!“

По тутъ явились лица новы
Изъ бѣлокаменной Москвы.
Какія странныя обновы!
Отъ самыхъ ногъ до головы
Обшиты платья ихъ листьями,
Гдѣ прозой дѣтской и стихами.
Иной—кладбище, мавзоль,
Другой журналъ души своей,
Другой—Меланію, Зюльмису,
Глафиру, Хлою, Миликтрису,
Луну, веспера, голубковъ,

¹⁾ Полустишіе, взятое изъ прекраснаго сочиненія г. Мерзлякова: Тѣнь Кукова, котораго никто не понимаетъ.

²⁾ Г. Мерзляковъ продолжилъ, какъ видно, Душеньку. Амуръ въ стихахъ его на сорока страницахъ плачетъ.

Барановъ, кошекъ и котовъ ¹⁾
Воспѣлъ въ стихахъ своихъ унылыхъ
На всякій ладъ для женщинъ милыхъ...
О, вѣкъ желѣзный!.. А онѣ
Не только вѣявѣ, но во снѣ
Поэтовъ не видали бѣдныхъ.
Изъ этихъ лицъ уныло-блѣдныхъ
Одинъ, причесанный въ тупей,
Поэтъ присяжный, князь вралей,
На судъ явилъ творенья новы.

„Кто ты?“ — „Увы, я пастушокъ,
„Вздохатель, завсегда готовый;
„Вотъ мой баранъ и посошокъ,
„Вотъ мой букетъ цвѣтовъ тафтяныхъ,
„Вотъ списокъ всѣхъ красотъ упрямыхъ,
„Которыми дышалъ и жилъ,
„Которымъ я насильно милъ;
Вотъ мой Амуръ, моя Аглая...“ ²⁾
Сказалъ и, тягостно зѣвая,
Спросонья въ Лету поскользнулъ.

„Уфъ, я усталъ! Подайте стулъ!
„Позвольте мнѣ, я очень славенъ,
„Безсмертенъ я—пока забавенъ!“ —
„Кто жъ ты?“ — „Я русскій и поэтъ! ³⁾
„Бѣгомъ бѣгу, лечу за славой,
„Разсудокъ не имѣю здравой,
„Да русское люблю душой;
„Для русскихъ правъ мой толкъ кривой“.
„Кто жъ ты?“ — „Жанъ-Жакъ я русскій,
„Расинъ и Юнгъ, и Локкъ я русскій;
„Три драмы русскихъ сочинилъ
„Для русскихъ. Нѣтъ ужъ больше силъ
„Писать для русскихъ драмы слезны;
„Труды мои всѣ бесполезны!
„Причина порча нравовъ въ томъ“.
Сказалъ—и бухъ въ рѣку потомъ.

Тутъ Сафы русскія печальны,
Какъ бабки наши повивальны,
Несли расплаканныхъ дѣтей.
Одна—прости Богъ эту даму!—
Несла уродливую драму,
Позоръ для ада и мужей,
У коихъ сочиняють жены.
„Вотъ мой Густавъ, герой влюбленный!“ —

¹⁾ Это все, даже и кошки, воспѣты въ Москвѣ. Ссылаюсь на журналы.

²⁾ Аглая—вовсе не грація, а журналъ князя Шаликова.

³⁾ Нѣкто въ Москвѣ, а не въ Пекинѣ, издаетъ журналъ для Русскихъ.

„Ага!“ судья пѣвицѣ сей,
 „Названья этого довольно!
 „Сударыня, мнѣ очень больно,
 „Что вы, забывъ послѣдній стыдъ,
 „Убили драмою Густава.
 „Въ рѣку, въ рѣку!..“ О, жалкій видъ!
 О, тщетная поэтовъ слава!
 Исчезла Сафо! Нѣтъ ея!..
 Потомъ, за нею обѣ дамы,
 На дамъ живыя эпиграммы,
 Хватившись за покровъ ея,
 Совсѣмъ имъ не въ приличномъ видѣ
 (Скажу пѣвицамъ не къ обидѣ),
 Пырили въ глубь туманныхъ водъ.
 „Кто ты?“— „Я—виноносный геній!
 „Поэмы три да сотню одъ,
 „Гдѣ всюду ночь, гдѣ всюду тѣни,
 „Гдѣ роца ржуца ружій ржётъ ¹⁾,
 „Писалъ съ заказа Глазунова
 „Всегда на срокъ... Что вижу я?
 „Здѣсь рѣсетъ между водъ ладья,
 „А тамъ въ разрывахъ черна крова
 „Уранія, душа сихъ сферъ,
 „И всѣ титаны ледовиты,
 „Прозрачной мантией покрыты,
 „Слезать... Изсякнулъ изувѣръ
 „Отъ взора пламенной эгиды!“
 Одинъ отецъ Телемахиды
 Слова сіи умѣлъ понять.
 На томъ берегу рѣки забвенья
 Стояли тѣни въ изумленьи
 Отъ рѣчи сей. „Изволь купать
 Себя и всѣхъ своихъ уродовъ“;
 Сказалъ, не слушая доводовъ,
 Угрюмый адскій судія.
 „Да всѣхъ поглотитъ васъ струя!“

Но вдругъ на адскій берегъ дикій
 Призракъ чудесный и великій
 Въ обширномъ дѣдовскомъ возкѣ
 Тихонько тянется къ рѣкѣ.
 На мѣсто клячей запряженны
 Тамъ люди, въ хомуты вложенны,
 И тянутъ кое-какъ гужомъ.
 За нимъ, какъ въ осень трутни праздны
 Крылатымъ въ воздухъ полкомъ,
 Летятъ толпою тѣни разны

¹⁾ Стихъ изъ сочиненій г. Боброва.

И тамъ, и сямъ. По слову: стой!
 Кивнула блѣдна тѣнь главой
 И вышла съ кашлемъ изъ повозки.
 „Кто ты?“ спросилъ ее Миносъ,
 „И кто сін?“ На сей вопросъ:
 „Мы—академіи поэты росски“,
 Сказала тѣнь. „По кто сін
 „Несчастливы, въ ключей превращенны?“
 „Сочлены юные мои,
 „Любовью къ славѣ воспаленны.
 „Они Пожарскаго поютъ
 „И топятъ старца Гермогена;
 „Ихъ мысль на небеса вперена,
 „Слова жъ изъ Библии берутъ.
 „Стихи ихъ хотъ немножко жестки,
 „Но истинно варяго-росски“.—
 „Да кто жъ ты самъ?“—„Я также членъ,
 „Кургановымъ писать учень,
 „Извѣстенъ сталъ не пустяками,
 „Терпѣньемъ, по́томъ и трудами.
 „Я есмь зѣло славянофилъ“.
 Сказалъ и книгу растворилъ.
 При словѣ семъ въ блаженной сѣни
 Поэтовъ приподнялись тѣни.
 Пѣвецъ Любовныя ѣзды
 Осклабилъ взоръ усмѣшкой блудной ¹⁾
 И рѣкъ: „Въ мужѣхъ умомъ не скудной.
 „Обрѣтшій рѣдки красоты
 „И смыслъ въ моей Деидаміи,
 „Се ты, се ты!“—„Слова пустыя!“
 Угрюмый судія сказалъ
 И въ рѣку путь имъ показаль.
 Къ рѣкѣ всѣ двинулись толпою,
 Пыряли всячески въ водахъ;
 Тотъ книжку потопилъ въ струяхъ,
 Тотъ цѣлу книжищу съ собою.
 Одинъ, одинъ славянофилъ,
 И то повыбившись изъ силъ,
 За всѣхъ трудовъ своихъ громаду,
 За твердый умъ и за дѣла
 Вкусилъ безсмертія награду.

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
 Перяхой и въ нарядѣ странномъ:
 Въ широкомъ шлафорѣ издранномъ,
 Въ пуху, съ нечесанной главой,
 Съ салфеткой, съ книгой подъ рукою.
 „Меня врасплохъ“, она сказала,

¹⁾ Блудная усмѣшка истолкована въ Ѣздѣ на островъ любви.

„Въ обѣдъ парочно смерть застала,
„Но съ вами я опять готовъ
„Еще хотъ сызнава отвѣдать
„Вина и адскихъ пироговъ:
„Тенерь же часъ, друзья, обѣдать.
„Я вашъ знакомый, я Крыловъ“ ¹⁾.
„Крыловъ, Крыловъ!“ въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо шумно повторяло
Подъ сводомъ адскимъ! „Здѣсь Крыловъ!“
„Сались сюда, пріятель милый!
„Здоровъ ли ты?“—„И такъ, и сякъ“.—
„Ну что жъ ты дѣлалъ?“—„Все пустякъ:
„Тянулъ тихонько вѣкъ унылый,
„Пилъ, сладко ѣлъ, а болѣ спалъ.
„Ну вотъ, Минось, мои творенья;
„Съ собой я очень мало взялъ:
„Комедін, стихотворенья,
„Да басни всѣ“.—„Купай, купай!“
О, чудо!.. Всплыли всѣ! И вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай.

Еще продлилось сновидѣнье,
Но ваше длится ли терпѣнье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно:
Другого и обидѣть можно,
А Боже упаси того!

1810.

Х.

На переводъ Генріады или превращеніе Вольтера.

„Что это!“ говорилъ Плутонъ,
„Остановился Флегетонъ,
„Мегера, фурии и Церберъ онѣмѣли,
„Внимая пѣню твоему,
„Пѣвецъ безсмертной Габріелъ?
„Умолкни!.. Но сему
„Безбожнику въ награду
„Поищемъ страшныхъ мукъ, ужасныхъ даже аду,
„Содѣлаемъ его
„Гнусище самого
„Сизифа злова!“
Сказалъ и превратилъ—о, ужасъ!—въ Ослякова.

¹⁾ Крыловъ познакомился съ духами черезъ Почту духовъ.

XI.

Извѣстный откупщикъ Ѳаддей
Построилъ Богу храмъ... и совѣсть успокоилъ.
И впрямь! На все цѣны удвоилъ:
Далъ Богу мѣдный грошъ, а сотни взялъ рублей
Съ людей.

XII.

Теперь, сего же дня,
Прощай, мой экипажъ и рыжихъ четверня,
Лизета, ужины... Я съ вами распрощался
Навѣкъ для мудрости святой!
„Что сдѣлалось съ тобой?“
Бездѣлка... Пронгрался!

XIII.

Истинный патріотъ.

„О, хлѣбъ-соль русская, о, прадѣдъ Филаретъ,
„О, милые остатки,
„Упрямство дѣдушки и фѣрязи прабабки!
„Безъ васъ спасенья нѣтъ,
„А вы, а вы забыты нами!“
Вчера горланилъ Фирсъ съ гостями
И, сидя у меня за лакомымъ столомъ,
Въ восторгѣ пламенномъ, какъ истый витязь русскій,
Съѣлъ соусъ, съѣлъ другой, а тамъ салымисъ французскій
А тамъ шампанскаго хлебнулъ съ бутылку онъ,
А тамъ... подвинулъ стулъ и сѣлъ играть въ бостонъ.

XIV.

Совѣтъ эпическому стихотворцу.

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій
Ея не называй.

XV.

На поэмы Петру Великому.

Какъ страненъ здѣсь судебъ уставъ!
Пѣвцы Петровыхъ дѣлъ—несчастья жертвы:
Нашъ Пиндаръ кончилъ жизнь, поэмы не скончавъ,
Другіе живы всѣ, но ихъ поэмы мертвы!

1812.

XVI.

Всегдашній гость, мучитель мой,
О, Балдусъ, долго ль мнѣ зѣвать, дремать съ тобой?
Будь крошечку умнѣй или дай жить въ покоѣ!
Когда жестокий рокъ сведетъ тебя со мной,
Я не одинъ и насъ не двое.

1813.

XVII.

Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ.

Эпико-лиро-комико-эпородическій гимнъ.

Пѣвецъ.

Друзья, всѣ гости по домамъ:
Отъ чтенья охмелѣли!
Конецъ и прозѣ, и стихамъ —
До будущей недѣли!
Мы здѣсь одни... Что дѣлать? Пить
Вино изъ полной чаши.
Давайте взапуски хвалить
Славянски оды наши!

Сотрудники.

Мы здѣсь одни... Что дѣлать? Пить и проч.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже покойныхъ нѣтъ
Пѣвцовъ среди Бесѣды!
Ихъ вирши сгнили въ кладовыхъ
Иль съѣдены мышами,
Иль продаютъ на рынкѣ въ нихъ
Салакушку съ сельдями.
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
Мы всѣ для славы дышемъ
Равно здѣсь въ прозѣ и въ стихахъ,
Какъ Тредьяковский, пишемъ.

Сотрудники.

По духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Чья тѣнь подь самымъ потолокомъ
Предъ нашими глазами?
За нимъ, предъ нимъ—о, страхъ!—полкомъ
Поэты со стихами!
Се Тредьяковскій въ парикъ
Намасленномъ съ кудрями,
Съ Телемахидою въ рукѣ,
Съ Ролленемъ за плечами.
Почто на насъ, о, мужъ сѣдой,
Вперилъ ты страшны очи?
Мы все клялись, клялись тобой
Съ утра до полуночи
Писать какъ ты, тебѣ служить.
Мы все съ разсудкомъ въ ссорѣ,
Для славы будемъ жить и пить,
Намъ по колѣни море!

Сотрудники.

Писать какъ ты, тебѣ служить, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Напьемся пьяны музамъ въ дань,
Какъ пили наши дѣды!
Разсудокъ къ чорту, вкусу брань,
Хвала сынамъ Бесѣды!
Пусть Ломоносовъ былъ уменъ,
А мы еще умнѣе;
За пьянство сталъ умнѣе онъ,
А мы еще пьянѣе.
Для славы будемъ жить и пить,
Врагамъ бѣда и горе!
На что разсудокъ намъ падить?
Намъ по колѣни море!

Сотрудники.

Для славы будемъ жить и пить, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Друзья, большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихова.
Родного края милый свѣтъ,
Знакомые подвалы,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
Невинны мадригалы,

Что вашу прелесть замѣнить?
О, лавка дорогая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Сотрудники.

Что вашу прелесть замѣнить, и проч.

Пѣвецъ.

Тамъ все знакомо для пѣвцовъ,
Тамъ наши дѣтки милы,
Кладбище милое стиховъ,
Бумажныя могилы,
Тамъ царство тлѣнья и мышей,
Тамъ Николевъ почтенный,
И древній прахъ календарей,
И прахъ газетъ священный!

Сотрудники.

Тамъ царство тлѣнья и мышей, и проч.

Пѣвецъ.

Да здравствуетъ Бесѣды царь!
Цвѣти, его держава!
Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь,
Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава,
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли глупость съ кровью.
Сумбуръ, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый писарь-Славянинъ
Галиматьею дышетъ;
Бѣжить предатель сихъ дружинъ,
Кто галлицизмы пишетъ!

Сотрудники.

Нашъ каждый писарь-Славянинъ, и проч.

Пѣвецъ.

Тотъ нашъ, кто день и ночь кадитъ
И намъ молебны служитъ!
Пусть публика его бранить
Но онъ о томъ не тужить,
За насъ всегда стоитъ горой,
Въ Бесѣдѣ не зѣваетъ...
Прямой сотрудникъ, братъ прямой
И въ брани помогаетъ!

Сотрудники.

За насъ всегда стоитъ горой, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала тебѣ, славянофилъ,
О, мужъ неукротимой!
Ты здѣсь разсудокъ побѣдилъ
Рукой неутомимой.
О, сколь съ наморщеннымъ челомъ
Въ Бесѣдѣ онъ прекрасенъ,
Сколь холоденъ передъ столомъ
И критикамъ ужасенъ!
Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ...
Хвала сѣдому дѣду!
Друзья, онъ, онъ родилъ на свѣтъ
Славинскую Бесѣду!

Сотрудники.

Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала тебѣ, о, дѣдъ сѣдой,
Хвала и многи лѣта!
Ошую пусть сидитъ съ тобой
Осьмое чудо свѣта,
Твой сынъ, наперсникъ и клеветъ,
Шихматовъ безглагольный,
Какъ ты, Славянъ краса и цвѣтъ,
Какъ ты, собой довольный!

Сотрудники.

Твой сынъ, наперсникъ и клеветъ, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала тебѣ, о, Шаховской,
Холодныхъ шубъ кроитель,
Отецъ талантовъ, мужъ прямой,
Ежовой покровитель!
Телецъ, упитанный у насъ,
О, ты, болванъ болвановъ,
Хвала тебѣ, хвала сто разъ,
Раздутый Карабановъ!

Сотрудники.

Телецъ, упитанный у насъ, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неистощимый,
Стихи твои какъ барабанъ
Для слуха нестерпимы!
Вездѣ съ стихами, тутъ и тамъ,
Вездѣ ты волкомъ рыщешь,
Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищешь.
Лишь за поэму—прочъ идутъ,
За оду—засыпаютъ,
Ты за посланье—всѣ бѣгутъ
И уши затыкаютъ.

Сотрудники.

Лишь за поэму—прочъ идутъ, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала, псаломщикъ нашъ, старикъ,
Захаровъ-предложитель,
Ревешь ты, какъ на волка быкъ,
Луговъ пустынныхъ житель!
Хвала тебѣ, протяжный Львовъ,
Ковачъ реченій смѣлый,
И Палицынъ, гроза чтецовъ,
Въ Поповкѣ посѣдѣлый!
Хвала, нашъ пасмурный Гервей,
Обруганный Станевичъ,
И съ польской лирою своей,
Холуй Анастасевичъ!

Сотрудники.

Хвала, нашъ пасмурный герой, и проч.

Пѣвецъ.

Друзья, сей ковшъ пивной большой
За здравье Соколова!
Онъ право чтець у насъ лихой
И созданъ для Хвостова.
Въ твоихъ устахъ стихи ревутъ,
Какъ волны пѣной плещутъ;
Отъ грома ихъ невольно тутъ
Всѣ барыни трепещутъ.
Хвала, Бесѣды сей дьячокъ,
Безумный Политковский!
Жуешь, гносишь и вдругъ стихокъ
Родишь славяноросскій.

Сотрудники.

Хвала, Бесѣды сей дьячокъ, и проч.

Пѣвецъ.

.
.
Ихъ груди каменной хвала,
Хвала скуламъ желѣзнымъ!
Но месть тому, кто насъ бранить,
И точить эпиграммы,
Кто пишетъ такъ, какъ говорить,
Кого читають дамы!

Сотрудники.

По месть тому, кто насъ бранить, и проч.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй,
И мигомъ перья въ длани!
Сразить иль пасть—нашъ роковой
Обѣтъ въ чернильной брани.
Вотще свои, о, Карамзинъ,
Ты издалъ сочиненья:
Я, я на Пиндѣ властелинъ
И жажду лишь отмщенья!

Сотрудники.

Вотще свои, о, Карамзинъ, и проч.

Пѣвецъ.

Нѣтъ логики у насъ въ домахъ,
Грамматикъ не бывало;
Мы Прологъ въ руки—гибни, врагъ,
Съ твоей дружиной вялой!
Отвѣдай, дерзкій, что сильнѣй—
Разсудокъ или мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей!
За глупыхъ Провидѣнье!

Сотрудники.

Отвѣдай, дерзкій, что сильнѣй, и проч.

Пѣвецъ.

Друзья, прощанью сей стаканъ!
Ужъ свѣчи погасили,

Пробили зорю въ барабанъ,
Къ заутренѣ звонили,
Пора домой, пора ко сну,
Отъ хмеля я шатаюсь...

Графъ Хвостовъ.

Дай, басню я прочту одну
И послѣ распрощаюсь.

Всѣ.

Ахъ, нѣтъ, друзья, домой, домой!
Чу, пѣтухи пропѣли!
Прощай, Шишковъ, нашъ дѣдъ сѣдой.
Прощай, мы охмелѣли,
Но ты насъ въ путь благослови!
А вы, друзья, лобзанья
Въ завѣтъ и новыя любви,
И новаго свиданья!

1815.

XVIII.

Памфилъ забавенъ за столомъ,
Хоть часто и на зло разсудку;
Веселостью обязанъ онъ желудку,
А памяти—умомъ.

